

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Валерьевна

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия
диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Красноярск – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИЯ: К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
1.1. Об основных подходах к понятию «информационная безопасность».....	30
1.2. Безопасность как мера устойчивости социального порядка в условиях роста вариативности коммуникации, выраженного в интенсивности информационных потоков.....	46
1.3. Девиация как вариативность социальной коммуникации и понятие информации	65
1.4. Обеспечение информационной безопасности как совокупность социальных практик	73
ГЛАВА 2. БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РОСТА ИНТЕНСИВНОСТИ ИНФОРМАЦИИ: ОБЩИЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
2.1. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик	87
2.2. Новые социальные мобильности как современные практики обеспечения информационной безопасности.	109
2.3. Темпоральные характеристики социальной практики как критерий обеспечения информационной безопасности.....	131
2.4. Социальные практики и структуры обеспечения информационной безопасности.....	142
ГЛАВА 3. БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА: СЕТЕВЫЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
3.1. Основные подходы к изучению современного информационного сетевого пространства. Киберпространство как система мобильностей	171

3.2. Киберпространство как необходимый очаг накопления и ускорения девиации/инновации (информации).....	190
3.2.1. Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии.....	198
3.2.2. Национальная и государственная безопасность в соотношении общего и частного	201
3.3. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности.....	203
3.4. Основные типы угроз в условиях Интернета.....	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	260

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Обращение общественного сознания к проблемам информационной безопасности связано с новыми особенностями жизни в современном обществе. Сокращаются социальные практики аграрного и индустриального производства – они технологизируются, становятся интеллектуально и информационно насыщенными. Все большая часть общества вовлекается в работу с информацией. Информация становится важнейшим ресурсом общества. Наряду с понятиями «промышленная индустрия», «инфраструктура промышленности» все чаще в деловом языке мы встречаем понятия «информационная индустрия», «информационная инфраструктура». М. Кастельс отмечал, что наступающая информационная эпоха характеризуется специфической формой социальной организации, в которой новые технологии генерирования, обработки и передачи информации стали фундаментальным источником производительности и власти [81]. Сложно не согласиться с тем, что сегодня всякая социальная практика, особенно связанная с производством и управлением в широком смысле этого слова, актуализирует определенный спектр информации и обусловлена проблемой информационной безопасности.

Наращение сложности, многоаспектности социальной жизни, рост скорости ее протекания связаны с ростом интенсивности информационных процессов в обществе и возрастающей скоростью устаревания информации. Подобная ситуация вызывает к жизни новые риски и угрозы, одновременно умножая прежние. Риски и угрозы являются основными параметрами, с помощью которых сегодня прогнозируются и решаются любые социальные проблемы, будь то государственное управление, связанное с постоянным реформированием социальных структур, или другие социально-экономические решения, принимаемые различными субъектами. Безопасность субъекта, как и безопасность системы общества в целом,

формируются наличием/отсутствием информации и возрастающей скоростью устаревания информации. Причиной тому и другому является рост интенсивности коммуникаций в обществе.

В современном мире развитие и усложнение социальной реальности выражаются в росте количества и разнообразия ситуаций, ведущих, в том числе, к обобщению и нивелированию социальных норм и к росту самой проблемы нормирования социального пространства. Растет разрегулированность коммуникаций, что влечет за собой разлад социальной системы общества в целом. У. Бек отмечает, что модернизация общества породила новые социальные конфигурации – «общество риска», в котором меняется качество общности, а движущей силой становится потребность в безопасности: «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: “Я хочу есть!” Движущая сила общества риска выражается фразой: “Я боюсь!” Место общности нужды занимает общность страха» [23, с. 60].

По мнению ряда обществоведов, понятия «безопасность», «опасность», «страх» – одни из главных аналитических конструктов социального знания, важных для понимания современности [92, 186]. «Проблемы безопасности являются междисциплинарной или трансдисциплинарной областью знания, а сам термин приобрел сегодня статус общенаучного понятия, выходящего за пределы той или иной частной науки. Безопасность – сложное, многоуровневое явление, и проблема заключается не только в формировании общего, универсального определения, хотя и это весьма актуально, но и в выработке общих представлений и системы знаний о данном феномене на философском и теоретико-методологическом уровне» [233, с. 66].

Глобализация и дальнейшая виртуализация социальных процессов приводят к тому, что проблемы безопасности все чаще начинают приобретать социально-политический характер. Растет информационное противостояние между ведущими геополитическими силами – государствами, транснациональными компаниями, международными организациями. Появляются и развиваются такие понятия и практики как

конкурентная разведка, финансовая разведка, «гуманитарные технологии» как способы влияния на определенные сообщества. Осмысление и развитие практик безопасности и защиты интересов становятся вопросом геополитической и экономической конкурентоспособности. Следует отметить, что до сих пор отсутствуют обобщающие социально-философские исследования, в которых бы подробно рассматривалась проблема обеспечения информационной безопасности социального субъекта, выраженная в коммуникативно-деятельностном аспекте. Между тем, насущность этой проблемы во всех сферах жизни общества и государства сложно преувеличить. Достаточно обратиться к документам Совета Безопасности Российской Федерации¹, чтобы убедиться в важности и необходимости концептуализации этого вопроса.

Современное общество утратило былую сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «общественное» колонизируется «частным», а общественные проблемы, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными [17, с. 62–63]. Общество как система, структурируемая коммуникацией, все чаще анализируется с помощью таких переменных, как «плотность коммуникаций» или «частота информационных импульсов». В своих наблюдениях современности Н. Луман указывает на необходимость учитывать «циркулярный характер усиления девиантности» [102, с. 30]. Для нас «усиление девиантности» выступает, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман).

---

¹ Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : утв. исполняющим обязанности Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, председателя Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации 7 марта 2008 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/93.html>. – Загл. с экрана.

Сегодня важным является осмысление того, что несет динамика информационных потоков миру. Но еще важнее стоит вопрос об обеспечении безопасности как личности, так и общества в целом в условиях сметающей все на своем пути информационной стихии. В контексте такого подхода мы обращаемся к социально-философской концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности социального субъекта в условиях нарастания девиации/инновации, выраженных в росте информационных потоков.

Степень разработанности проблемы

В анализе степени разработанности проблемы можно выделить две группы источников: это литература, посвященная проблемам безопасности, информационной безопасности и более обширный набор текстов социально-философского, социологического характера, где концептуализированы вопросы общества и его развития, напрямую связанные с информационным характером нестабильности современной эпохи.

Вопросы безопасности, особенно информационной, все чаще включаются в орбиту философских, социологических и политологических исследований, о чем свидетельствуют научные журналы «Национальная безопасность – nota bene», «Национальная безопасность и стратегическое планирование», «Индекс безопасности», «Информационные войны», «Информационная безопасность регионов», научно-информационный журнал «Армия и общество» и др. Одним из первых научных изданий в Российской Федерации, где появились рубрики «Философия безопасности» и «Философия и социология безопасности», был журнал «Безопасность Евразии».

В области теоретико-методологических проблем безопасности значительный вклад внесли А.И. Буркин, И.А. Василенко, Н.П. Ващекин, А.Ш. Викторов, А.В. Возжеников, С.И. Григорьев, В.Г. Гусаим, М.И. Дзलिएв, А.Н. Дмитриев, М.Ю. Зеленков, Р.Ф. Идрисов, Ю.М. Козлов, А.Н. Кочергин, В.Н. Кузнецов, А.С. Кузьмин, В.К. Левашов, С.Л. Мандрыка, В.Л.

Манилов, А.В. Манойло, А.Ю. Маруев, Н.А. Махутов, В.И. Митрохин, А.В. Опалев, Г.В. Осипов, Д.В. Павлов, Н.П. Патрушев, А.С. Панарин, В.С. Пирумов, А.И. Поздняков, А.А. Прохожев, Л.П. Решетников, А.Л. Романович, Н.Н. Рыбалкин, В.В. Серебрянников, Н.В. Синеок, С.В. Смутьский, И.А. Соколов, В.С. Степашин, А.Д. Урсул, В.В. Цыганов, В.С. Шевцов, В.Л. Шульц, И.В. Юрченко, Р.М. Юсупов, Р.Г. Яновский, В.И. Ярочкин и др.

В.Н. Кузнецов, В.В. Кульба, А.А. Прохожев, А.Л. Романович, Э.С. Иззатдуст, А.Д. Урсул, И.В. Чернов, А.Б. Шелков, В.Л. Шульц, В.В. Цыганов занимаются анализом взаимосвязи проблем развития, роста социальных изменений и безопасности различных социальных объектов. В.Н. Кузнецов анализирует проблему обеспечения безопасности не через понятие «защита», а через «развитие», где безопасность рассматривается как динамический процесс, а не как стабильное состояние. А.А. Прохожев соотносит понятие безопасности с категорией развития (причем под последним понимается прогресс), подчеркивает их взаимосвязь, а также то, что задачи обеспечения безопасности и развития часто носят противоположный характер. А.Д. Урсул развивает концепцию обеспечения безопасности через устойчивое развитие общества и необходимость перехода к этому типу развития системы «общество – природа».

Интерес и функциональную востребованность в анализе практик обеспечения безопасности составляют концепты «сценарного анализа в информационном управлении безопасностью» и «моделирования» в обеспечении безопасности государства, разрабатываемые В.Л. Шульцем. Сценарный анализ и моделирование являются принципиально новыми элементами в системах поддержки принятия стратегических и тактических решений в обеспечении национальной и государственной безопасности. Такой подход к обеспечению безопасности страны априори актуализирует дальнейшее развитие концептуализации информационной безопасности субъекта.

Вопросы теории информационной безопасности стали рассматриваться не так давно и носят преимущественно несистемный характер. В научной литературе проблемы применения информационных технологий и решения задач информационной безопасности представлены техническим и гуманитарным направлением. В отличие от технического подхода, где разрабатывается программно-техническая сторона процесса обеспечения информационной безопасности, в рамках гуманитарного подхода проблемы информационной безопасности рассматривают в качестве междисциплинарной области научного знания. Среди исследований социально-философского направления можно отметить работы Л.В. Астаховой, Г.А. Атаманова, М.Ю. Захарова, О.М. Манжуевой, А.В. Поликарпова, В. Ю. Триняка. Л.В. Астахова в осмыслении феномена информационной безопасности делает попытку обращения к герменевтической методологии, указывая на гуманитарную природу феномена. Для М.Ю. Захарова парадигмой информационной безопасности выступает информационный гуманизм, гарантирующий защищенность. О.М. Манжуева развивает подход к информационной безопасности как к системе морально-этических норм, выступающей основанием безопасного применения информационных технологий и формирования общественных отношений в информационной сфере. В связи с этим, можно отметить, что в научном пространстве социально-философского дискурса обозначилось формирование нормативного подхода к осмыслению феномена информационной безопасности. Норма «спасает» общество, работа нормы обеспечивает информационную безопасность субъекта. С одной стороны, с этим сложно не согласиться. Но в предлагаемом исследовании мы отталкиваемся от таких реалий современности, как рост относительности и размытости социальной нормы (этической, религиозной, профессиональной, правовой и др.). «Текучесть современности» (З. Бауман), выраженная в кризисе нормированности, упорядоченности социальной жизни, особенно если речь идет о безопасности субъекта в киберпространстве Сети,

заставляет искать иные векторы концептуализации феномена информационной безопасности.

Сегодня можно говорить об отдельных складывающихся традициях организационного, правового, политического, психологического анализа обеспечения информационной безопасности (Д.А. Андрианов, Д.В. Арсентьев, Е.А. Беляев, Н.И. Бусленко, С.Н. Бухарин, В.Н. Илюшенко, А.Н. Лукашин, А.И. Ефимов, И.Н. Панарин, А.И. Поздняков, С.П. Расторгуев, А.Д. Филимонов, В.В. Цыганов, В.Д. Цыганков, В.Н. Лопатин, Д. Н. Шакин, Е. Г. Бунев, С.М. Доценко, А.П. Ильин, П.С. Марголин, В.С. Пирумов, А.Д. Еляков, А.В. Тонконогов, С.И. Тынянкин, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов).

Отдельную группу составляют источники, связанные с осмыслением политики обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (А.В. Кубышкин, А.В. Манойло, В.Ф. Ницевич, Г.Г. Почепцов, А.А. Стрельцов, О.А. Судоргин, Е.В. Черненко, В.П. Шерстюк, В.Л. Шульц и др.).

Для организации настоящего исследования из существующей литературы, в которой рассматриваются вопросы информационной безопасности, мы выделяем тексты организационного, технологического характера, посвященные систематизации и структурированию организации действий субъектов различного масштаба и указывающие на институциональные характеристики процесса обеспечения информационной безопасности (С.П. Расторгуев, С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, В.В. Кульба, А.Г. Глушков, А.А. Смирнов, И.В. Чернов, А.Б. Шелков, В.Л. Шульц, Р.М. Юсупов и др.).

Особое место в изучении предмета занимает анализ обеспечения информационной безопасности нормативно-правового характера (И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, П.У. Кузнецов, Т.А. Полякова, С.Н. Соколова, А.А. Стрельцов, Е.К. Волчинская, М.А. Федотов и др.). Здесь необходимо выделить классическую работу И.Л. Бачило, В.Н. Лопатина, М.А. Федотова «Информационное право» (2001), которая внесла значительный вклад в

концептуальные основания развития информационного права в России, а соответственно, в развитие практик и структур обеспечения информационной безопасности.

Интерес для исследования составляет аналитика, посвященная использованию информационных технологий в экстремистской деятельности (И.Ю. Сундиев, С.С. Станчик, Е.О. Кубякин и др.); информационным аспектам экономической безопасности (С.А. Бахтин, В.В. Борисенко, А.М. Ельчанинов, А.Г. Зуев, Л.А. Мясникова); информационной безопасности в политическом процессе, в условиях глобализации (Г.Л. Акопов, О.И. Немыкина, А.В. Манойло, И.В. Сурма, А.Ф. Федоров и др.). Социально-организационные аспекты проблем информационной безопасности исследуются А.Д. Еляковым.

Отдельными направлениями, которые имеют прямое отношение к исследованию, являются информационное противоборство (С.П. Расторгуев, С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, В.В. Кульба, В.Л. Шульц, А.Б. Шелков, А.В. Манойло, Ю.Г. Бочкарева, И.Н. Панарин, В.В. Прохвятилов, В.С. Пирумов, Н.Л. Волковский, С.Н. Гриняев, Д.А. Губанов, С.А. Комов, А.Г. Чхартишвили), теория информационных, сетевых войн (А.Г. Дугин, В.И. Ковалев, Ю.А. Матвиенко, А.М. Соколова).

Попытки концептуализации безопасности предпринимаются философами и социологами через призму теорий риска и общества риска (В.С. Диев, С.А. Кравченко, Р.Г. Яновский и др.). В.С. Диев отмечает, что в разработке теоретико-методологических оснований теории безопасности «базовой моделью может служить ситуация с риском, который является “измеримой” опасностью, и в этом случае существуют количественные оценки безопасности» [233, с. 68].

С другой стороны, логика поиска в исследовании предмета отталкивается от социально-философских положений структурно-функциональной теории общества (Т. Парсонс, Н. Луман), теории информационного общества М. Кастельса, идей о современном сетевом

обществе А.В. Назарчука, объект-центрированной социальности К. Кнорр-Цетины, теории структуриации Э. Гидденса, теории постмодерности З. Баумана, социологии мобильностей (Дж. Урри), теории общества «третьей волны» и социального ускорения (Э. Тоффлер) и др.

Целостную, универсальную теорию общества, основанную на революционных достижениях кибернетики и теории информации предложил Н. Луман. Его идеи получают новое звучание в контексте современного информационного общества [124]. Ряд концептуальных положений в исследовании социальной природы информационной нестабильности и безопасности появились благодаря теории социальной эволюции и теории коммуникации Н. Лумана. Также необходимо отметить идеи Е.Н. Ивахненко, Е.А. Лавренчука, А.В. Назарчука, которые развивают теорию коммуникации Н. Лумана в рамках попыток концептуализации киберпространства.

В России сегодня развивается дисциплина «социальная информатика», суть которой заключается в изучении процессов информатизации, включающих в себя медиатизацию – развитие средств сбора, хранения и распространения информации, компьютеризацию как внедрение средств поиска и обработки информации, а также интеллектуализацию как процесс развития способностей людей к восприятию и порождению информации (знания), т.е. процесс повышения интеллектуального потенциала общества, включающий использование средств искусственного интеллекта (Н.Н. Моисеев, Р.С. Гиляревский, В.М. Глушков, А.И. Ракитов, А.В. Соколов, И.В. Соколова, Н.В. Лопатина, А.В. Чугунов, К.К. Колин, М.Ю. Тихомиров, А.Д. Урсул и др.).

А.Д. Урсул рассматривает эту дисциплину как научную базу для формирования зарождающегося информационного общества и решения проблем безопасности. Структура социальной информатики, с его точки зрения, включает теоретико-методологический уровень знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), средний уровень или социологию информатизации

(социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации) и эмпирический уровень знания (социальные аспекты создания, внедрения и адаптации информационных технологий в соответствующих предметных областях) [308]. Рассматривая обеспечение информационной безопасности как одну из проблемных областей социальной информатики, И.В. Соколова указывает на необходимость изучения социального аспекта содержания информационной безопасности, который составляет система направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков, соответствующих или не соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций [151].

Изучение социальной природы обеспечения информационной безопасности связано с анализом сетевого характера современных коммуникаций, деятельностью социальных сетей, сетевого принципа организации общества. Популярность сетевого подхода объясняется, прежде всего, его широкой эмпирической применимостью, дающей выход к междисциплинарным теоретическим обобщениям. Благодаря сетевому подходу открывается возможность организации оптики различных социальных информационных процессов, их анализа и дифференциации на предмет опасностей, рисков и угроз для социальных субъектов. Среди ученых, которые исследуют сетевое общество, социальные сети необходимо отметить работы: Г.В. Градосельской, М. Грановеттера, Д.А. Губанова, Л.М. Земляновой, М.А. Логиновой, Л.А. Мясниковой, А.В. Назарчука, Д.А. Новикова, М.В. Ромма, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербины и др.

Сетевые принципы используют для анализа общества в целом, а само современное общество часто называют постиндустриальным, информационным, сетевым и обществом риска. Среди наиболее известных авторов необходимо отметить М. Кастельса, Д. Белла, А. Турена, Э. Тоффлера, Р. Ингельгарта, Р. Арона, П. Дракера, М. Маклюэна, А. Этциони, Э. Гидденса, С. Лэша, Е. Массуду, Р. Райха, Ю. Хабермаса, Ж.-Ф. Лиотара,

Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Т. Адорно, Г. Маркузе, Р. Дарендорфа, Ф. Броделя, К. Эрроу, Д. Норта, Ф. Махлупа, Т. Умесао, Р. Катца, Дж. Мартина, М. Пората, Т. Стоунера, У. Дайзарда и др.

В России информационной стадией развития общества и вопросами информационной нестабильности занимаются многие ученые в различных предметных областях знания. Среди них: Р.Ф. Абдеев, И.Ю. Алексеева, В.Г. Афанасьев, Л.В. Баева, В.С. Диев, С.А. Дятлов, Д.В. Иванов, В.И. Игнатъев, В.Л. Иноземцев, В.В. Крюков, В.И. Кудашов, М.М. Кузнецов, В.Д. Мансурова, И.С. Мелюхин, А.В. Назарчук, Г.А. Осипов, Е.В. Петрова, А.И. Ракитов, Н.Ф. Рахманкулова, М.В. Ромм, А.Ю. Сидоров, И.В. Соколова, С.И. Черных, А.Д. Урсул, Е.Н. Шклярник, М.П. Яценко и др.

Отдельной группой источников являются теории виртуальной социальной реальности и виртуализации общества. Проблема безопасности рассматривается, в том числе, через призму теорий виртуализации социальных процессов. Исследованием виртуальной реальности и процессов виртуализации занимается ряд отечественных и зарубежных исследователей. В работах Д. Белла, М. Маклюэна, Е. Масуды, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера описываются социальные трансформации, происходящие в контексте развития и распространения информационных технологий. Феномен виртуальной реальности и процессы виртуализации общества исследуются в работах А.В. Говорунова, Д.В. Иванова, В.И. Игнатъева, В.А. Кутырева, Н.А. Носова, Б.С. Сивирioва, С.С. Хоружего, М.Н. Эпштейна и др.

Изучение социальных аспектов обеспечения безопасности в условиях информационной нестабильности связывается автором с так называемым «практическим поворотом» в социальной философии, где в центр внимания исследователей попадает проблематика роли практического действия в социальных структурах, взаимосвязь социальной практики и коммуникации. Эти проблемы разрабатываются в рамках теории социальных практик (П. Будье, Э. Гидденс), в социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), этнометодологии (Г. Гарфинкель), теории коммуникативного действия (Ю.

Хабермас). Среди отечественных исследователей теории практик следует назвать В.В. Волкова и О.В. Хархордина. В области акторно-сетевой теории работают В.С. Вахштайн и А.М. Корбут.

Особое место в изучении социальных практик информационной безопасности занимают теории сетевой социальности, демонстрирующие связь социальной практики и коммуникации (М. Кастельс, К. Кнорр-Цетина, Д.В. Иванов, В.Е. Кемеров, А.Л. Радкевич, В.Н. Поправко), акторно-сетевая теория (Дж. Ло, Б. Латур).

Прямое отношение к цели исследования имеет изучение интернет-практик повседневности (А.Л. Радкевич). Обширный пласт исследований посвящен вопросам виртуальных сообществ и общения посредством Интернета (Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова, В.Е. Нестеров, А.Е. Жичкина, Д. Чеботарева и др.)

Проблемам и социальным последствиям развития Интернета в России посвящены исследования Г.Л. Смоляна, В.Н. Цыгичко, Д.Д. Хан-Магомедова, А.Е. Шадрина, В.И. Игнатьева и др. Внимание социологов привлекает проблематика изучения аудитории российского Интернета как специфической группы населения. Первые работы в этом направлении связаны с именами Б.З. Докторова, П.К. Залесского, Р.С. Могилевского, А.С. Создателя, Т.В. Филипповой. Ведутся эмпирические исследования интернет-аудитории в рамках различных исследовательских и маркетинговых проектов.

Итак, вопросы обеспечения безопасности в условиях информационной нестабильности общества или информационной безопасности рассматриваются в контексте конкретных предметных областей знания: теории информационного противоборства, теории управления, теории информационного права, политологии, экономики. В социально-философском познании можно говорить о началах осмысления гуманитарной природы феномена информационной безопасности – актуализации информационного гуманизма и безопасности как системы морально-

этических норм. При эмпирической значимости проблематики недостает теоретических работ, в которых актуализировалась бы проблема осмысления информационной безопасности субъекта в социальном контексте.

Мы сталкиваемся с противоречиями между необходимостью постижения сущности практик обеспечения информационной безопасности и недостаточной теоретической разработанностью представлений об этом явлении в философском научном познании; между значимостью всестороннего научного осмысления процессов и явлений, которые могут быть объединены с помощью понятия «обеспечение информационной безопасности», и ограниченностью взятых по отдельности теоретических подходов для выяснения этой проблемы; между возрастающей частотностью употребления понятия информационной безопасности, имеющего отношение к различным проблемам, угрозам личности, общества, государства, и недостаточной конкретизацией тех смыслов, которые вкладываются в него в процессе прогнозирования, разрешения или предотвращения этих проблем, угроз.

Считаем, что вышеназванные направления и подходы к пониманию и определению безопасности, информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе через призму приведенных современных социально-философских теорий и задать новый вектор концептуализации в понимании обеспечения информационной безопасности как совокупности практик в условиях информационной нестабильности общества. Такая операция, на наш взгляд, поспособствует дальнейшему наполнению и развитию понимания социальной природы этого феномена.

Концепция работы состоит в утверждении о том, что обеспечение информационной безопасности составляет совокупность социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. В основаниях проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих

современное информационное пространство. В том числе, это противоречие выражено в «колонизации» общего (как общественного интереса) со стороны частного. Обеспечение информационной безопасности заключается в ориентации субъекта в информационном пространстве при условии защиты его информации и его защиты от информации. Практики безопасности осуществляются в условиях актуальной и виртуальной социальной реальности.

Объектом исследования является информационная нестабильность общества.

Предмет исследования – обеспечение информационной безопасности социального субъекта.

Цель диссертационной работы заключается в социально-философской концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности субъекта через призму анализа социальных информационных процессов.

Необходимость разработки теоретико-методологических оснований в социально-философском осмыслении проблемы информационной безопасности субъекта определяет, с точки зрения автора, ряд исследовательских **задач**:

– провести анализ существующих подходов к понятию безопасности и информационной безопасности с целью последующей организации необходимого теоретического инструментария исследования;

– предложить подход к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории социального порядка и понятия девиации;

– рассмотреть понятие девиации/инновации как вариативность коммуникации, ведущую к нестабильности социального порядка, и проанализировать роль информации как «различения различения» (Н. Луман) в современном росте интенсивности коммуникаций;

– в рамках социально-философского дискурса выявить противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта с тем,

чтобы предложить подход к определению обеспечения информационной безопасности субъекта;

- задать проблему противопоставления безопасности интересов «частного» и «общего» в контексте предложенной концептуализации подхода к безопасности субъекта;

- выявить и проанализировать характер общих социальных практик обеспечения информационной безопасности;

- в качестве практик обеспечения информационной безопасности рассмотреть феномен новых социальных мобильностей, проанализировать темпоральные характеристики практик как критерий обеспечения информационной безопасности;

- предложить концептуализацию сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации и как системы мобильностей;

- выявить и проанализировать особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности и предложить типологизацию угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Теоретико-методологические основания исследования

Социально-философское знание является способом теоретического осмысления общих выводов о закономерностях и особенностях жизни в обществе, раскрываемых в рамках социальных и гуманитарных наук. Именно такое интегративное знание позволяет выстроить концептуализацию глубинных оснований феномена информационной безопасности и обосновать его социальную обусловленность. В конструировании теоретико-методологических оснований исследования использовался эвристический потенциал таких социально-философских категорий, как социальное, социальное взаимодействие, социальная практика, социальная система, социальный порядок, социальное пространство.

Особенность выстраивания методологии исследования связана с значительной ролью метасоциологической теории. Основанием исследования

послужили теория социальной эволюции Н. Лумана и социология мобильности, развиваемая сегодня Дж. Урри.

В работе использовались сетевой подход (Г.В. Градосельская М. Грановеттер, Л.М. Землянова, М.А. Логинова, Л.А. Мясникова, А.В. Назарчук, Д.А. Новиков, М.В. Ромм, А.Г. Чхартишвили, В.Н. Щербина), информационный подход (В.Б. Гухман, В.И. Кашперский, И.В. Мелик-Гайказян), принципы структурно-функциональной теории (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман).

В конструировании социально-философского подхода к понятиям безопасности, информационной безопасности автором использовались теория коммуникации и теория систем Н. Лумана, теория структуризации Э. Гидденса, теории виртуализации общества (Н.А. Носов, Д.В. Иванов и др.), теория актуальной/виртуальной реальности (А.В. Говорунов, В.И. Игнатъев), теории информационного общества (М. Кастельс, Г. Бехманн и др.).

В рамках анализа практик обеспечения информационной безопасности состоялось обращение к теории объект-центрированной социальности (К. Кнорр-Цетина), социологии мобильностей (Дж. Урри), теории постсовременности Э. Гидденса, идеям социального ускорения и роста временности ситуации Э. Тоффлера, концепта колонизации общественного со стороны частного З. Баумана, концепции сетевой социальности и информационализма М. Кастельса и др.

Немалую роль в исследовании глубинных оснований противоречия информационной современности сыграли идеи русских философов – В.Н. Муравьева, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосева. Русская философия, на взгляд автора, богата метафорами и идеями, передающими суть «текучести» социального, ускользания «имени вещи» (А.Ф. Лосев) как единицы социального взаимодействия и судьбы личности, другого субъекта как «несовершенного единства несовершенного множества моментов бытия» (Л.П. Карсавин) или информации. Автор опирался на теоретические конструкции понятий безопасности, обеспечения безопасности,

национальной безопасности, информационной безопасности, предлагаемые современными российскими учеными в рамках таких научных направлений, как теория национальной безопасности, социальная информатика, информационное противоборство, теория сетцентричных войн. Привлекались отдельные положения теории онтологической безопасности Э. Гидденса, теории общества риска У. Бека и др.

В работе применялись общепhilosophические и общенаучные методы: восхождение от абстрактного к конкретному, метод системного анализа, методы аналогии, обобщения, формализации.

Научная новизна исследования состоит в концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности социального субъекта на основе выявления и осмысления противоречия, лежащего в основаниях современного социума. Сформирован социально-philosophический инструментарий для анализа проблем обеспечения информационной безопасности субъекта в условиях современного общества:

1. Проведен анализ существующих подходов к понятию безопасности и информационной безопасности и предложен подход к определению безопасности социального субъекта.

2. В контексте предложенного подхода раскрыта проблема противопоставления безопасности интересов «частного» (личности, отдельных групп, организаций) и «общего» (государства, общества в целом).

3. Задана социально-philosophическая концептуализация обеспечения информационной безопасности субъекта.

4. Выявлены и проанализированы сущностные особенности практик обеспечения информационной безопасности.

5. С целью анализа проблемы обеспечения информационной безопасности в узком смысле слова разработана концептуализация сетевого коммуникативного киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации и как системы мобильностей.

6. Выдвинуто и доказано утверждение о том, что сеть Интернет как структура накопления и ускорения девиации/инновации сохраняет баланс безопасности интересов «частного» и «общего».

7. Предложен анализ соотношения национальной и государственной безопасности через призму заданного подхода к пониманию безопасности, информационной безопасности и концепта Сети как средства накопления и ускорения девиации/инновации.

8. Выявлены и проанализированы особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности в условиях киберпространства.

9. Предложена типологизация угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Основные выводы и положения, выносимые на защиту:

1. С целью формирования теоретического инструментария предложен подход к определению безопасности субъекта через сопоставление и анализ категории «социальный порядок» и понятия девиации, как вариативности коммуникации (Н. Луман). Безопасность социального субъекта интерпретируется как мера устойчивости социального порядка в условиях роста девиации/инновации.

2. Информация как операция «различения различения», производимая психической и социальной системой, играет основополагающую роль в современном росте интенсивности коммуникаций. Использование социально-философского подхода позволяет выявить ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Оно заключается в «разнонаправленности» устойчивости конституционных оснований социального субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), ведущей к информационной нестабильности общества.

3. «Колонизация общественного частным» (З. Бауман) связана с ростом интенсивности информационных потоков. Этот процесс выражен в усилении девиантности (Н. Луман). Если рост девиации/инновации трактовать как рост

частного интереса в обществе, то скрепой и носителем общественного интереса (интереса общего) является норма, представленная религией, моралью, правом. Все дальше расходятся два мира, два состояния общества: мир нормы, воплощенный в интересах общего (государства, общества в целом), и мир частного интереса (личности, отдельных групп, организаций). В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (условно, состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества).

4. Обеспечение информационной безопасности рассматривается в широком и узком смысле слова: информационная безопасность в условиях современного общества (актуального социального) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь идет о социальных практиках субъекта, соответствующих скорости и многообразию коммуникаций в обществе; во втором – о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству. Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого. И первый, и второй тип социальных практик подразумевают следующее: 1) защиту субъектом своей информации и защиту от внешней информации; 2) ориентацию в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

5. Социальные практики обеспечения информационной безопасности имеют ряд существенных особенностей. В целом они рассматриваются как практики новых мобильностей (Дж. Урри). Характерным для практик безопасности являются объектуализация отношений (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция

риска (Э. Гидденс). Рост интересов «частного» ведет к «приватизации» практик безопасности. Критерием эффективности обеспечения безопасности являются темпоральные характеристики социальной практики. «Лестница субъектов действия»; «люди прошлого, настоящего, будущего»; «человек пространства, человек времени» являются метафорами различения субъектов по их возможностям в обеспечении информационной безопасности. Обеспечение информационной безопасности субъекта составляют социальные практики и социальные структуры. Такой подход позволяет увидеть особенности практик безопасности и противоречие между локальностью структур безопасности и потоковым, сетевым характером информационных угроз, не имеющих территориальной локализации.

6. С целью анализа практик информационной безопасности, в узком смысле слова, задается концептуализация киберпространства как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации. Интернет обеспечивает «локализацию», одновременно накапливает и ускоряет девиации/инновации (информацию), тем самым являясь мощным фактором роста угроз информационной безопасности и инновационного развития. С другой стороны, Интернет интерпретируется как система мобильностей, культивирующая сетевые практики и являющаяся собой метатехнологию в обеспечении информационной безопасности.

7. Сеть Интернет позволяет сохранять баланс безопасности интересов «частного» и «общего». Система общества поддерживает целостность, относительную устойчивость, выстраивая параллельное виртуальное пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность информационных потоков, реализующих интересы «частного». Через призму заданной концептуализации можно утверждать, что национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов «частного», и интересов «общего». Это и защита права на девиацию/инновацию, и защита нормы, закона как ограничения действий субъекта, гаранта безопасности целостности, упорядоченности и стабильности. Государственная

безопасность предполагает, прежде всего, защиту интересов «общего» – целостности, порядка и стабильности.

8. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы, и подвержены многофакторному регулированию. Нормой практик становится формирование персональных микросетей. Культивирование «темпоральных разрывов», «преодоление разрывов» в защите информации и защите от информации, «свобода риска» и «комфортабельная аномия» также составляют особенности обеспечения безопасности в Сети. Состояние «комфортабельной аномии» актора ведет к информационной избыточности и усилению «разлома» между виртуальным и актуальным, что сказывается на росте условности сетевых практик безопасности. С ростом масштаба и влияния информационных потоков сетевые практики обеспечения безопасности становятся «бременем мобильности» для субъекта.

9. Основные типы угроз информационной безопасности в киберпространстве – это:

1) угрозы, связанные с расширением манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации;

2) использование во вред персональных данных;

3) расширение масштабов манипуляции общественным мнением, появление возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества;

4) деятельность сетевых структур отечественной и международной преступности и терроризма;

5) ведение информационных войн, неконтролируемое распространение информационно-психологического оружия и его применение в информационных войнах;

б) угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, обусловленные сетевой логикой социальных процессов в Интернете.

Достоверность и обоснованность выводов предлагаемой работы обеспечивается обращением к широкому кругу социальных явлений, использованием значительного набора научных источников и применением адекватных методов познания.

Теоретическая и практическая значимость работы

Предложенное направление в исследовании обеспечения информационной безопасности является принципиально новым, т.к. актуализирует социальные аспекты обеспечения информационной безопасности, его коммуникативно-деятельностный характер. Сформирована единая оптика, суть которой заключается в утверждении о феномене обеспечения информационной безопасности как о социальной практике.

Выработанная автором теоретико-методологическая основа анализа обеспечения информационной безопасности способствует более глубокому подходу в осмыслении современных информационных социальных процессов. Теоретический и методологический потенциал авторской концепции может быть использован для разработки практических рекомендаций в области управления социальных информационных процессов различной интенсивности и направленности. В частности, возможности предлагаемого подхода к информационной безопасности могут быть использованы в качестве теоретико-методологического инструментария для «сценарного анализа в управлении безопасностью» и «моделирования» информационного управления безопасностью, разрабатываемых сегодня Центром исследования проблем безопасности Института социально-политических исследований Российской академии наук.

Идеи, предложенные в исследовании, могут внести вклад в развитие такого научного направления, как «информационное противоборство», задать новый импульс исследовательским практикам в предметной области

социальной информатики, как на уровне теоретико-методологического знания (основные категории, понятия и закономерности прохождения информационных процессов в обществе), так и на среднем уровне – социологии информатизации (социальный «срез» экономических, правовых, психологических и других аспектов информатизации).

В целом предложенное исследование может составить концептуальное основание для перспектив таких предметных областей знания, как философия и социология безопасности, информационной безопасности.

Результаты исследования могут стать теоретической и методологической основой для формирования учебных курсов и спецкурсов, посвященных современному обществу, проблемам безопасности общества, государства, личности в рамках социальной философии, философской антропологии, социологии, политологии, в дальнейших теоретико-методологических исследованиях информационной безопасности.

Разработанная концепция практик обеспечения информационной безопасности может быть использована для осмысления и коррекции политики обеспечения информационной безопасности на различных уровнях управления социальными процессами, как в обеспечении безопасности интересов «частного» (интересов отдельных социальных субъектов), так и в защите интересов «общего» (общества и государства). На взгляд автора, в результатах исследования заложены методологические возможности концептуализации соотношения понятий национальной и государственной безопасности.

Автор надеется, что данная работа составит вклад в развитие теории и методологии обеспечения национальной и государственной безопасности России. Как уже отмечалось, в 2008 г. Советом Безопасности Российской Федерации был принят документ «Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации». Среди гуманитарных проблем обеспечения информационной безопасности в документе зафиксированы:

– исследование проблем обеспечения информационной безопасности информационного общества;

– исследование проблем формирования и реализации государственной политики в области развития информационного пространства России на основе соблюдения баланса интересов личности, общества и государства;

– исследование проблем формирования понятийного аппарата в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации [9].

Результаты предложенной работы в различной мере способствуют развитию указанных направлений.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты изложены в 58 научных публикациях, в том числе в авторской монографии (Социальная природа информационной безопасности / Т.В. Владимирова. – М.: АНО Изд. Дом «Науч. обозрение», 2014. – 239 с.), в главе коллективной монографии (Государственная и национальная безопасность России: к вопросу инновационного развития // Новая парадигма управления социально-экономическим развитием регионов России [Текст]: коллективная научная монография / М.В. Васильева, Т.В. Владимирова, Е.В. Романенко, В.П. Часовской, под общ. ред. М.В. Васильевой. – М.: Планета, 2013. – 212 с. Глава 4. С. 130–158) и в первом разделе коллективной монографии (Социальное взаимодействие как информационный процесс // Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатьев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 308 с. Раздел первый. С. 39–152).

Отбор научных изданий для публикации выводов исследования проводился целенаправленно в течение периода всей работы. Автор выбирал те издания, которые отвечали как дисциплинарной области исследования, так и тематике работы, что представляло определенную трудность. Помимо этого автор старался помещать публикации в журналы общероссийского

уровня с тем, чтобы заявить о важности нового научного направления. Основные результаты исследования представлены в 25 статьях, опубликованных в следующих рецензируемых журналах: «Философия образования», «Ученые записки РГСУ», «Социальная политика и социология», «Социологические исследования» («Социс»), «Идеи и идеалы», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Информационное общество», «Национальная безопасность – Nota bene», «Информационные войны», «Политика и общество», «Философия и культура», «Научный Вестник Омской академии МВД России», а также научно-информационный журнал «Армия и общество». В том числе, три публикации вышли в закрытых изданиях, входящих в список ВАК.

По результатам исследования были сделаны доклады и опубликованы тезисы в трудах научных конференций: I Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2007, Новосибирск, НГТУ); III Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» (октябрь 2007, Москва); III Всероссийский социологический Конгресс (март 2008, Москва); II Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2008, Новосибирск, НГТУ); III Всероссийские Копыловские чтения. Социальная онтология России (март 2009, Новосибирск, НГТУ); Всероссийская научно-практическая конференция «Социология, философия, право в системе научного обеспечения процессов развития современного общества» (г. Красноярск, май 2010); Всероссийская конференция «Этнос, нация, общество: российская реальность и перспективы» (ноябрь 2010, Москва); VI Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» (декабрь 2010, Москва); Научно-практическая конференция Шестые Ковалевские чтения (ноябрь 2011, Санкт-Петербург); VII международная научная конференция «Сорокинские чтения» (декабрь 2011, Москва); IV Всероссийский социологический конгресс (февраль 2012, Москва); Международная научно-практическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества» (ноябрь 2012, Санкт-Петербург), XII

Всероссийская научная конференция «Информация. Коммуникация. Общество (ИКО-2015). Война и мир как формы коммуникации. Герои и общество» (январь 2015, Санкт-Петербург); XII Международная научно-практическая конференция «Уголовно-правовая охрана информационного пространства в условиях глобализации» (февраль 2015, Екатеринбург), Всероссийская научно-практическая конференция на базе третьего факультета Института повышения квалификации ФГКОУ высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» «Проблемы противодействия коррупции: актуальные проблемы теории и практики» (июнь 2015, Новосибирск); Международная научно-теоретическая конференция «Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества» (октябрь 2015, Санкт-Петербург).

Материалы диссертационного исследования были использованы при чтении курсов «Основы обеспечения национальной безопасности», «Основы теории государственной и общественной безопасности», «Информационная безопасность в условиях современного общества». Выводы исследования использовались в разработке учебно-методических комплексов соответствующих дисциплин, авторского курса лекций «Проблемы обеспечения национальной безопасности» и другой учебно-методической литературы.

Структура диссертации определяется логикой исследования. Текст состоит из введения, трех глав, состоящих из 12 параграфов, заключения и списка литературы (включающего 443 источника), всего 300 страниц.

ГЛАВА 1. БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИЯ: К СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Об основных подходах к понятию «информационная безопасность»

Еще в XIX веке Натан Ротшильд изрек знаменитую фразу: «кто владеет информацией – тот владеет миром». Действительно, мы знаем массу случаев, когда обладание информацией обеспечивало огромные доходы, спасало жизнь, приносило победу. Одним из наиболее ярких примеров является история братьев Ротшильд.

Двести лет назад Наполеон проигрывал англичанам битву при Ватерлоо. Натан и Якоб Ротшильды внимательно наблюдали эти события. Едва убедившись в том, что Наполеон потерпел поражение, один из братьев устремился в Лондон с тем, чтобы утром явиться на Лондонскую биржу. Здесь кроме него никто не знал о поражении Наполеона. Сокрушаясь по поводу успехов французского императора, Ротшильд немедленно начал продавать свои акции. Остальные биржевики, решив, что сражение проиграли англичане, сразу же последовали его примеру. Прусские, английские, австрийские ценные бумаги дешевели с каждой минутой. Агенты Ротшильда оптом скупались их следом. Только через день на бирже узнали о том, что Наполеон проиграл битву. Многие держатели ценных бумаг покончили с собой, а Натан заработал сорок миллионов фунтов стерлингов. Необходимая информация, полученная раньше других, позволила Ротшильдам вести беспроигрышную игру на бирже.

Разворачивающееся вокруг информационного ресурса соперничество, борьба за информационное превосходство начинают занимать важнейшую составляющую, в том числе в общей геополитической конкуренции развитых

стран мира. Информацией и информационными системами пронизаны все сферы современной общественной деятельности, влияние информации на общество все нарастает, поэтому вопросы формирования эффективной системы обеспечения информационной безопасности, и прежде всего вопрос о том, что понимать под информационной безопасностью, требуют серьезного осмысления.

В российском обществе сформировался государственный, нормативно-правовой подход к понятию информационной безопасности. Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. На основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности [1].

В технических и организационных документах государства по защите информации информационная безопасность трактуется как обеспечение защиты доступности информации, ее целостности и конфиденциальности. Под доступностью информации подразумевают состояние информации и ее носителей, при котором обеспечивается беспрепятственный доступ к информации субъектов, имеющих на это соответствующие полномочия. Доступность информации предполагает наличие возможности за приемлемое время получить требуемую информационную услугу, соответствующую запросу. Под целостностью информации понимается актуальность и непротиворечивость (релевантность) информации, а также степень ее защищенности от разрушения и несанкционированного преобразования. Под конфиденциальностью информации понимают защищенность от несанкционированного доступа к информации – процесса, нарушающего принятые или установленные кем-либо правила разграничения доступа, следствием которого могут быть утечка, искажение, разрушение,

уничтожение, блокирование информации, а также утрата, уничтожение или сбой функционирования носителя информации [9, 3].

Информационная безопасность рассматривается как вид безопасности, который составляет национальную и государственную безопасность. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (2000) [1] сформулированы основные положения государственной политики обеспечения информационной безопасности России. Развивается правовое обеспечение информационной безопасности. В Российской Федерации утверждена Доктрина информационной безопасности, принят ряд законодательных актов, к числу которых в первую очередь следует отнести Федеральные законы «О государственной тайне», «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О связи», «Об участии в международном информационном обмене». Решение проблемы информационной безопасности осуществляется в практической плоскости на различных уровнях организации и управления социальными процессами. Совет Безопасности Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы законодательной и исполнительной власти на местах, государственные, коммерческие и общественные организации проводят большую работу по решению задач обеспечения информационной безопасности.

Необходимо отметить, что проблема осознается международным сообществом. Государства разрабатывают свою информационную политику и принимают совместные решения в области международной информационной безопасности. Одним из важнейших событий в этой сфере является подписание руководителями восьми развитых государств, в том числе Президентом Российской Федерации, 22 июля 2000 г. Окинавской хартии глобального информационного общества.

Российское государство ведет активную политику в области обеспечения международной информационной безопасности. В 2015 году

одним из значимых итогов работы государства стало расширение поддержки на международной арене российских подходов в вопросах интернационализации управления сетью Интернет, основанных на обеспечении равных прав государств в ее управлении, а также суверенных прав на регулирование и обеспечение безопасности национальных сегментов. Вступило в силу Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности, создан Консультационный координационный центр ОДКБ по вопросам реагирования на компьютерные инциденты [389].

Появление проблемы информационной безопасности связывают с телекоммуникационной революцией. Традиционно параметры этого понятия принято осмысливать в технических и психологических характеристиках. Суть определений понятия сводится к «защите информации и защите от информации». К примеру, В.Н. Илюшенко определяет информационную безопасность «как защиту информации и защиту от информации» [71, с. 3]. Подобный подход характерен для работ С.П. Расторгуева [142], который подчеркивает, важную особенность информационной безопасности: выступая составляющей национальной безопасности, она включает в себя два направления. Если первое направление – обеспечение безопасности информации или защита информации, которой субъект обладает, то обеспечение безопасности от информации или защиты от «опасной», не адекватной картине мира информации, составляет второе направление. Как показывает практика указанные направления реализуются не только в технической, но и в гуманитарной сферах знания. Информационная безопасность в той или иной степени составляет важный аспект для всех видов безопасности: от экологической до информационной. Такое же понимание информационной безопасности развивает в своих работах Р.М. Юсупов. Он утверждает, что «...информационная безопасность соответствующего субъекта (личности, общества, государства, любой

системы) может быть определена как состояние, в котором ему (субъекту) не может быть нанесен существенный ущерб путем воздействия на его информационную сферу» [323, с. 87].

Обобщенный подход к определению информационной безопасности содержится в исследованиях А.Д. Урсула, который определяет информационную безопасность как «состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям». С.П. Расторгуев считает, что информационная безопасность выделена в отдельную категорию лишь постольку, поскольку требует наличия соответствующих технологий и специалистов [142, с. 19].

Помимо статического подхода к определению информационной безопасности как состояния защищенности можно выделить динамический подход, который, на наш взгляд, методологически более функционален. К примеру, М.В. Арсентьев отмечает, что «информационная безопасность – это снятие информационной неопределенности относительно объективно и субъективно существующих потенциальных и реальных угроз за счет контроля над мировым пространством и наличия возможностей, условий и средств для отражения этих угроз. Все это в совокупности определяет уровень (степень) информационной безопасности каждого субъекта» [194].

Не менее важным является утверждение о том, что «в содержании информационной безопасности ключевым является контроль за информацией, циркулирующей в мировом пространстве, а также наличие возможностей и средств для отражения возникающих угроз. Это предполагает:

- возможность доступа к информации;
- наличие собственного высокого информационного потенциала (ресурсов);
- независимость в использовании собственного информационного потенциала;

– средства защиты этой части потенциала (правовые, технические, специальные и др.);

– определение защищаемой части собственного информационного потенциала за счет соотнесения с информационным потенциалом других субъектов;

– создание возможностей и условий для обогащения своего собственного информационного потенциала за счет потенциала других субъектов, в том числе и находящегося под защитой, что определяется существующей конкуренцией, соперничеством и противоборством» [194].

Приведенные характеристики информационной безопасности особенно актуализируются в понятиях информационной войны и информационного противоборства (М.В. Арсентьев, С.Н. Бухарин, С.П. Расторгуев, В.В. Цыганов, А.И. Ивлева и др.) Многие авторы пишут о кибернетической безопасности и кибернетической войне (А.Д. Еляков, А.В. Тонконогов и др.)

Ряд подходов к определению информационной безопасности указывают на такой аспект феномена как субъектность. Г.А. Атаманов определяет информационную безопасность как «результат преодоления условий, порождающих соответствующую опасность, и закрепляется в формах, которые позволяют социальным субъектам сохранить способности выработки релевантных объективным потребностям целей и возможности их достижения» [338, с. 7]. Для Л.В. Астаховой информационная безопасность – это «состояние защищенности субъекта, выражающееся в безопасности информации субъекта и его информационно-психологической безопасности, достигаемое посредством рефлексивного определения и контролирования единства его естественного существования и развития в ходе реализации информационных процессов (создания, передачи, представления, получения, обработки, хранения) как на содержательном, так и на представительном уровнях информации» [13, с. 22].

А.Д. Урсул и Т.Н. Цырдя, обращаясь к проблеме информационной безопасности как к аспекту для всех видов деятельности общества, трактуют

информационную безопасность как «способность государства, общества, социальной группы, личности, во-первых, обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные социальный интеллект и информационный ресурс, оптимальную социальную энтропию и инфосреду для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития социума; во-вторых, противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации; в-третьих, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; в-четвертых, поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано; в-пятых, постоянно и последовательно по определенной безопасной программе “вмонтировать” искусственный интеллект в социальную среду» [410]. Для нас такой подход к информационной безопасности напрямую указывает на то, что понятие составляет ряд действий или социальных практик.

Отдельно отметим и остановимся на таком направлении в исследованиях информационной безопасности как формирование информационного суверенитета государства. Тематика информационного суверенитета разрабатывается сегодня Центром исследования проблем безопасности Института социально-политических исследований Российской академии наук [178, 179, 318, 319]. В.Л. Шульц рассматривает проблемы обеспечения информационного суверенитета государства через призму концептуализации информационного управления и сценарного анализа геополитического информационного противоборства. Отдельные вопросы информационного суверенитета рассматриваются С.П. Расторгуевым, С.Н. Бухариным, В.В. Цыгановым, В.В. Кульбой, А.Г. Глушковым, А.А. Смирновым, И.В. Черновым, А.Б. Шелковым, Р.М. Юсуповым и др.

Российский специалист в области искусственного интеллекта и разработки программного обеспечения И.С. Ашманов выделяет и анализирует общую систему действий в обеспечении информационной безопасности государства. Он сравнивает традиционный суверенитет государства – независимость правительства, законодательства, вооруженных сил, денег и банков, политических границ, языка, гражданства и др. – с современными суверенитетами. Если элементами традиционного суверенитета являются военный, экономический, политический, дипломатический и культурно-идеологический компоненты, то в последние годы появляется новый компонент суверенитета – цифровой. Мы живем в эпоху слома суверенитетов. К падению суверенитетов ведут экономическая, идеологическая, военная и политическая глобализация. «Взлом» суверенитетов происходит через идеологию неолиберализма, которая распространяется повсеместно «через дыры в информационном суверенитете». В настоящее время отсутствие цифрового суверенитета может привести к потере суверенитета страны вообще [386].

Новый цифровой суверенитет состоит из права и возможности национального правительства:

- самостоятельно определять национальные интересы в цифровой сфере;
- самостоятельно вести внутреннюю и внешнюю информационную политику;
- обладать собственными информационными ресурсами и развивать информационную инфраструктуру государства;
- обеспечивать электронную и информационную безопасность государства [386].

Цифровой суверенитет заключается в том, что государство обеспечивает:

1. «Устойчивость» к действиям киберагрессора:

- защиту от разрушения инфраструктуры, вирусов, атак, взломов, утечек, кражи данных, спама;

- устойчивость к электронным атакам (мониторинг, обнаружение, предупреждение, блокирование, контратаки).

2. «Устойчивость» в условиях информационной войны:

- самостоятельное управление информацией (фильтрация информационных потоков, распространение информации и др.);

- устойчивость к информационным атакам (возможности обнаружения, предупреждения, блокирования информации и контратаки).

Самостоятельное управление информацией также как и устойчивость к информационным атакам предполагает владение информацией как внутренней, так и внешней, что, в свою очередь, становится возможным только при условии ориентации в информационном пространстве и владении практиками работы с информацией.

В состав идеального цифрового суверенитета государства входят электронный и информационный щит. Электронный щит страны состоит из собственной аппаратной платформы (сетевая и персонального компьютера), собственной или контролируемой программной платформы и собственной или контролируемой мобильной платформы.

Информационный щит составляют собственные интернет-инфраструктура государства, медийная структура СМИ, ТВ и Интернета, системы и средства пропаганды и ведения информационных войн, развитая идеология, законы и рынок идеологических услуг [386].

Информационный суверенитет государства состоит из следующих элементов:

1) медийной инфраструктуры, в состав которой входят:

- поисковые машины, справочные ресурсы;

- социальные сети, мессенджеры;

- блоги, форумы, рассылки;

- интернет-СМИ, традиционные СМИ и ТВ;

- видео-хостинги и фотохостинги;
  - контентные ресурсы (рейтинги/аналитика, история, наука, автомобили, спорт, кино, книги);
  - приложения для социальных сетей и мобильных устройств;
  - детский Интернет;
- 2) средств пропаганды и информационных войн:
- анализ медийной среды, мониторинг трафика и социальных медиа;
  - средства фильтрации трафика;
  - законодательство об ответственности за контент (хостеров, провайдеров доступа и медийных провайдеров);
- 3) средств распространения контента: СМИ, блоги, социальные сети;
- 4) сил для распространения контента: специальные подразделения и средства для информационных войн в сети [386].

Отдельным важным элементом цифрового суверенитета является рынок идеологических услуг. Насколько суверенитет государства обеспечивается идеями и насколько они конкурентоспособны – эти факторы становятся решающими в обеспечении безопасности государства. В формировании суверенитета государства также необходимо брать во внимание свойства современной информационной среды. И.С. Ашманов отмечает, что пользователи «стремительно глупеют». В Твиттере, Фейсбуке (ФБ) нет «памяти», контент тонет в скорости смены многообразия информации. Среднее время жизни поста в ФБ, Твиттере составляет не более 6 часов. Это позволяет многократно применять одни и те же сценарии и вбросы информации. Мышление пользователя становится клиповым. Средний пост в Живом журнале (Livejournal) – 3800 знаков, в ФБ – 630 знаков. Растет ожесточение и поляризация мнений, повышается градус дискуссий. В Интернете утрачиваются ценности и нормы: вбросы дезинформации, обман, пропаганда, спам становятся обычными практиками. В социальных сетях активно оперируют профессионалы, в том числе сообщества «спамеров», действуют технологичные системы «отмывки»

новостей и информационных вбросов: вброс в Твиттер «отмывается» в медийных структурах и снова обсуждается в Твиттере и т.п. [386].

В современном мире полноценным цифровым суверенитетом обладают только США. Под их контролем находятся большинство процессоров и микросхем (сетевое оборудование, система GPS), большинство мировых операционных систем, офис браузеры, антивирусы, системы управления предприятиями, большинство популярных социальных сетей, видеохостингов и блогахостингов, средства ведения информационных войн (мировые СМИ, специальные подразделения мониторинга и управления мнениями, боевые вирусы последних лет). США предпринимают энергичные усилия по разрушению чужих информационных суверенитетов. Об этом можно судить:

- по демонстрации возможности обращаться к населению напрямую, не обращая внимания на национальное правительство;
- по разработке «независимого интернет-доступа» и «независимого GSM» (цифровой сотовой системы подвижной радиосвязи);
- по появлению спецподразделений для войн в социальных сетях;
- по активным информационным операциям на «интернет-территориях» других стран [386].

Остальные страны пытаются достичь столь же высокого уровня цифрового суверенитета Америки или смиряются с положением аутсайдера. Наиболее энергично свой цифровой суверенитет развивает Китай (операционные системы, процессоры, поисковики, почта, мессенджеры, социальные сети, антивирусы, сетевое оборудование, страновой фильтр Golden Shield и др.)

Российская Федерация, пережив тяжелейший кризис государственности, сегодня только развивает национальный суверенитет, но начинает движение в сторону цифрового (ГЛОНАСС, свои поисковики, почта, социальные сети, СМИ, антивирусы). Европа и Япония, по сути, находятся «в кильватере» США. У них нет своих поисковиков, социальные

сети находятся под полным контролем США. Страны Юго-Восточной Азии и арабский мир испытывают нехватку человеческих и технологических ресурсов для самостоятельного построения необходимых компонент цифрового суверенитета.

И.С. Ашманов утверждает, что когда речь идет о выживании государства, свобода слова уходит на второй план. Во всех развитых странах Интернет уже контролируется. В США, Британском Содружестве осуществляется постоянный мониторинг за электронными коммуникациями. В Европе работают законы против анонимности в Интернете. Китай подвергает мониторингу и фильтрует все тексты в киберпространстве, которые возможно. Страны Юго-Восточной Азии движутся в том же направлении. Системы законодательного ограничения, фильтрации и мониторинга Интернета, кибервойска строятся всеми самостоятельными игроками современного мира. Борьбу же с попытками государств построить информационный суверенитет ведут в основном США и страны Запада. «Свобода слова» как ценность современной цивилизации становится главным инструментом и аргументом в этом противостоянии [386].

Очевидно, что в условиях текущей ситуации необходимо объединять усилия – Китаю, России и странам СНГ – и концентрироваться в первую очередь на информационном противоборстве; строить не только системы контроля, но и системы влияния (распространения информации, управления мнениями); как минимум, формировать «малый информационный щит». Под малым «информационным щитом» И.С. Ашманов подразумевает следующее:

1. средства информационного контроля:
  - мониторинг информационного пространства;
  - законодательство об ответственности за контент разных категорий операторов (провайдер доступа, медийный провайдер, СМИ);
  - законодательство о фильтрации, публичное правоприменение;
  - страновой фильтр на всех уровнях (школы, университеты, магистрали), хотя бы как возможность «военного времени».

2. средства информационного влияния:

- рынок идеологических услуг и технологий, работа над собственной идеологией;
- система влияния и ведения информационных войн (кадры и инструменты);
- информационная инфраструктура: своя или заимствованная у союзников (поисковики, контентные проекты, блоги, социальные сети) [386].

Такой подход к пониманию цифрового суверенитета органично встраивается в более широкую концепцию информационного управления безопасностью и способствует дальнейшей разработке сценарного анализа в управлении геополитическим информационным противоборством (В.Л. Шульц, В.В. Кульба, А.Б. Шелков, И.В. Чернов). На наш взгляд, приведенный концепт информационного суверенитета является системным обобщением важнейших практик по защите страны.

Серьезный посыл в актуализации социального аспекта в обеспечении информационной безопасности задается социальной информатикой. И.В. Соколова отмечает, что «главная социальная функция информационной безопасности заключается в обеспечении стабильности и устойчивости социально-экономического и социально-политического развития общества в соответствии с объективно действующими закономерностями и тенденциями при наличии внутренних и внешних угроз» [151]. Она указывает на основной социальный аспект содержания информационной безопасности. Он заключается в «системе направлений, институтов и особенностей функционирования информационных потоков, соответствующих или не соответствующих характеру выполнения субъектами управления своих социальных функций» [151]. Первую роль в обеспечении информационной безопасности И.В. Соколова отводит процессу информатизации общества. Она считает, что «при создании информационной среды должно быть обеспечено диалектическое единство средств информатики и системы социальной информации» [151].

Отдельно исследователи выделяют предметную область информационно-психологической безопасности, под которой понимается «такая ситуация в системе человек – информационная среда, которая не вызывает снижения индивидуального или популяционного психологического потенциала за допустимые пределы. Психологический потенциал (индивида, популяции) – совокупность свойств индивида (социума), лежащая в основе возможностей индивида (социума) осуществлять продуктивную жизнедеятельность. Основными источниками информационно-психологической опасности являются объем, полнота, количество, точность, доступность, своевременность поступления информации; адекватность ее эргономических характеристик перцептивным параметрам органов чувств, свойствам внимания, памяти, мышления, диспозициям личности, поведенческим стереотипам и социально-психологическим установкам общества. Особенно опасно наличие в информационных потоках специальных элементов, целенаправленно изменяющих психофизиологическое состояние людей, а также модифицированных физических носителей информации, воздействующих непосредственно на физиологические системы» [151].

Итак, объем, полнота, количество, точность, доступность, своевременность поступления информации и, с другой стороны, соответствие информации перцептивным параметрам органов чувств, свойствам внимания, памяти, мышления, диспозициям личности, поведенческим стереотипам и социально-психологическим установкам общества являются условием безопасности субъекта. Разделяя такой подход к информационной безопасности, отметим однако, что указанные требования к характеру информации и ее соответствие возможностям восприятия субъекта носят всякий раз ситуативный характер и в конечном итоге определяются самим субъектом. Такая интерсубъективность феномена требует «объективной» определенности в утверждениях о характере практик обеспечения информационной безопасности.

Признавая актуальность приведенных подходов к проблеме обеспечения информационной безопасности, хотелось бы указать на важность понимания того, что информационная безопасность затрагивает не только проблему эффективности политики государства в обеспечении национальной и государственной безопасности в информационной сфере и не только проблему защиты информации, информационного противоборства, информационного суверенитета государства. Считаем, что определение информационной безопасности как «защита информации и защита от информации» нуждается в переосмыслении. Вышеназванные направления и подходы к пониманию информационной безопасности, обеспечению информационной безопасности возможно увидеть в едином методологическом ключе, выраженном языком социально-философской теории. Такая операция, на наш взгляд, поспособствует дальнейшему наполнению и развитию понимания социальной природы феномена. Обеспечение информационной безопасности мы связываем с пониманием особенностей современных социальных практик и владением ими. Они позволяют сохранять адекватность внешнему миру информационных потоков, как индивиду, так и отдельным социальным системам, а значит, сохранять и индивиду, и социальной системе целостность и устойчивость в условиях роста интенсивности информационных потоков. В решении подобной задачи для начала необходимо выработать общий подход к пониманию безопасности субъекта.

Под субъектом безопасности в исследовании подразумевается как индивид, так и социальная система, общество в их системных характеристиках. Важно отметить, что последующая конкретизация субъекта безопасности носит необходимый характер для исследования проблемы безопасности. Но в настоящей работе, в том числе для чистоты формируемой оптики, конкретизация субъекта обеспечения безопасности отсутствует.

Общеизвестно, что интересы индивида и интересы социальной системы (различных организаций, в частности, государства) часто не

совпадают. А с дальнейшим усложнением социального, с ростом частных интересов пропасть между «системой» и «жизненным миром» (Ю. Хабермас) увеличивается.

С другой стороны, важным является понимание того, что социальная организация, в частности государство, изначально призвана обеспечивать мир и порядок в сообществе людей, не допуская «естественного состояния войны всех против всех». В этом контексте интересы и индивида, и социальной системы (в частности, государства) едины – это обеспечение порядка и устойчивости коммуникаций, обеспечение безопасности.

В исследовании мы утверждаем, что рост вариативности коммуникации, выраженный в интенсивности информационных потоков и сетей, составляет нарастающее противодействие устойчивости и упорядоченности существования субъекта. Информация как со-бытие личности и общества составляет, в том числе, угрозу безопасности субъекта как упорядоченности и устойчивости социального.

Ввиду приведенных утверждений защита информации и защита от информации при условии ориентации в информационном пространстве на предмет решения проблемы устаревшей информации является необходимой практикой как для индивида, так и для социальной системы. Поэтому, повторим, первоначально в концептуализации проблемы обеспечения информационной безопасности мы обращаемся к осмыслению практик информационной безопасности субъекта, не конкретизируя его.

1.2. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях роста вариативности коммуникации, выраженного в интенсивности информационных потоков

Анализируя особенности современности в контексте проблем безопасности, обратимся к фиксации некоторой закономерности современной жизни: рост разнообразия социальных ситуаций ведет ко все большему росту скорости изменений и, с другой стороны, упрощению социальных норм. Это, в свою очередь, предполагает, что субъекту должно предоставляться все больше свободы в деле создания своих собственных определений ситуации. Таким образом, регуляция поведения в любом социальном образовании становится все сложнее. Растет разрегулированность социального действия, что ведет к разрегулированности социальной системы в целом.

Современные процессы трансформации государства и общества и проблемы безопасности становятся объектом изучения многих отечественных ученых и политиков. Так, Н.П. Патрушев указывает на отечественное законодательство и научную литературу, где «пока не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Это обстоятельство нередко приводит к неоднозначному пониманию содержания различных дефиниций в теории и создает проблемы в правоприменительной практике» [281].

Понятие «безопасность» имеет разнообразные трактовки. В словарях русского языка С.И. Ожегова и В.И. Даля указывается, что безопасность – это положение, при котором не угрожает опасность кому-либо или чему-либо; состояние защищенности от опасности; защита от опасности [326, 328]. В Современном философском словаре безопасность – отсутствие опасности; сохранность, надежность [324]. Таким же образом это понятие трактовалось и в советское время. Общеизвестно определение безопасности, дающееся еще в Законе РФ «О безопасности» 1992 года, где безопасность

рассматривается как состояние защищенности баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства [8]. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2015 г.) под национальной безопасностью Российской Федерации понимается «состояние защищенности личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав, свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [5].

В рамках современных теоретических поисков существуют различные определения, где понятие безопасности употребляется в широком смысле. В предлагаемом исследовании социальная безопасность, также как и понятие «социальное», будут использоваться не в узком значении (безопасность социальной сферы общества), а в широком (безопасность общества как социальной системы) [290, 291].

Сегодня устоялось представление о безопасности как о состоянии устойчивости, стабильности общественного организма по отношению к любым попыткам давления на него и как свойство социальной системы сохранять и воспроизводить эту устойчивость. Так, М.И. Дзалиев, А.Л. Романович, А.Д. Урсул определяют безопасность как «способность явления или процесса сохранять свои системообразующие свойства, основные характеристики, параметры и сущность при патогенных (дезорганизирующих, деструктивных) воздействиях со стороны различных предметов, явлений или процессов» [57, с.7]. А.А. Сацута считает, что безопасность, в том числе, является «свойством социума сохранять свою целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию» [290]. По мнению Э.С. Иззатдуста «уровень и интенсивность этих воздействий имеют определенные пределы. Превышение этих пределов может вызвать частичные и существенные или катастрофические изменения

явлений, процессов, потерю ими основных свойств и качеств, что означает утрату собственной сущности, т.е. превращение в другие, новые явления или процессы» [70, с. 15]. В рамках вектора нашего исследования находятся взгляды А.Д. Урсула, связывающего безопасность с «сохранением либо даже с ростом устойчивости и уровнем организованности системы, где степень обеспечения этой устойчивости коррелируется с обеспечением безопасности существования самоорганизующейся системы» [306, 307]. Также мы разделяем определение А.Л. Романовича, который утверждает о безопасности как о «...внутреннем свойстве стабильной системы в условиях конфликта, риска, угроз» [146, с. 25].

Необходимо отличать социальную безопасность от безопасности природной и техногенной. Особенности исследования социальной природы безопасности заключаются в специфическом характере существования и развития социальной системы общества. В работе обратимся к формированию понятия безопасности в рамках социально-философского и социологического знания. В отечественной социологии формируется направление «социология безопасности», где выделяют три основных предметных области: социологию техногенной безопасности, социологию природной безопасности и социологию гуманитарной безопасности [92]. Соответственно, речь идет как минимум о трех типах безопасности в обществе – гуманитарной (социальной), природной и техногенной. Считаем, что предлагаемый нами поиск подхода к понятию безопасности субъекта (как личности, так и общества) соотносится с приведенным различением предметной области безопасности и дополняет общим системным аспектом анализ рассматриваемых типов безопасности.

Социальную безопасность мы предлагаем рассмотреть через сопоставление понятий социального порядка и девиантного поведения. Считаем, что такой элементарный подход к определению безопасности даст видение ряда ведущих проблем современного общества, являясь в определенной степени методологически продуктивным.

Начнем с осмысления соотношений социального порядка и безопасности. Во все времена социальный порядок составлял ценность как для отдельного человека, так и для общества в целом. Именно порядок обеспечивает фундаментальные условия благополучного существования человека и общества – стабильность и безопасность. Любой желает и для себя, и для своих детей определенности в обыденной повседневности жизни.

Условием «онтологической безопасности» (Э. Гидденс) является ощущение стабильности и упорядоченности окружающих вещей, уверенность в завтрашнем дне. Онтологическая безопасность представляет собой одну из форм ощущения безопасности в широком смысле этого слова. Ф. Кассель так комментирует понимание онтологической безопасности: «это психологическое состояние, эквивалентное ощущению себя “как дома” с самим собой и с окружающим миром, и это связано с опытом управляемого уровня тревоги. Акторы будут опираться на правила и мобилизовать ресурсы на повторение рутинных действий для нахождения комфорта: просыпаться в одно и то же время каждый день; надевать одежду в определенном порядке ...и так каждый день. Сбой программы, как правило, будет восприниматься как тревога, и они позаботятся обеспечить предсказуемость развития событий» [420]. Можно утверждать, что обеспечение безопасности первично, оно является необходимым основанием любой социальной деятельности, жизни в целом и творческой реализации личности.

Первоначально можно сделать вывод о социальной безопасности: это устойчивость социального порядка в обществе. Повторим: важно понимать неоспоримость ценности социального порядка и для личности, и для общества, государства с тем, чтобы далее обратиться к поиску подходов к осмыслению социальной безопасности субъекта.

Социальный порядок обеспечивается воспроизводством в обществе социальных норм, в том числе зафиксированных в законе государства, – правил поведения, стандартов, регулирующих социальные отношения между субъектами. Система норм позволяет не только соотносить поступки и

собственное поведение с требованием окружающих, но и иметь представление о том, что будут делать в той или иной ситуации другие. Норма определяет интервал допустимого поведения в обществе. Развитие нормативного регулирования составляет историю социального порядка.

Социальная норма возникает в точке пересечения множества интересов и потребностей субъектов. Ее можно фиксировать в процессе формирования и ограничения социальных взаимодействий, она формирует структуры общества – системы социальных ограничений.

Г.В. Мальцев отмечает, что «необходимость является константой в историческом развитии социальной нормы, в частности права. Но меняется онтологический образ необходимости, которой служит социальная норма в виде формирования и ограничения социального взаимодействия» [107].

Любое общество представляет собой устойчивую упорядоченную систему, элементами которой являются коммуникации, в своей совокупности составляющие систему связей и социальных отношений между субъектами. Устойчивость и воспроизводство отслеживается и контролируется системой. Ценностная и нормативно-правовая система составляют основания устойчивости и воспроизводства общества. Нарушения социального порядка и даже популизм к его нарушению вызывают в системе естественную реакцию защиты целостности и упорядоченности. Подобный механизм отслеживания и обеспечения упорядоченности общества обеспечивается, в том числе преступлением и наказанием.

Личность человека в преследовании своих интересов так или иначе вступает в противоречия с нормативными и ценностными системами, которые лежат в основаниях социального порядка общества. В этом состоит основное утверждение теории девиантного поведения. В процессе социализации индивид всякий раз усваивает правила, нормы поведения, чтобы естественным образом встраиваться в систему общества, но являясь по своей природе существом, преследующим цели своих желаний, своего

развития, самореализации и самоутверждения, находится в противоречии с обществом и государством.

Совместная жизнь часто характеризуется не сотрудничеством, а конкуренцией и даже конфликтом. Еще Т. Гоббс утверждал, что в отсутствие социального консенсуса естественное состояние людей сводится к «войне всех против всех». Субъект, преследуя цели, сталкивается с нормативными ограничениями и другими системными противодействиями своим интересам. В результате, настаивая на реализации собственных интересов, индивид, группа, организация различным образом оказывают противодействие устоявшемуся социальному порядку общества. То, в ответ, вырабатывает систему социального контроля, состоящую из политико-юридической системы, общественной морали и других социальных ограничений. Работа социального контроля коррелирует с системой обеспечения безопасности, которую реализует государство. В современном обществе обеспечение национальной и государственной безопасности призвано сбалансировать конфронтационные и другие интересы различных социальных групп, организаций, институтов для удовлетворения общих жизненно важных интересов личности, общества и государства в целом.

Не всякое девиантное поведение является преступлением, но всякое преступление входит в понятие девиантного поведения. Теоретическое представление об отклонении от нормы носит дифференцированный характер. В целом отметим, что связь между девиантным поведением (девиацией) и преступлением не является однозначно прямой. Понятие девиации является более широким и относительным по сравнению с преступлением. Под девиацией подразумевают нарушение любой, в том числе негласной, нормы. Нарушение нормы, зафиксированной в уголовном законодательстве, считается преступлением.

В современной криминологии утверждения о связи девиации с состоянием социального порядка являются устоявшимися. То, что преступление в обществе имеет естественный характер, понимание девиации

как «необходимого и закономерного способа изменения социальных систем, как механизма изменчивости, а следственно, – существования и развития системы» [304], для криминолога составляют характер аксиомы. В социологической науке существует такая дисциплина, как девиантология, которая исследует механизмы взаимодействия отклонений и правового порядка в обществе². Вероятно, образовался зазор между криминологией – социологией, с одной стороны, и социальным гуманитарным знанием, с другой, где до сих пор мы не находим объяснения феномена социальной безопасности через понятия порядка и девиации (речь идет о русскоязычной литературе).

Ни в одном обществе невозможно сделать разделение на тех, чье поведение отклоняется от нормы, и тех, чье поведение соответствует норме. Большинство из нас в тех или иных случаях нарушает общественные правила поведения, где-то преступает закон. Каждый, возможно, когда-то не заплатил, нарушил правила приличия, опоздал, превысил скорость движения и т.п.

Часто вчерашнее нарушение социальной нормы сегодня становится новым, общепринятым правилом поведения. К примеру, если еще «вчера» бизнес в советском обществе был ярко выраженным девиантным поведением, противоправным действием, нарушающим устои советского строя, то в настоящее время бизнес-деятельность является в обществе одной из самых распространенных. Девиация не всегда носит негативный характер, обычно она связана со стремлением личности, социальной группы к новому,

---

² Здесь будет достаточно упомянуть деятельность научной школы И. Гишинского и ее отдельные работы. Например: Афанасьев В., Гишинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб, 1995; Гишинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб, 1998; Гишинский Я. (ред.). Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

прогрессивному. Известно утверждение Э. Дюркгейма о том, что если бы в обществе не было преступления, то не было бы и гения.

Если обратиться к такой весьма болезненной теме отечественной истории как освободительное революционное движение в России, то становится очевидным, что вопросы соотношения порядка в царской России и революционной девиации до сих пор не решены для нашего исторического сознания. Отметим, что общество как гибкая социальная система не исключает, в принципе, девиантное поведение, и всякий раз частично адаптирует его. Это связано с тем, что часть различных отклонений от социальных норм в поведении индивидов, по сути, являются причиной изменения социальной системы, фактором ее развития.

Девиации условно разделяют на социально одобряемые и неодобряемые. В контексте данного исследования девиацию мы трактуем не столько в традиции Э. Дюркгейма, сколько с использованием методологических подходов теории социальной эволюции Н. Лумана. Девиация понимается автором как вариативность коммуникации или девиация/инновация (Н. Луман).

Необходимо осознавать проблему реализации социальной инновации, под которой мы понимаем сущностные изменения в системе общественного устройства. Социальная система, как правило, не принимает первоначально инновацию. Этому противодействуют устоявшийся порядок в профессиональной сфере деятельности общества, сложившаяся политико-юридическая система, доминирующая общественная мораль, другие элементы, обладающие значительной социальной инерционностью.

Когда во главу угла ставится необходимость инновационного развития, серьезной критике подвергается косность системы, препятствующей введению инноваций. Но анализ различных этапов развития социальных систем показывает, что непрогнозируемость и неконтролируемость различных нововведений в обществе порождает серьезную проблему нарушения устойчивости и воспроизводства социального порядка.

Положительная девиация, которую мы трактуем как инновацию, не всегда и не везде воспринимается системой в подобном качестве. Многие авторы отмечают, что однозначного научного понимания инновации до сих пор не существует. Современную трактовку инновации дал Й. Шумпетер [180]. Он определил ее как средство предпринимательской деятельности для увеличения прибыльности и конкурентоспособности, главной же движущей силой экономического развития он считает предпринимателя или главного инноватора. Экономист Дж. А. Гибсон считал, что инновации позволяют открывать новые рынки, производить новые товары и находить новые способы их изготовления [45]. Подобный подход развивал П. Друкер, отмечая, что нововведения – это особый инструмент предпринимательства, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс осуществить новый вид бизнеса или услуг [59].

В известной работе Р. Мертонa [271] понятие инновации мы встречаем в классификации видов девиантного поведения, где он определяет ее как социальное нововведение, нарушающее социальные нормы. Сегодня многие авторы считают, что суть инновационного развития выходит далеко за пределы узких технико-экономических параметров. Понятие эффективности инновации чрезвычайно сложно и всегда относительно. Д. Норт отмечал, что меняется эффективность не всей системы и не для всех, а лишь для тех игроков, в чью пользу сложилось соотношение сил [126, с. 33].

Одновременно нельзя отрицать и того, что инновации имеют серьезные системные последствия. Это одна из важнейших причин, которая обуславливает жесткое сопротивление при внедрении инновации. Внедрение инновации не означает автоматического улучшения большей части общества.

Процесс инноваций может быть задан «извне» или «сверху», но ни при каких обстоятельствах он не может быть формализован, а ход его развития – исчерпывающе прогнозируемым. В любом инновационном процессе участвуют различные силы, как заинтересованные в изменениях, так и не желающие их. Важно отметить, что во внедрении инновации особенности

межличностной и межгрупповой коммуникации играют значительную роль наравне с содержательной стороной самого нововведения.

В области организационного развития выделяют три типа инновации в соответствии с концепцией «созидательного разрушения» Й. Шумпетера:

– трансформационные, или революционные, инновации, отвечающие историческим и необратимым изменениям существующего порядка;

– значимые инновационные процессы, вносящие коррективы, не столь масштабные, как предыдущие, но все же вызывающие довольно серьезные изменения. Часто значимые инновационные процессы сопровождают трансформационные;

– эволюционные инновации, которые являются движущей силой ежедневных изменений большинства корпораций [180].

Е.Г. Пономарева, А.Э. Никифорова отмечают, что по отношению к организационным, управленческим, политическим и бизнес-процессам уровень инновации определяется двумя факторами: степенью их новизны и масштабом изменения условий, связанных с их внедрением. Эволюционные инновации не обладают высокой степенью новизны в глазах индивидов, участвующих в процессе их внедрения.

Значимые инновации воспринимаются как нечто новое и могут произвести более ощутимый экономический эффект. Трансформационные инновации приводят к появлению совершенно новых конструкций или производственных процессов и оказывают влияние на все стороны жизни [285]. Видимо, именно трансформационные инновации могут составлять угрозу упорядоченности и стабильности жизни отдельных социальных групп и даже целого общества.

На основе результатов, полученных в ходе исследования условий рыночной эффективности крупнейших американских компаний, была выведена интересная закономерность между тремя типами инноваций. Внедрение значимых инноваций часто вызывает изменения рыночной эффективности, примерно на порядок отличающиеся от последствий

эволюционных, и приводят к соответствующим изменениям финансового состояния рынка (при десятикратном увеличении неопределенности). Кроме того, значимые инновации часто порождают новые: стоит им начаться, как вслед за ними возникают другие (иногда этот эффект называют положительной реакцией). Трансформационные инновации имеют на порядок больший масштаб, чем значимые. Эти процессы разрушают социальную ткань намного эффективнее, чем эволюционные инновации. [166]

Эффективность инновации связана также и с тем, что значимые организационные и технологические инновации ведут к перераспределению экономических и политических ресурсов в обществе, а потому чреватые не только экономическими, но и социальными и политическими проблемами, ведущими, в том числе, и к угрозам различного характера. «Те, кто выигрывает от текущего экономического и политического статус-кво, имеют рациональные основания опасаться условий, способствующих модернизации, ведущей к инновационному развитию» [101, с. 8]. Е.Г. Пономарева отмечает, что, быть может, в долгосрочном плане (а долгосрочное прогнозирование, как известно, вещь труднодоступная и ненадежная) общество может выигрывать от запуска инновационной модели развития, но при переходе к ней определенные социальные группы несут серьезные потери. К примеру, в современной России для многих социальных групп текущее состояние оказывается предпочтительнее рисков перехода к новым, с неизвестными последствиями, моделям политического и экономического устройства страны. Группы, опасаящиеся нового, воспринимают призывы руководства страны к инновационному развитию не только как нечто чуждое, как «принуждение к инновациям» (В.Л. Иноземцев), но как покушение на имеющиеся блага [285].

Итак, для задач нашего исследования важным является вывод о том, что инновационное развитие общества ведет к росту отклонений от устоявшихся социальных ограничений или норм, что, в свою очередь

увеличивает количество рисков и угроз. Развитие коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации социальной жизни. Считаем, что *безопасность субъекта необходимо рассматривать, в том числе, как устойчивость социального порядка в условиях инновационного развития общества или в условиях одобряемой девиации.*

Не случайно в дальнейшем в настоящей работе мы постоянно обращаемся к теории Н. Лумана, где инновация и девиация трактуются как одно явление, выраженное в вариативности социальной коммуникации. Именно такой теоретико-методологический подход позволит в последующем выявить суть противоречия, определяющего проблемы информационной безопасности субъекта.

Общество как система характеризуется незыблемым противоречием между интересами субъектов и социальным порядком. Интересы субъектов выражаются через различные общественно-политические структуры: политические партии, профсоюзы, союзы предпринимателей, лоббистские структуры, общественные организации. В механизмах, посредством которых осуществляется связь между гражданами и государством, существенная роль принадлежит группам интересов и группам давления. Группы интересов представляют собой добровольные объединения граждан, не являющиеся политическими партиями. Они создаются для выражения и представления интересов людей во взаимоотношениях с другими группами и политическими институтами.

Известно, что индивидуальные убеждения, отдельные идеи и личностные характеристики поведения имеют значение лишь в контексте деятельности группы. Они учитываются в той мере, в какой помогают выработке моделей группового поведения. Естественным является то, что свои интересы индивиды осуществляют посредством групп, в которые они объединены на основе общих интересов. С развитием общества растет

разнородность социальных интересов, что приводит к появлению многообразия групп, растет их автономность по отношению друг к другу.

Группы интересов стремятся к повышению степени воздействия на властные структуры, на жизнь общества в целом. Реализуя свои цели, они выступают как группы давления. Факторы воздействия (давления) групп весьма разнообразны: финансовые и экономические потенциалы, обладание значимой информацией, опыт участия в политической деятельности, постоянные и временно создаваемые организационные структуры и пр. Здесь можно отметить высокую степень корреляции совокупных ресурсов групп интересов и возможности последних влиять на принятие властными структурами управленческих решений. В свою очередь попытки влияния на власть маргинальных групп интересов, игнорирующих устоявшиеся в обществе нормы и ценности, с большой степенью вероятности будут характеризоваться деструктивным воздействием на существующий социальный порядок. Такие попытки влияния, как правило, отторгаются социальной системой.

Специфической формой взаимоотношений, в рассматриваемом контексте, является взаимоотношение бизнеса и нормативно-правовой системы общества. Цели бизнеса, в силу имплицитно присущих ему свойств, всегда носят прагматический характер, а социальная система всегда включает в себя ограничительную компоненту. И хотя социальные субъекты в сфере бизнеса строят свою деятельность в рамках нормативно-правовой системы общества, но их интересы потенциально всегда вступают в противоречие с требованиями и ограничениями правового порядка.

В ходе исторического развития социальная система общества выработала для обеспечения своей безопасности особый механизм контроля за исполнением социальных норм. Центральное место в этой системе принадлежит институту государства. Но возникает вопрос, только ли девиация, нарушение общественной нормы, закона выступает угрозой для существующего социального порядка? Не является ли сегодня сама

устойчивость, жесткая структура системы иллюзией, видимостью социальной безопасности? В одной из своих работ З. Бауман, не случайно нарекает современный социальный мир «текучей современностью». Метафора, предлагаемая теоретиком, не является принципиально новой в социальной теории. Обращая внимание на подвижность, изменчивость как неотъемлемой черты социальной реальности, Э. Гидденс пишет об «ускользающем мире», а У. Бек называет социум «обществом риска». Можно предположить, что речь идет о генетическом характере возрастающей и принципиальной неупорядоченности вещей в становлении и функционировании социальной реальности. В этом контексте, методологический потенциал понятий «девиантное поведение» и «социальный порядок» в раскрытии феномена социальной безопасности нуждаются в дальнейшем уточнении дефиниций и более пристальном рассмотрении их взаимосвязи и взаимовлияния, что открывает серьезную перспективу исследовательского поиска.

Обратим внимание, что сама теория девиантного поведения появляется в западной интеллектуальной мысли как некий инструмент для адекватного понимания реалий западного общества (Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.). Сегодня появляется необходимость корректировки некоторых положений Э. Дюркгейма, учитывая радикальные трансформации, произошедшие в западном мире в последние десятилетия, что без учета аксиологического фактора вряд ли возможно. Происходит не просто рост девиации и индивидуализация жизни. Меняются ценностные основания социального бытия. С точки зрения другого, «незападного мира» основания эти деградируют.

Понятие личности, такие ценности как свобода личности, либеральная демократия, частная собственность являются атрибутами развития западного мира. Свобода человека обычно выражается в том, что он независимо от многих социальных ограничений отстаивает свои интересы. Но как показывает анализ наиболее сложных этапов развития человечества, именно

свободная реализация личностного начала индивида порождает в социуме систему отношений и взаимодействий, которая с трудом поддается регулированию средствами социального управления. Лежащий в основе свободы человека личностный интерес неизменно вступает в противоречие с системой социальных ограничений и предписаний. Там, где индивид обладает большой степенью свободы, основанной на значительных экономических возможностях, система организации общества часто испытывает серьезные вызовы. Поливариантность интересов субъектов социальных отношений с неизбежностью вынуждает непрерывно развивать систему обеспечения безопасности, в обязательном порядке трансформировать ее структурные элементы в соответствии с возникновением новых интересов, учитывать особенность различных частей системы при поддержании централизации регулирования процессами социальной жизни.

Некоторые социальные теории рассматривают трансформацию сознания человека в истории как непрерывный процесс индивидуализации и обособления от своей группы. В результате сознание обретает ярко выраженный личностный характер с четко обозначенными индивидуальными интересами, которые оказывают существенное влияние на формирование и развитие в обществе института частной собственности и генерируют такую ценность, как свобода личности.

В соответствии с этим выстраивается логика развития представлений о безопасности: от простой силовой модели власти, которая во взаимодействии с исторической традицией сохраняет общество в состоянии относительной статичности, закрытости и устойчивости, к сложному «подвижному/текущему» открытому обществу. На этом этапе происходит постулирование новой теоретической модели социальной организации, в русле которой культивируются мифологемы «гражданского общества», «либеральной демократии», выстраивается государственный аппарат,

институт частной собственности, а сама организация приобретает сетевой характер.

Такая система воспроизводства социального порядка современности характерна не для всех обществ. Значительная часть стран в мире – это в той или иной степени закрытые (не сколько в политическом, сколько в социокультурном плане), развивающиеся общества, часто именуемые традиционными. В таком типе человеческого сообщества сознание индивида не носит ярко выраженный обособленный характер и во многих сферах не противопоставляет собственное «я» другим. Это находит выражение прежде всего в относительной «размытости» собственных личных интересов, в признании примата общественных и групповых интересов. Формулируя и осознавая свои интересы, индивид в то же время не противопоставляет их интересам общества, подчиняясь традиции, господствующей социальной системе. Человек в значительной мере идентифицирует себя с группой и тесно связывает свое «я» с «другими» (семьей, родом, кланом, сообществом). В традиционном обществе такие ценности, как свобода личности, собственность, безусловно присутствуют, но уступают место другим ценностям, которые культивируются традицией (часто религиозной нормой). Размытость личностного начала, полное или частичное отсутствие противодействия группе, сообществу, социальной системе способствуют утверждению парадигмы сущности власти как «абсолютной защиты» для всех, исключительной роли государственного начала.

В рамках подобной парадигмы сами интересы человека и общества постулируются государством, а между понятиями «социальная безопасность» и «защита государственных интересов» фактически ставится знак тождества. Вопросом особого внимания является обоснование легитимности власти внутри государства и, особенно, в системе взаимоотношений с внешней средой. Внешние социальные субъекты (другие государства, межгосударственные объединения) для социальной системы общества такого типа является более важным и серьезным раздражителем.

Вследствие этого, подобное общество генерирует систему безопасности, которая в большей мере направлена на минимизацию внешних угроз, на защиту своей суверенности и самобытности.

Деление общества на традиционное и современное является наиболее распространенным в социальном знании. Готовность или отказ социальной системы принять социальные изменения или приступить к ним составляют основной критерий различения этих двух типов общества. В традиционном обществе сохранение традиции господствует над социальным развитием, стабильность порядка довлеет над вариативностью коммуникации.

Вслед за Н. Луманом в понимании общества мы исходим из таких переменных как плотность коммуникаций или частота информационных импульсов, и прежде всего учитываем фактор усиления девиантности, что является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным». Если обратиться к приведенному нами сопоставлению двух типов общества через призму подобного подхода к пониманию общества, то *можно различать общество с низким уровнем вариативности коммуникации или девиации/инновации (традиционное) и общество с высоким уровнем вариативности коммуникации (современное).*

Это различие задает разные представления об обеспечении безопасности. Можно утверждать, что *с ростом девиации/инновации или вариативности коммуникации в обществе меняются модели обеспечения безопасности.* Современность, по сравнению с предшествующим традиционным типом общества, являет собой крайне подвижный социальный организм. Подобное утверждение мы соотносим с представлением Дж. Урри о «различных режимах циркуляции потоков людей, объектов, информации для различных обществ» [164, с. 143]. Потоки людей, объектов, информации характеризуют современность, задающую процессы глобализации. Традиционный мир еще сохраняет свои ценности в отдельных регионах, являясь, в том числе, оплотом антиглобализма.

В целом важно обратиться к пониманию закономерности: чем более свободна личность, тем большее количество девиации (различного рода нарушений социального порядка) она способна осуществлять, тем проблематичнее ее деятельность с точки зрения устойчивости социального порядка. Соответственно, тем более развитой, более адаптивной к подобному уровню свободы (масштабу вариативности коммуникации) индивидов в обществе становится система социального контроля, нормативно-правовая система, система власти, отслеживающая и защищающая социальный порядок. По сути, рост свобод в условиях системы общества означает для устойчивости порядка рост вариативности социальной коммуникации или девиации/инновации. Само общество, во избежание распада, вырабатывает новые механизмы регуляции социальных отношений и устойчивости порядка, появляются новые структуры накопления и ускорения девиации/инновации (Н. Луман). *Такие социальные институции, как гражданские права и свободы, гражданская ответственность, правовое государство, гражданское общество, либеральная демократия, национальные интересы и национальная безопасность, являются новыми форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации и становятся частью культуры современного общества.*

Уровень и интенсивность негативных воздействий девиации/инновации имеют определенные пределы или меру, свои для каждого отдельного субъекта. Превышение этой меры вызывает частичные и существенные изменения деструктивного характера, потерю субъектом основных свойств и качеств, что может привести к утрате собственной конституции или сущности. Соответственно более корректно утверждать о безопасности субъекта как о мере устойчивости социального порядка в условиях девиации/инновации.

Категория меры связана с такими понятиями как пропорция, гармония, соразмерность, масштаб, порядок, умеренность, и др. Мера трактуется как единица измерения, масштаб измерения, способ фиксации того, что данное

количество или данная величина применяются для измерения других качественно определенных предметов и процессов. Эталон измерения оказывается безразличным к особенностям измеряемых предметов или процессов. На наш взгляд, к анализу социальной безопасности применима антропологическая трактовка меры. Согласно Протагору, «человек есть мера вещей». Критерием меры, или мерой, является человек, измеряющий собой все вещи и определяющий ценность общества, являющийся существом социальным.

Можно отметить, что гражданские права и свободы, гражданская ответственность, правовое государство, гражданское общество, либеральная демократия, национальные интересы и национальная безопасность, являются не просто форматами упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации, но институциональной мерой, которая фиксирует необходимый уровень безопасности социального субъекта.

Итак, безопасность и социальной системы, и индивида можно определить как меру устойчивости социального порядка, его свойство сохранять и развивать самое себя в условиях роста девиации, в том числе одобряемой девиации (инновации). Упорядоченность системы общества всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности».

Поскольку в современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов, а нарушение нормы или «вариативность коммуникации» (Н. Луман) становится потенциально тотальным, говорить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений (безопасности) становится все более проблематичным.

Сегодня утрачена сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка: «общественное» колонизируется «частным», а «общественные

проблемы”, которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [17, с. 62–63]. В таких условиях подрывается основание социальной жизни каждого субъекта (личности, общества, государства). Возрастает необходимость в обеспечении социальной безопасности. Соответственно, еще более значимой становится роль государства как гаранта безопасности в жизни личности и общества.

1.3. Девиация как вариативность социальной коммуникации и понятие информации

Каков механизм взаимосвязи информации и безопасности социального субъекта? В целях дальнейшего осмысления этого вопроса более подробно остановимся на другом вопросе: каким образом девиация/инновация связаны с информацией? Вслед за Н. Луманом *рост девиации/инновации* мы связываем с *ростом интенсивности коммуникации* или, по сути, с *ростом «различения различения»* – так теоретик определяет информацию [99].

Что понимать под информацией, социальной информацией? Можно говорить о статическом и динамическом представлении об информации: информация как сведения, элемент социальной коммуникации и информация как «различение различения», момент самореференции/инореференции системы. В нашем исследовании мы будем использовать динамическое представление об информации, заданное Н. Луманом в его теории коммуникации.

В понятии мы также выделяем утверждение о том, что информация – это новые сведения, поскольку она является составляющей коммуникации вместе с сообщением и пониманием. Информация в интерпретации Н. Лумана – не структура, а событие. Он определяет информацию как событие, которое меняет состояние системы [99, 100]. А.В. Назарчук отмечает: такое определение информации означает, что она не есть материал, вневременная

«библиотека», как ее понимают в информационных науках, напротив, она – как событие – внезапна, имеет начало и конец. «Информации являются временными различиями, постоянно конституированными внутри системы, которые реализуются из взаимной игры автореферентных или инореферентных обозначений, постоянно процессируемых внутри системы» [275].

Важно брать во внимание, что состояние системы изменяется, поскольку информация как «различение различения» однажды состоявшись, оставляет структурный эффект, меняя состояние системы. «Те сообщения, которые не ставят под сомнение прежнее состояние системы и не побуждают к реакции, не несут информацию и ею не являются. Но информация не обязательно результируется в системных изменениях. Даже обогащение наблюдения системы, углубляющее ее дифференциацию, можно считать эквивалентным ее изменению» [275].

А.В. Назарчук указывает на то, что понятие информации в интерпретации Н. Лумана подобно многим другим понятиям претерпевает существенные изменения в сравнении с традиционными представлениями. Главное из изменений заключается в том, что информация не приходит извне и ни от чего не «передается», она может быть только частью автореферентных систем, действующих вследствие изменения собственных состояний, а не каузальным изменением вследствие внешнего воздействия. Информация создается не из самой себя, а в ответ на внутренние ирритации системы [275]. Информация – это всякий раз результат нового наблюдения второго (и очередного) порядка, она *составляет вариативность коммуникации, обеспечивает девиантный/инновационный характер социальных изменений.*

Будучи релевантными для системы состояниями и событиями, информация составляет суть внутрисистемных достижений, приобретаемых с помощью техники различений. Мы бы отметили, что информация – это моменты становления тождества. Внешний мир – это абсолютное Все,

которое в этом статусе непрозрачно и недоступно. Система же способна «видеть», то есть выбирать свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. Система, таким образом, «видит» только себя, ограничена в своем «зрении» своим горизонтом. То, что «видит» система, и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Другими словами, она пребывает в состоянии самоотражения себя (фрагмент известного определения информации), в состоянии единства тождества и различия (В.И. Кашперский), в условиях структурного соответствия, подобия, в информационном взаимодействии. Событие, полагаемое системой в ее внешнем мире и релевантное для нее, уже всегда внутрисистемное, переработанное ей событие, но эта замкнутость системы означает ее мирооткрытость. «Все информации и информационные ожидания, то есть структуры, приобретаются через проекции различений, эта закрытость и есть открытость системы, ибо с помощью этой техники система в состоянии узнавать саму себя в своей дифференциации по отношению к внешнему миру» [98, с. 238].

Внешний мир есть то, что уже представлено (а значит, редуцированно, информационно переработано) в системе, и она реагирует на него как на свое внутреннее состояние. Но она открыта, поскольку внешний наблюдатель констатировал бы корреляции между внешним миром системы и ее внутренним миром.

Считаем, что операция «наблюдения второго порядка» – это та характеристика смысловой системы, которая является свойством и социальной системы, и индивида (психической системы) как вещей, эволюционирующих, подверженных дальнейшей дифференциации в ходе социального информационного взаимодействия. (Всякая вещь творит другие вещи и творима ими посредством взаимодействия множеств информации). Ввиду этого, и социальная система, и индивид, чтобы наблюдать себя, относят себя к «другому», называют себя (самореференция) и «другого» (инореференция).

На наш взгляд этот момент самореференции/иннореференции составляет «различение различения» или понятие информации. Единство и смысловой, и социальной системы всякий раз становится несовершенным, очередной акт самореференции/инореференции подвергает его потенциальной деконструкции. Обратим внимание на то, что эти процессы составляют существо содержания взаимодействия с внешней средой системы или социального информационного взаимодействия. Но выражены они для наблюдателя в виде социальной коммуникации. Можно сказать, что коммуникация является формой социального взаимодействия, информация же передает его содержание.

Информация (по Н. Луману) является различением между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит и сообщается. В качестве различения информация не имеет ни измерений, в пределах которых она бы могла варьироваться, ни местоположения, где ее можно было бы обнаружить [402]. Возможно лишь выделить систему, которая занимается ее обработкой.

Книги, архивы, цифровые облака лишь виртуально являются информацией, становящейся актуальной только тогда, когда ее запрашивают. Информация становится информацией только при ее запросе. Таким образом, *информационное общество в структурном и операциональном отношении состоит из результатов запросов, место накопления которых невозможно указать и которые теряют характер информации после осуществления коммуникации* [402].

Рост информации, выраженный в росте социального многообразия, вызванный скоростью взаимодействия систем (социальной и психической) ведет к изменению социального порядка. Логике этого изменения мы бы выразили следующим образом: от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабиллизации; или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния социальной системы общества. Вариативность коммуникации, выраженная в новой информации, и есть девиация/инновация для социальной системы.

Вариативность эта вызвана к жизни условиями меняющейся окружающей среды, с которой система взаимодействует.

В определенном смысле инновационность и девиантность являются двумя сторонами одной медали – вариативности коммуникаций. «Отклонение (или вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором из известного или неизвестного репертуара возможностей, при котором должно присутствовать несоответствие с утвердившимся пониманием (интерпретацией чего-либо)» [100, с. 197].

Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (социальных практик) с последующей рестабиллизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы. Н. Луман считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада системы общества приближается.

Социальный порядок представлен в обществе структурами. *Структуры мы трактуем как условия ограничения в области допускающих подсоединение операций (коммуникаций).* Они являются «стабильными» в том случае, если существуют другие структуры, которые навязывают повторное применение первых. Структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой. Именно это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур.

Итак, кратко, утверждения о принципах организации и динамики изменения социального порядка мы бы охарактеризовали так: варьирование

коммуникации (девиация/инновация), выраженное для субъекта в информации (различении различения), порождает дифференциацию (она ведет к отклонению от того, что было обычным прежде). Эта дифференциация «требуется» селекции – выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она ведет к отбору нового, в свою очередь, с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе. Если же «выбирается» сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку то, что прежде было понятно, стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы – коммуникации. Их же мы рассматриваем как социальные практики.

«Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет дело со структурами системы – с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла).

Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя – селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит – в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабиллизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной – позитивной или негативной – селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабиллизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире» [102, с. 21–22].

На наш взгляд, суть направления эволюции социального порядка можно выразить одной фразой Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится

потребность в Неотрицаемом» [102, с. 66] (в последующем тексте исследования мы не раз еще обратимся к этому ключевому для нас теоретико-методологическому положению). Подобная потребность реализуется в виде роста информационных потоков – роста «различения различения». Уже отмечалось, что такие ценности современности как индивидуальная свобода, самореализация личности, в подобном контексте являются не чем иным как воплощением требований логики эволюции социального мира (с. 61-62). Н. Луман пишет об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации). Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества.

Становится понятным, почему Н. Луман судит о состоянии общества, исходя из таких переменных, как плотность коммуникаций или частота информационных импульсов. Обратим внимание на то, что *плотность/интенсивность коммуникаций и частота информации (информационных импульсов) понимаются как одно явление.* Для нашего исследования это замечание является принципиальным, поскольку именно такая концептуализация взаимосвязи вариативности коммуникации (девиации/инновации) и информации позволяет увидеть взаимосвязь безопасности как устойчивости структуры и информации.

При этом учитывание усиления девиантности в ходе социальной эволюции позволяет выявить *ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Оно заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство.* С точки зрения Н. Лумана, обществу угрожает «коллапс различения стабильности и вариативности». Считаем, что *сущность феномена информационной безопасности состоит в разрешении этого противоречия социальным субъектом.*

Каким образом разрешается указанное противоречие? Посредством практик работы с информацией растет «несовершенное множество несовершенного единства моментов бытия» (Л.П. Карсавин), растет и усложняется информационный тезаурус субъекта. В третьей главе автор отдельно остановится на мысли Н. Лумана о том, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключалась в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, которые как раз и являются механизмами разрешением противоречия.

Важно понимать, что всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации опасность распада упорядоченности системы общества приближается, количество рисков и угроз для социального субъекта возрастает. Эволюционирует форма социального действия. В целом, логику разрешения противоречия разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта и вариативности коммуникаций мы приводим в первом параграфе второй главы, обращаясь к теории эволюции форм социального действия В.Е. Кемерова, к эволюции социальных систем Н. Лумана, к закону «отставания человека от человечества», на который указывает М.Н. Эпштейн и др. Следом, раскрывая во второй и третьей главе исследования, содержание практик обеспечения информационной безопасности, тем самым мы обращаемся к детализации социальных механизмов разрешения этого противоречия со стороны субъекта.

Социального субъекта можно интерпретировать как информационную систему, которая имеет свои ограниченные ресурсы в условиях изменчивой информационной среды. Система, рационализируя свою деятельность, всякий раз стремится к взаимодействию только с теми, кто составляет «интересующую» информацию, информацию, соотносимую со спецификой функционирования данной системы. Это взаимодействие должно носить эффективный характер, т.е. система должна стремиться наносить наименьший информационный ущерб себе и иметь наибольшую выгоду в приобретении информации. Уже здесь актуализируется проблема защиты

информации и защиты от информации (во втором случае речь идет о проблеме полноты получаемой информации, искажении информации или дезинформации). Одновременно, система отграничивает себя от ненужных коммуникаций, ведущих, в итоге, к ее деструкции (напомним, речь идет, в частности, о сознании человека).

1.4. Обеспечение информационной безопасности как совокупность социальных практик

Итак, если в определении безопасности субъекта, общества в целом мы придерживаемся подхода к безопасности как мере устойчивости социального порядка (структурности) в условиях возрастания девиации/варьирования коммуникации, то информационная безопасность как защита информации и защита от информации субъекта выступает существенным аспектом понятия. Ведущее противоречие, которое актуализирует информационную природу безопасности субъекта, заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Считаем, что «рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности, является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Для утверждения такой позиции мы отталкиваемся, в том числе, от синергетической методологии [87, 160, 161], позволяющей определять природу системы общества как информационную.

На наш взгляд, важно понимать роль информации как операции «различения различения» в современном росте интенсивности коммуникаций, задающем характер «текучей современности» (З. Бауман) обществу. В качестве новых сведений информация появляется ввиду вариативности коммуникации. «Новое» возможно, так как возможна

девиация/инновация. В этом контексте информация является и источником угрозы, и источником социальных изменений.

Необходимо осознать, что безопасность системы (и психической, и социальной) составляет меру устойчивости структуры (порядка, если говорить о социальной системе) в условиях роста вариативности коммуникации, где информация, будучи обязательным аспектом коммуникации, ее содержанием, составляет суть этой вариативности как «нового» или «отклонения от ожидаемого», «нарушения структурного ограничения». В этом смысле информация является событием, меняющим состояние системы.

Остановимся на вопросе о том, что такое устаревшая информация. В контексте теории Н. Лумана если информация повторяется, то это уже не информация. Казалось бы, странное замечание. Но здесь важно понимать, что информация как новое для системы трактуется в контексте понимания коммуникации как совокупности трех селекций: сообщения, информации и понимания. Коммуникация всегда носит вариативный характер. Вариативность связана всякий раз с новым пониманием (новым хотя бы во времени), которое влечет за собой необходимость очередной селекции, связанной с отклонением или принятием системой информации как события и, соответственно, с ее изменением или изменением самой системы.

Информация состоялась в том случае, если состоялось не только сообщение, но и понимание. Если понимание состоялось только при повторном поступлении информации – с точки зрения наблюдателя, – то мы говорим об информации как о новом сведении только при «повторном поступлении».

Итак, устаревание информации происходит, когда понимание сообщения уже состоялось, система отреагировала (момент самореференции/инореференции состоялся) на информацию – отклонила или приняла, осталась прежней или изменилась. В связи с принятием решения необходимость в новом понимании и сообщении становится

неактуальной. Устаревшая информация – это та информация, которая «уже была», которая уже изменила или не изменила состояние структуры. Всегда есть одни, которые утверждают, что информация новая, и другие, которые настаивают на том, что она устарела.

Можно отметить, что те субъекты, для которых информация устарела (то есть ее функциональность состоялась – очередная вариативность или принята системой, или отклонена), находятся в более выигрышном положении относительно тех, для кого комплексность системы находится только на этапе данного «различения различения» или они в принципе далеки от возможности данного «различения различения».

Функциональность информации обусловлена вариативным характером коммуникации, элемент которой она составляет. Функциональность всегда контекстная. Контекст обусловлен социальным временем, в котором пребывает субъект. И функциональность, и деструктивность (в данном рассуждении деструктивность также рассматривается как функция) информации для субъекта является следствием вариативности коммуникации.

Память помогает контролировать, «из какой реальности система смотрит в будущее» (Н. Луман). «Речь идет о постоянной функции тестировать определенные операции в отношении совместимости с теми, что система конструирует как реальность. Функция памяти заключается в том, чтобы гарантировать границы возможных проверок совместимости и одновременно снова освобождать мощности информационной обработки, чтобы открыть систему для новых возбуждений. Основная функция памяти заключена, таким образом, в забвении, предотвращающем самоблокирование системы потоком результатов прежних наблюдений» [124, с.111].

Являются ли информацией те сведения, которые «вспоминает» система? Да, это вновь «различение различения» или «событие, которое меняет состояние системы». Да, если эти сведения вновь актуализируются в работе системы.

Считаем, что устаревшая информация – та информация (информационная технология), которая утрачивает или утратила свою востребованность или функциональность в данном социальном пространстве. Важно брать во внимание то, что устаревание – это процесс, который неравномерен и нелинейный. Устаревание информации связано с цифровым неравенством, индивидов, групп, государств, других институтов. Оно различно для обладателей различных информационных ресурсов. Одна система получает информацию, которую другая система уже получила. Для одной системы событие происходит и ведет к изменению системы. В это же время, для другой системы событие/изменение уже произошло и стало элементом памяти. Можно сказать, что память составляет «устаревшая информация».

Может ли устаревшая информация стать вновь функциональной и актуальной? Является ли устаревшая информация угрозой для системы? Что означает рост устаревшей информации для безопасности индивида и системы? Рост устаревшей информации вероятно ведет к замедленному развитию или стагнации системы. Но фиксируем такую ситуацию мы в том случае, если постоянно берем во внимание то, что система находится во взаимодействии со средой других систем, обладающих новым различием различения, а соответственно более высокой комплексностью и конкурентоспособностью.

Угроза устаревания информации носит относительный характер. Важно постоянно отслеживать среду других систем на предмет того, есть ли эта информация у других или нет. Соответственно система необходимым образом выделяет из своих ресурсов более ценную информацию и именно с ней работает в первую очередь: закрывает или засекречивает ее с одной стороны и ищет ее аналоги в других системах. Система всякий раз отслеживает свою закрытость, но для того, чтобы развивать ориентацию во внешней информационной среде, одновременно вынуждена быть всегда

открытой. На открыто-закрытый характер коммуникативных смысловых систем как на одну из основных их характеристик указывает Н. Луман.

В зависимости от интенсивности вариативности коммуникации (девиации/инновации) автор различает два типа обеспечения безопасности общества: обеспечение безопасности в условиях низкой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние традиционного общества) и обеспечение безопасности в условиях высокой интенсивности вариативности коммуникаций (состояние современного общества). Подобный вариант представления об обеспечении безопасности, в том числе, указывает на два варианта соотношения общего и частного в обеспечении безопасности субъекта (государства, общества, личности).

С ростом виртуализации социального мира информационное пространство все более наполняется угрозами и рисками различного характера. Прежде всего речь идет о киберпространстве. Современную Сеть мы интерпретируем как мощный очаг накопления и ускорения информации.

Но с нарастанием потоков и устареванием информации общество в лице его субъектов продуцирует все новые социальные практики обеспечения собственного самосохранения далеко не только в виртуальной реальности киберпространства, но, прежде всего, в обычной жизни (актуальной социальной реальности). Сегодня человек, организация, государство и другие социальные субъекты формируют новые техники поведения в обеспечении безопасности своих интересов.

Подобное формирование вызвано к жизни ростом временности вещей, составляющих обыденное пространство человека, временности места пребывания, временности в отношениях между людьми, временности существования организации и сотрудничества с организацией и, наконец, временности самой информации, идей, смыслов. Информационная нестабильность современности характеризуется ростом ощущения временности социального мира в жизни субъекта.

Э. Тоффлер отмечает: «Для того чтобы выжить, предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья и профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения» [157, с. 48].

С целью дальнейшего исследования проблемы обеспечения информационной безопасности субъекта, «защищенности его информационной среды», необходимо представлять структуру этой среды. Отметим, что в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации присутствует различение информационной среды относительно интересов субъектов: личности, общества и государства, а также по отдельным сферам деятельности в обществе. В документе фиксируется понятие информационной сферы, которая дополняет понимание информационной среды. Информационная сфера представляет собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений [1].

Мы предлагаем более общее различение информационной среды:

1. информационная среда самого современного общества с его практиками обеспечения безопасности (широкое понятие информационного пространства);
2. киберпространство (узкое, частное понятие информационного пространства) как особая виртуальная среда с его специфическими свойствами.

Наш подход отталкивается от представления о двух типах социальной реальности – «актуальном» и «виртуальном» мире, – которое развивают в своих работах А.В. Говорунов [225], В.И. Игнатьев [248, 250] и др. А.В. Говорунов отмечает, что проблема виртуальной реальности – это проблема

исполненности интенциональных актов. Все различия между миром реальным и миром виртуальным будут укладываться в соотношение актуального и потенциального.

Возможность и действительность обычно совпадают в понятии реальности. Можно сказать, что она существует в двух ипостасях: ее бытие составляет противоречивое единство реальности действительной и реальности возможной. Единство актуального (осуществляемого субъектом) и потенциального (предполагаемого субъектом) составляют социальную реальность, порожденную деятельностью субъектов. Быть действенным, нести действие – значит находиться в актуальном бытии. Быть возможным, способным к действию – обретать потенциальное.

«Виртуальное и реальное взаимосвязаны и взаимно проникают в друг друга. Виртуальность “постигает” мир, а реальное его сохраняет (воспроизводит), либо изменяет. Виртуальное содержит в себе новые ценности, образцы поведения и существует изначально независимо от реального, живет по своим законам. Поскольку виртуальное опосредует реальное, виртуальная реальность, сформировавшись в коллективном сознании, воплощается реально, становясь мощным рычагом контролирующего, упорядочивающего воздействия на ход реальной жизни людей. Виртуальная реальность проявляется в реальном мире посредством символов и является его особым инобытием» [68].

Возможный или виртуальный мир составляет основания социальных изменений порядка. Но пока социальная реальность не будет актуализирована действием, новое не наступит. Если рассматривать социальную систему в качестве информационного образования или как комплекс информационных взаимодействий между социальными субъектами, то дальнейшее развитие социума приводит к «отделению» информационных структур и процессов от породивших их носителей. Таким образом возникает параллельный социальный мир – мир виртуальной социальной реальности. В. И. Игнатъев отмечает, что «...для моделирования

и интерпретации современности уже недостаточно сведения характеристик его базовых элементов к элементам социального действия, заданным М. Вебером, или элементами системы социального действия Т. Парсонса. “Ориентация на другого” сохраняется, но этот “другой” становится принципиально новым: символические (знаковые посредники) посредники из посредников взаимодействия превращаются в субъекты (“другого”), а сам актер становится действующим, существующим (для себя и другого) виртуально, то есть воспринимается как не только возможность, но и как действительная, уже состоявшаяся возможность» [68]. Считаем, что такая ситуация ведет к девальвации традиционных форм социального контроля и самого социального контроля. Вероятно в подобного рода трансформации социального можно усматривать причины лавинообразного роста угроз устойчивости порядка и актуализации проблемы безопасности общества.

Чаще информационными угрозами называют угрозы, исходящие от киберпространства (от виртуального мира). Но повторим: для нас важно понимание того, что само современное общество в условиях роста интенсивности информационных потоков вырабатывает новые социальные практики не только в Сети, но прежде в мире «актуальной реальности», которые можно считать и практиками обеспечения безопасности субъектов. Соответственно, *об обеспечении информационной безопасности можно говорить в широком и узком смысле этого слова:*

– *информационная безопасность в условиях современного общества (актуальной реальности или реального социального порядка);*

– *информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности).*

В первом случае речь идет о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций. Во втором случае – о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному киберпространству. Другими словами, мы говорим о двух типах практик обеспечения информационной безопасности.

Обратим внимание, на то, что *второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого. Первый тип практик обеспечения информационной безопасности – это общие практики безопасности. Второй тип практик назовем сетевыми практиками информационной безопасности.*

В рамках заданного подхода мы предлагаем следующее определение информационной безопасности: *информационная безопасность – это мера устойчивости конституционных оснований субъекта в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Соответственно, обеспечение информационной безопасности составляют социальные практики, содержание которых сводятся: 1. к защите субъектом своей информации и защите от внешней информации; 2. к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.*

Если информация – это событие, меняющее состояние системы (по Н. Луману), то защиту своей информации можно интерпретировать как препятствие (социального, организационного, психологического плана) изменению чужой системы (индивида или социальной системы) с целью предотвращения возможности этой системы нанести ущерб.

Защита от информации является выстраиванием препятствий (социального, организационного, психологического плана) изменению своей структурности или системы в сторону ее деградации или уничтожения. Под вредной информацией можно подразумевать информационный шум, информационную психологическую атаку, манипуляции, дезинформацию.

При соблюдении первого условия информационной безопасности (защиты информации и от информации) вторым является ориентация в информационном пространстве, обеспечивающая «владение информацией». На наш взгляд, актуальность второй составляющей информационной

безопасности растет с увеличением интенсивности информационных потоков и ростом устаревания информации.

Но с дальнейшим усложнением социальной реальности растет невозможность этой ориентации. Представляется, что дилетантизм субъекта является следствием нарастания сложности социального мира. Ситуация «ускользает» и становится «нечеловекообразной». Владение информацией – это владение ситуацией. Если бы оно было полностью возможно для социального субъекта, то первое условие информационной безопасности не играло бы какой-либо значительной роли.

Наконец, остановимся на категории социальной практики, которая является одним из основных инструментов в дальнейшей концептуализации обеспечения информационной безопасности. Греческое слово «практикос» означает деятельный, активный. Соответственно *практика есть деятельность человека или социальная деятельность*. Все, что выступает как деятельность человека, есть практика. Язык, культура и многочисленные ее составляющие – это разновидности практики. Обратим внимание, что часто под практикой понимают материальную практику, то есть такую деятельность, где средством и результатом является материальный предметный мир. Но материальная практика составляет лишь одну из разновидностей практики.

В.А. Канке отмечает, что «для многих направлений западной философии XX в. практика есть деятельность индивида, понимаемого как волевое (прагматизм), рациональное (неопозитивизм) существо, реализующее свою свободу в проекте и выборе (Ж.-П. Сартр)» [400]. Форм практики в соответствии со структурой и многообразием человеческой деятельности достаточно много. Различают практики экономической, политической, социальной, духовной жизни, практика искусства и науки, языковая практика и т. д. Философия рассматривает практику в категориальном плане, с позиций того общего, что присуще всем формам деятельности.

Следом наш подход к пониманию социальных практик лежит через осмысление концептуализации этого понятия структуралистским конструктивизмом П. Будье и теорией структуриации Э. Гидденса. Социальные практики (по определению П. Будье) составляют «способность социальных субъектов проверять свои поведенческие акты на соответствие сложившимся представлениям об окружающей действительности. Эти практики определяют образ мыслей и поведения в соответствии с индикаторами доступного и недоступного, того, что “для нас” и “не для нас”, тем самым заставляя социальных субъектов приспосабливаться к настоящему и будущему» [29].

Такая интерпретация социальных практик делает это понятие основным из методологических инструментов в исследовании обеспечения информационной безопасности социальным субъектом. Вслед за теоретиками социальной практикой мы считаем «как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишенными смысла или же нелогичными» [29].

Э. Гидденс интерпретирует социальные практики как «основу формирования и субъекта, и социального объекта» [48, с. 15–17]. Практики упорядочены в пространстве и во времени, они всегда связаны с определенным контекстом, фоном. Э. Гидденс указывает на еще одну особенность социальной практики: «она не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими. Предметом социальных наук является не опыт индивидуального актора, и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики» [48].

Анализ и концептуализация социальных практик Э. Гидденса отталкивается от социологических теорий социального действия [46]. В этой связи можно обратиться к теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, где были сделаны первые шаги подобного осмысления понятия. В

целом, для нас осмысление социальной практики уходит своими корнями как в историю становления философской категории практики, так и в историю социологической теории социального действия М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертона и др.

Мы разделяем подход к *социальным практикам как совокупности конкретных повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающее устойчивое функционирование социальных институтов и стабильность порядка*. Для нас также важными будут характеристики социальных практик, указанные Г. Гарфинкелем. Социальные практики, по убеждению теоретика, «...1. состоят из бесконечного, непрерывного, контингентного обучения; 2. они осуществляются при помощи рутинных действий и вызываются как события в тех же рутинных действиях, которые они описывают; 3. практики производятся индивидами в тех ситуациях, от знания о которых и от навыков действия в которых (т. е. от компетентности) практики, безусловно, зависят, которые индивиды признают, используют и принимают как данность; 4. индивиды принимают свою компетентность как данность, что само по себе обеспечивает участников знанием об отличительных и специфических характеристиках ситуации и, разумеется, обеспечивает их также ресурсами, проблемами, проектами и пр. [44, с. 9].

Социальные практики определяются социальной средой, но и воздействуют на среду, изменяя их структуры. Современные исследователи используют социальные практики в качестве инструмента, позволяющего концептуализировать разнообразный спектр как локальных, так и глобальных событий жизни общества. Можно сказать, что посредством этого методологического инструмента исследователь частично преодолевает формализацию подходов к типичным, общим процессам и явлениям жизни.

Выводы по первой главе

Итак, в первой главе диссертационного исследования были решены следующие задачи:

1. Проведен анализ существующих подходов к понятию безопасности и информационной безопасности с целью последующей организации необходимого теоретического инструментария исследования. Отдельное внимание уделено содержанию концепции информационного суверенитета государства, с тем, чтобы через ее призму подчеркнуть возрастающую значимость современных практик глобального информационного противоборства, которые будут рассмотрены во второй и третьей главе.

2. Предложен подход к определению безопасности субъекта через анализ категории социального порядка и понятия девиации и их сопоставления.

3. Представлена интерпретация понятия девиации как вариативности коммуникации, определяющей нестабильность социального порядка, и проанализирована роль информации как «различение различения» (Н. Луман) в росте интенсивности коммуникаций.

4. В рамках социально-философского дискурса выявлено ведущее противоречие, актуализирующее информационную природу безопасности субъекта. Автор отмечает, что в основаниях проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), ведущего к нестабильности информационного пространства. Сущность феномена информационной безопасности состоит в разрешении этого противоречия социальным субъектом.

5. Задана проблема противопоставления безопасности интересов «частного» и «общего» в контексте предложенного подхода к безопасности субъекта.

Решение данных задач позволило прояснить взаимосвязь информации и безопасности субъекта, задать теоретико-методологический подход к

обеспечению информационной безопасности субъекта, что, в свою очередь, продиктовало дальнейшую логику исследования: выявление и анализ общих практик информационной безопасности (вторая глава) и концептуализацию сетевого киберпространства с последующим анализом сетевых практик информационной безопасности и вариантом типологизации угроз информационной безопасности в Интернете (третья глава). Решение пятой задачи диссертации получит развитие как во второй, так и в третьей главе. Анализ противопоставления безопасности интересов «частного» и «общего» в контексте предложенной концептуализации подхода к безопасности выведет автора к методологически продуктивным идеям о проблеме приватизации практик безопасности (вторая глава); о глобальной роли киберпространства в обеспечении безопасности общества и возможной методологии соотношения национальной и государственной безопасности (третья глава).

Итак, обеспечение информационной безопасности составляет совокупность социальных практик субъекта в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Практики обеспечения информационной безопасности субъекта (и первый тип, и второй тип социальных практик) сводятся, к содержанию: 1. защиты субъектом своей информации и защиты от внешней информации; 2. к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться. В последующей главе состоится обращение к пониманию и анализу обеспечения информационной безопасности в широком смысле этого слова и выявлению характера общих практик информационной безопасности.

ГЛАВА 2. БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РОСТА ИНТЕНСИВНОСТИ ИНФОРМАЦИИ: ОБЩИЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик

Прежде чем обратиться к анализу особенностей общих практик обеспечения информационной безопасности, рассмотрим в целом состояние социального мира в условиях роста информационных потоков, которое определяет эти особенности.

Ускорение социокультурной эволюции в традициях структурно-функциональной теории мы трактуем как дальнейшее увеличение дифференциации социальной коммуникации. Социальную коммуникацию и социальную информацию мы рассматриваем как форму и содержание системы социального взаимодействия [41, 345]. Все больше расширяется спектр эволюционных механизмов вариации и отбора, доказавших свою пригодность, социально успешных, наследуемых селекций. Это ускоряет социальную эволюцию, поскольку теперь увеличивается возможность выбора на основе более специфических позиций. С точки зрения Н. Лумана, основное свойство современного общества – возросший процесс системной дифференциации как способа взаимодействия со сложностью его внешней среды. Процесс дифференциации можно интерпретировать как «репликацию в пределах системы различия между системой и внешней средой» [103]. Можно сказать, что дифференциация в системе – это способ действия в отношении изменений во внешней среде. Система поддерживает свои границы с внешней средой, иначе бы ее поглотила сложность внешней среды, она бы разрушилась и прекратила свое существование. Процесс дифференциации представляет собой средство повышения сложности

системы, поскольку каждая подсистема может устанавливать с другими подсистемами различные связи. Это, в свою очередь, предусматривает большее внутрисистемное разнообразие для реагирования на разнообразие внешней среды.

Вызываемое дифференциацией большее разнообразие не только вырабатывает более адекватную реакцию на внешнюю среду, оно предусматривает более быструю эволюцию. *Процесс социального ускорения характеризуется 1. увеличением моментов выбора информации или увеличением количества значений (информации); 2. увеличением скорости выбора информации или увеличением скорости социального информационного взаимодействия.* Считаем, что *социальное ускорение является важнейшим фактором, определяющим современные проблемы информационной безопасности.*

«Коммуникативные коды (власть, истина), – пишет А.Ю. Антоновский, анализируя работы Н. Лумана, – и есть те смысловые схематизмы, типы, которые управляют селекциями той одной-единственной возможности, которая в данном контексте (горизонте возможностей) имеет смысл, актуализируется и, в конечном счете, определяет содержание системы, становится ее элементом» [98, с. 230]. Такие коммуникативные коды как власть и истина, право и собственность в истории социума существовали не всегда. На первых этапах социального развития селекцию действий и переживаний определяли конкретные, многообразные ситуативные контексты. Коммуникация возникает и начинает развиваться как система интеракции. Последующая генерализация коммуникативных средств состоит в том, что индивиды начинают выбирать (селекционировать) свои действия, отказываясь связывать их с конкретной ситуацией. С некоторого времени в любой социальной ситуации, в которой бы ни находился действующий, он ориентируется (выбирает свои действия и переживания) на генерализированный (то есть обобщающий) код (например – власть). Из множества возможных действий реализуется лишь одно, имеющее смысл в

данной системе. Социальное действие конструируется «горизонтами», которые выполняют функцию редукции комплексности возможных действий [98, с. 239]. Поскольку всякая интеракция в той или иной степени «ангажирована» специфической функциональной подсистемой со специфическими ролями (наукой, политикой, религией и т. д.), то в результате горизонты асимметризируются – в каждом измерении возникают устойчивые распределения значений (предпочтения, ожидания). С другой стороны, выбор в горизонтах функционально-дифференцированных систем определяется иными смысловыми схематизмами, такими как деньги, власть, истина, право, собственность. *Нарастание дальнейшей дифференциации социальной системы ведет к ускорению коммуникаций внутри системы и за ее пределами.*

Современное общество теперь располагает более адекватными средствами самоописания по сравнению с прошлым. Оно способно уловить, какие изменения вызываются им самим, его структурами, то есть какие последствия можно ожидать в будущем. Н. Луман утверждал, что современность переживает свое будущее в форме риска решений. Теоретик ставил вопрос об экологии как о проблеме самосохранения общества. Под экологией он понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды» [98, с. 127]. Современные экологические проблемы (по Н. Луману) вызваны отсутствием единой, целостной самореференции общества. Функциональная дифференциация общества, следующая за иерархической (по Н. Луману), является временным разрешением проблемы дальнейшей самореференции системы. Причиной тому и другому, на наш взгляд, является рост интенсивности протекания коммуникаций.

С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой стороны, реагировать на возникшие изменения

приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике).

А.Ф. Филиппов, вслед за Н. Луманом, утверждает, что, по существу, «интенсивность коммуникаций по проблемам самосохранения общества обусловлена тем, что предметом обсуждения становится незнание» [311, с. 188]. Подобное утверждение мы бы прокомментировали таким образом: социальное информационное взаимодействие вещей ведет к дальнейшему «различению различения» (новой информации) или наблюдению действительности, что, в свою очередь, способствует разрастанию множества социальной информации для смысловой системы. Элементы значений этого множества в своем многообразии и временности (скорость взаимодействия диктует все новые и новые значения-знаки, отвергающие потенциально или размывающие уже устоявшиеся в обществе значения) все более затрудняют возможности целостности субъекта, возможность автопойезиса и самореференции смысловой системы.

Определение ситуации, типизация взаимодействия, различение и идентификация отдельных социальных практик становятся затруднительными. Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к *легитимности «коммуникации незнания»*. Считаем, что *«легитимность незнания» выражается в появлении нового состояния общества – того состояния, которое актуализирует значимость информации и проблему информационной безопасности.*

В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» – та степень дифференциации (саморазделения) системы, которая уже не поддается адекватной самореференции или наблюдению второго порядка. Один из очерков книги Н. Лумана «Наблюдение современности» называется «Контингенция как подлинная ценность современного общества» (см. 311). Н. Луман определяет контингенцию как «возможность быть по-другому». Во многих европейских языках это понятие означает случайность

и зависимость. Коммуникация незнания для Н. Лумана является отправной точкой для концептуализации риска.

Итак, такие характеристики социальных практик, как *риск и неопределенность*, столь популярные в современной социологической теории (У. Бек, З. Бауман, С. Лэш, Э. Гидденс и др.), мы фиксируем в теории Н. Лумана *как следствие роста скорости и многообразия социальных коммуникаций*.

Если Н. Луман в основаниях ускорения социокультурной эволюции усматривает нарастание процессов дифференциации социальной коммуникации, приводящей к «контингенции», то В.Е. Кемеров, по сути, этот же процесс интерпретирует как развитие, дифференциацию социальной формы деятельности личности [83]. Социальное (сверхчувственное бытие личности – понятие, употребляемое В.Е. Кемеровым) бытие личности выражается в определенных формах деятельности. Поскольку одним из основных рабочих понятий наших концептуализаций является «социальная практика», будет немаловажным остановиться на трактовке ускорения социокультурной эволюции через призму идей В.Е. Кемерова о динамике развития социальной формы деятельности.

Для понимания современных особенностей социальной формы деятельности (схемы деятельности) В.Е. Кемеров обращается к логике ее развития. История развития социальной формы заключается в трансформации отношения человека к формам (схемам) деятельности на различных этапах эволюции общества, к их значению в развитии личности. По нашему мнению, трансформация отношения к схеме деятельности в значительной мере зависит от возрастания частоты передачи значений, ускорением информационного взаимодействия. На ранних этапах развития человечества, характеризующимися низким уровнем частоты информационного взаимодействия, схемы деятельности воспринимаются индивидом как естественный, не подлежащий сомнению закон человеческого общежития. Последовательности схем, предлагаемые человеку его родом,

принимаются им как безусловная данность. На этом этапе развития социума, человек пребывает в состоянии синкретического единства с ближайшим окружением, он практически не обособляет свое сознание, а многообразие связей и вещей еще не становятся предметом его рефлексии.

В то же время, с ростом предметности человеческого бытия, с повышением интенсивности информационного взаимодействия все большее количество предметов и явлений материального и духовного мира оказывается вовлеченным в сферу деятельности человека. Дальнейшее развитие с неизбежностью приводит к необходимости выработки схем, охватывающих общие формы взаимодействия соответственно социальным ролям людей, видам их деятельности, циклически повторяющимся ситуациям.

Здесь мы фиксируем появление еще одной характеристики современной социальной практики (формы деятельности), включающей три аспекта – ее *отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность*. Именно эти особенности социального развития формируют специфику общих практик обеспечения безопасности.

Формы социального обустройства все больше начинают приобретать абстрактный, умозрительный, универсальный характер. Можно отметить, что в области общественной морали на смену почти повсеместному табуированию и жесткой регламентации приходят схемы, содержащие нормы более мягкой степени модальности, например религиозные заповеди. Между «схемами-символами», «схемами-ориентирами» и каждодневной практикой человека начинает увеличиваться разрыв. На этом уровне у индивида возникает проблема личностного выбора, ему уже самостоятельно приходится адаптировать к условиям своего существования имеющиеся схемы деятельности. Немаловажно отметить сопричастность именно отдельного индивида к выработке этих схем, так как процесс этот уже предполагает привнесение в эти схемы личностных интересов и оценочных суждений.

В.Е. Кемеров для наглядности предлагает обратить внимание на аналогию развития социальных форм деятельности и эволюции биологической, подчеркивая многообразие и поступательное развитие поведенческих схем и форм регуляции и саморегуляции. История развития человечества изобилует примерами, когда, не смотря на различие этнических, географических, культурных и национальных условий, отчетливо можно выделить устойчиво повторяющиеся алгоритмы [83, с. 52].

Прежде чем человек отделять начинает себя от тех связей и зависимостей, по логике (формам) которых он действует, проходят тысячелетия. За это время меняются поколения, государства, формации. Возрастание скорости социальных изменений приводит к определенным качественным изменениям в индивидуальном сознании – необходимости разделять себя и свое бытие. Итак, в опыте и культуре человечества произойдут большие изменения, прежде чем *люди начнут смотреть на вещи через призму связей и действий, эти вещи использующих.*

В этих процессах, по-видимому, и стоит усматривать развитие целерационального действия. Форма (схема) переходит от схемы-образа к схеме-знаку (слову). Переход от образных представлений к знаково-символическим выражениям не стоит понимать как замену первого вторым. Образы человеческого сознания, поскольку они включены в совместно-раздельную деятельность людей, по необходимости оказываются знаками, т.е. указателями на сотрудничающих индивидов, на средства, способы и возможные результаты их деятельности. Образ предмета оказывается, кроме прочего, знаком орудия, образ орудия – знаком другого человека, образ другого человека – знаком действия, образ действия – знаком общения и т.д.

Можно, видимо, говорить о первоначальной слитности образа, символа и знака в картинном представлении предмета, о некоторой подчиненности символа и знака образу. С этим в какой-то мере и сопряжено «схватывание» человеком в предмете свойств и качеств, визуально в нем не представленных,

«схватывание» информации, дальнейшее, но более высокое по скорости, увеличение информационного множества личности. Здесь же, вероятно, таятся возможности описания объектов, телесно не оформленных и пространственно не определённых.

Итак, на следующей ступени развития (дифференциации социальной формы деятельности) происходит отделение от конкретных видов деятельности и устойчивых форм общения абстрактных, деиндивидуализированных форм поведения. Такая культивация социальной формы, схемы человеческого поведения, конечно, способствует дроблению картинного восприятия жизни, разделению его на относительно независимые фрагменты и связи. Жесткой проверке подвергает она и схемы-ориентации, схемы-смыслы, «проваливаясь» в их размытость и незавершенность. Но, так или иначе, подобная культивация схем вырабатывает новые элементы социального мышления (мы бы сказали, развитие социального мышления в сторону его инструментальности), подводит личность к новым граням человеческого бытия [83, с. 55]. Это ведет к дальнейшему «саморазделению бытия личности» (Л.П. Карсавин), к прогрессирующему увеличению ее информационного множества.

Все более увеличивается интенсивность социального информационного взаимодействия. Новый уровень проникновения человека в мир вещей или новый виток «саморазделения бытия» (Л.П. Карсавин), «различения различения» (Н. Луман) обусловлен тем, что человек использует теперь не сами вещи, а отдельные полезные свойства вещей, соединяемые в ряды и системы. Другими словами, *человек все более осознанно использует саму информацию как технологизированное знание.*

Логику изменения форм социального (как схем социальной деятельности) В.Е. Кемерова можно дополнить еще такой метафорой из философии имени вещи А.Ф. Лосева [97]: в основе социального информационного взаимодействия как способа существования социального мира лежит имя вещи. Имя вещи – взаимотождество и взаимоотличение

сущего (предмета) и иного (А.Ф. Лосев), с одной стороны, момент самореференции и инореференции самонаблюдающейся системы (Н. Луман) – с другой, составляют свойство, с помощью которого субъект (предмет) заявляет о себе (самореференция) и вступает во взаимодействие с «другим». Имя вещи – некоторая смысловая единица социального информационного взаимодействия, под которым понимается момент самореференции смысловой системы (Н. Луман). Момент самореференции системы составляет момент отличия или самоотличия системы, что предполагает одновременно самоназывание (самореференцию) и название «другого» (инореференцию).

«Имя вещи есть то, через что окружающий её мир общается с нею. Имя вещи – сугубо социально. Оно красноречиво рисует вещь всему ее окружению, рассказывает о ней, делает ее понятной» [97, с. 814]. Другими словами, имя вещи выражает сторону социальной рефлексии, ориентированной на организацию связей и отношений элементов социального целого. Имя лежит в основаниях метафизики социального. По сути, наблюдение его жизни, сопереживание его судьбы и составляет тайну существа социального.

А.Ю. Шеховцев рассматривает «квант информации» как гносеологическое понятие единицы социального информационного взаимодействия [174], мы же предлагаем обратиться к имени вещи А.Ф. Лосева как к онтологическому понятию в осмыслении оснований социального информационного взаимодействия. Если сопоставить имя вещи с представлением об информационном процессе как процессе отношения вещей как множеств информации, то получим утверждение: всякая вещь (представленная для наблюдателя информационным множеством) творит другие вещи и творима ими посредством имени. Имя вещи составляет ее социальность (А.Ф. Лосев). В контексте нашего утверждения о содержании и форме социального информационного взаимодействия имя вещи, в

определенном смысле интерпретируемое как социальная информация, выступает содержанием социального информационного взаимодействия.

Можно сделать вывод о том, что с дальнейшим ростом дифференциации и усложнения взаимодействий конкретно-вещественный образ мира замещается новым образом создаваемой/конструируемой вещи, имя которой *Сеть*. «Приручение человеком своих новых деятельных сил оказывается возможным только при условии их вынесения вовне, в систему обобщенного пространства и абстрактного времени, только за счет их облачения в инструментальную, предметную форму» [83, с. 58].

В условиях современности время способно разделяться на различные темпоральные миры, но одновременно сохраняет себя как единство. То же самое происходит с пространством: оно «создает условие возможности для образования коммуникационной “сетевой ткани”. Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга или располагая параллельно друг другу» [275, с. 56–66].

На наш взгляд, *Сеть* как инструментальная предметная форма деятельности сегодня во многом определяет социальное бытие субъекта, определяет особенности современной практики в условиях информационных потоков, позволяет перейти от пространства (вещей) к последовательным выражениям процессов и их соотношений, к схватыванию «вещей-процессов» более достоверно и эффективно, к потокам. Эта новая предметная форма деятельности позволяет прорабатывать в формах-схемах, по возможности субъекта, большое количество социальных связей и отношений.

Социальная действительность, понимаемая как информационное множество, становится все более трудно постижимой. С дальнейшим увеличением частоты информационного процесса система общества погружается в состояние семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман). В этом контексте уместно обратиться к социально

философским интуициям Ж. Бодрийяра, соотносящего системы социального управления с введенным им в научный оборот понятие гиперреальности. В рамках гиперреальности многообразие быстро меняющихся форм социальной деятельности приобретают черты симуляции. Человек остро переживает неподлинность мира, испытывает значительные затруднения в анализе действительности ввиду появления огромного количества фантомных объектов – симулякров. Являясь строительным материалом, единицей гиперреальности симулякры становятся носителем неподлинного, ложного смысла. На фоне увеличения частоты информационных социальных процессов, массовое сознание формирует самодостаточные, потерявшие связь с трансцендентными образцами симулякры и формирует из них «другую» реальность. Симулякры, по мнению Ж. Бодрийяра, проходят три этапа – копии, функциональные аналоги и, собственно, симулякры, причем каждая последующая ступень все больше теряет связь с реальностью [27].

Наращение информационного потока обуславливает утрату устоявшегося порядка взаимодействия вещей. Время, по Ж. Бодрийяру, теряет свой линейный характер, хаотично сворачивается в петли, являя нам взамен реальных объектов искаженные фантомные копии. Симулякр – знаковая единица искаженной, неполной копии явлений реального мира [27]. В общественном сознании и социальной практике при использовании симулякров перестают функционировать теоретические конструкции и законы, которые еще недавно описывали и формировали правила взаимодействия с объектом (группой объектов) объективной реальности. Причем нужно подчеркнуть, что поскольку копии значительно проще своих онтологических прототипов, упрощаются и гносеологические подходы, представляя сложные социальные конструкции в виде упрощенного набора знаков. Обыденное сознание в силу невозможности переработать огромный массив информации, чаще всего ориентируется на такие упрощенные умозрительные конструкции, предлагающие готовый набор рецептов и правил ориентации в социальной среде. К таким конструкциям можно

отнести общественное мнение, аксиологию общественных ценностей, деньги, моду и многое другое. Причем в рамках обыденного сознания эти конструкции принимаются априори и, как правило, не подвергаются сомнению.

Развитие идей Ж. Бодрийера приводит к мысли о семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман). Объем коммуникаций, превышающий определенную критическую массу, которую способен освоить субъект, превращается в свою антитезу и вместо гармонии и упорядоченности привносит в социальную действительность сумбур и дезориентацию. Человек стремительно утрачивает межличностные связи и ощущение своей причастности к социуму, обретая взамен иллюзию гармоничного существования в условиях симулятивного псевдобытия или гиперреальности.

Проблему семантической гипертрофии коммуникации мы усматриваем также в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.). Осмысление риска как значимого социального фактора в жизни современного общества связано с появлением контингентности (неопределенности), к которой приводит все та же семантическая гипертрофия варьирования коммуникации.

Напрашивается предположение: *эволюция социальной формы деятельности или практики – это рождение, развитие и потенциальное умирание некоторой «рациональной социальности», в основаниях которой лежит увеличение потока информации, представляющей действительность. Умирание «рациональной социальности» (социальности, соответствующей человеку разумному) вызвано ростом «различения различения». В рассматриваемом контексте информационная безопасность составляет первое условие сохранения рациональной социальности субъекта.*

Позволим предположить, что социальная форма деятельности, однажды зародившись, сегодня ускользает для субъекта, тем самым

подвергая его деструкции, поскольку частота социального информационного ускорения становится несоразмерной индивидуальному бытию человека.

Несколько обобщая наши рассуждения, связанные с проблемой социального информационного ускорения, мы находим все новые основания для предположений о ключевой роли роста интенсивности социального информационного взаимодействия в судьбе социальной деятельности, в характере современной социальности и в проблемах информационной безопасности социального субъекта.

Основное противоречие в проблеме социальной формы деятельности В.Е. Кемеров усматривает в несоответствии между общезначимыми образами объекта восприятия (вещи) или intersубъективной формой представления об объекте (вещи) и перспективами его (объекта) углубленного освоения, намечающими нефиксированные тенденции его бытия [256].

М.Н. Эпштейн указывает на основной закон истории – отставание человека от человечества. Возникают диспропорции между развитием человеческой индивидуальности, ограниченной биологическим возрастом, и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не видно предела во времени. С каждым поколением на личность наваливается все более тяжелый груз знаний и впечатлений, которые были накоплены предыдущими веками [183]. Отсюда возникают проблема отчуждения, поставленная XIX веком, и проблема утраты реальности, поставленная веком XX. М.Н. Эпштейн считает, что марксизм, экзистенциализм, постмодернизм решают, в сущности, одну проблему: растущую диспропорцию между человечеством и человеком, видом и индивидом, которая формулируется то как «отчуждение» и «проклятие частной собственности», то как «некоммуникабельность» и «царство абсурда», то как «гибель реального» и «царство симулякров» [183, с. 184].

В.Е. Кемеров озвучивает эту проблему как «установление различия между социальной и общезначимой (intersубъективной) формой

представления объекта» [256]. Здесь интересным образом встает вопрос понятия социального: что это – становление, конструирование формы деятельности или ставшая, уже общезначимой форма деятельности субъекта? Динамика становления социальности сегодня настолько высока, что социальная форма деятельности или практики все более отрицает саму себя как ставшее».

Можно заключить, что рефлексия *социального составляют два момента: это и становление деятельности, ведущее к структурированию* (Э. Гидденс) *социального, и ставшее, общезначимые формы как социальные структуры.*

Теория постмодерна утверждает об исчезновении социальной реальности. Но она исчезает потенциально, всякий раз конструируясь вновь в неожиданных для общества формах. Здесь хотелось бы обратиться к находкам «актуальной социологии» Д.В. Иванова, который вводит представление о различном понимании социальности. Он отмечает, что *различные формы структур выступают в качестве различных форм координации (взаимодействия – прим. автора), и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности.* На фоне абсолютно понимаемой социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей появляются такие феномены как антисоциальность или альтерсоциальность пространства потоков, развивающегося в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству, соответствует типу координации на основе селекции и уже не связана с привычным смыслом интегрированности и нормативности [246, с. 57–58].

Для начала можно сделать вывод, что *социальная практика сегодня характеризуется различными формами социальности – абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков).*

Выражение «люди выходят из себя» сегодня можно понимать отнюдь не в психическом, а в практически-деятельностном смысле (В.Е. Кемеров). Связность повседневного существования людей, их сопряженность с обычной вещественной средой более не являются «натуральной» данностью, исходным условием их жизни, которое предполагалось автоматически. Драма заключается не только в разрушении привычных детерминаций и мотивов в результате мощных социальных сдвигов, но и в том, что люди в своих попытках сохранить или сформировать надежные жизненные установки, развивая и реализуя свои частные интересы, сами расшатывали и преодолевали «твердые» структуры повседневности, устоявшиеся формы обыденного поведения и сознания.

Жизненные позиции перестают быть местами в естественном пространстве актуальной реальности. «Когда мы слышим об утрате здравого смысла, логики простых вещей, надежных и твердых структур повседневного опыта, надо, видимо, учитывать, что эти потери происходят не сами собой, а по ходу изменения людьми их “естественных” установок и жизненных траекторий, изменений особых, поскольку в деятельное освоение личностью структур бытия или в становление сверхчувственного бытия “включаются” процессы, силы, формы, несоразмерные с эталонами обыденного опыта» [256, с. 60].

В.Е. Кемеров утверждает, что когда пишут о гибели или смерти социального, стоит подчеркнуть, что гибнет или скорее отходит на второй план бытия социальность, редуцированная к жестким, внешним по отношению к индивидам установкам, овеществившимся структурам. Гибнет формализованная, институционализированная социальность, на время совпавшая с натуралистически, т.е. «естественным образом», существовавшими установками и схемами здравого смысла [256, с. 60].

Но как возможно понимать неформализованную социальность – ведь «имя вещи» (А.Ф. Лосев) несет общезначимый образ действительности? Редуцированная к определенным структурам социальность изживает свою

инертность и надежность, «пунктируется», частично распадается на элементы. Самое твердое становится самым хрупким. Современность обретает текучий характер (З. Бауман).

Размышление над «метафизикой – динамикой» социальной формы деятельности В.Е. Кемерова рождает некий «образ судьбы» информации как «имени вещи»: от смутного представления вещи для сознания к последующему рождению имени вещи и, далее, к рациональному познанию вещи, которое ведет к метафизике вещи, ввиду ускользания «имени вещи», к возрастанию абстракций сверхчувственного бытия личности, которое ведет, опять же, к смутному представлению об имени вещи ввиду роста семиотической гипертрофии коммуникации, коммуникации незнания (Н. Луман), симуляции социальной реальности (Ж. Бодрийяр), к исчезновению реальности. Однажды явившись сознанию посредством своего имени, вещь потенциально покидает его?

На наш взгляд, в основаниях этого движения в восприятии «имени вещи» как информации лежат различные характеристики интенсивности (частот) информационного процесса в порядке их возрастания, соответствующие абсолютной (институты), относительной (сети), ситуативной и частной (отдельные интеракции) социальности и альтерсоциальности (пространство потоков).

З. Бауман рассуждает о современном обществе: «Общество, вступающее в XXI век, отличается от всех других исторических форм человеческого сосуществования: навязчивая и всепоглощающая, непрерывная и неостановимая модернизация, огромное и всеохватывающее стремление к творческому разрушению (либо, что тоже возможно, к разрушительному творчеству: к “расчистке площадки” для “новых и улучшенных” конструкций; “демонтажу”, “вырезанию”, “отбрасыванию”, “минимизации” во имя больших производительности или конкурентоспособности). Принадлежать “модернити” (так Бауман называет современное общество – прим. автора), – значит быть не в силах

остановиться, не говоря уже о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать «модернити», – значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта» [17, с. 59].

Индивидуализацией мы называем рост обособленности индивида, обусловленный раздельным характером деятельности или дальнейшим развитием дифференциации социальной коммуникации. Растет обособленность жизни человека так как все менее возможным становится общезначимое в обществе.

Скорость нарастания социальных изменений становится «нечеловекомерной», и, соответственно, высокое, рациональное знание современной сложной действительности оказывается все более недоступным для обыденного сознания человека. Сжатие социального времени, ускорение социальных изменений определяют современное общество и проблему становления современной личности. Индивиду необходимо в первую очередь «схватить скорость», успеть набрать нужное количество «знаков-инструментов» и вовремя поменять их для того, чтобы обрести приемлемую конфигурацию («формальную индивидуализацию» – по выражению Баумана), способную к дальнейшим видоизменениям».

Под сжатием социального времени мы понимаем такое состояние сознания, конструирующего социальный мир, и состояние социальной системы, формирующей сознание, когда стоящее далеко во времени (и в прошлом, и в будущем) становится близким. События происходят очень быстро. Субъект вынужден все более рационализировать свое действие. Социальная коммуникация становится функциональной, аналитически просчитываемой, избирательной относительно социальных связей. Индивидуализация становится платой за успех в условиях роста интенсивности коммуникации.

«Все мы являемся сегодня индивидами не в силу выбора, но по необходимости. Мы являемся индивидами *de jure*, независимо от того,

являемся ли мы ими *de facto*: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью, и все это требует от нас самодостаточности, независимо от того, имеем ли мы в своем распоряжении ресурсы, соответствующие этой обязанности. Многие из нас индивидуализированы, не будучи на деле личностями, и еще больше таких, кто страдает от ощущения, что пока не доросли до статуса личности, позволяющего отвечать за последствия индивидуализации. Для большинства из нас индивидуализация сводится к тому, что специалисты сваливают свои противоречия и конфликты к ногам индивида и покидают его с благонамеренным предложением критически судить обо всем этом на основе собственных представлений. Как результат, большинство из нас вынуждено искать «биографическое решение системных противоречий» [17, с. 133].

Обратим внимание, З. Бауман указывает на ту же легитимность контингенции, легитимность незнания, обязывающих субъекта становиться предметом системных противоречий. Именно это состояние ведет к дальнейшему разрыву между сферой частного и сферой общественного.

Формулировка У. Бека «биографическое решение системных противоречий» не раз употребляется З. Бауманом в определении судьбы современной личности. «Быть личностью *de jure* означает, что невозможно винить за собственную жалкую участь никого, кроме самого себя, что причины своих поражений следует искать лишь в собственных праздности и лени, что избавление от проблем требует все более серьезных (собственных) усилий. Концентрируя внимание на собственном развитии и тем самым уводя его в сторону от сферы общественного, где коллективно воспроизводятся противоречия индивидуального существования, люди естественным образом стремятся упростить свое положение» [17, с. 134].

Существует широкая и углубляющаяся пропасть между бедственным положением «личностей *de jure*» и их шансами стать «личностями *de facto*», оказаться в состоянии контролировать свою судьбу и делать тот выбор, который в самом деле по душе. Можно сказать, что сама эта пропасть

появилась и расширилась прежде всего в силу запустения общественного пространства, того самого места, где пересекаются общественное и частное, где частные вопросы переводятся на язык общественных задач и где изыскиваются, обсуждаются и согласуются общественные решения частных проблем. «Общественное» не стремится больше колонизировать «частное». [17, с. 136]

Рост интенсивности коммуникации и «легитимность незнания» играют здесь свою «роковую роль». Связи с «целым», общественные коммуникации хаотизируются, подвергаются девальвации. Теперь частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей. З. Бауман отмечает, что если постоянно повторять, что каждый человек является хозяином своей судьбы, у него будет все меньше и меньше причин считать заслуживающим его внимания все, что сопротивляется полному растворению в его «я» и отличается от того, с чем можно справиться собственными силами. Но ведь именно наличие таких обстоятельств и вытекающих из них действий и служит отличительным знаком гражданина, личности *de facto*. Можно сказать, что «потребность в Неотрицаемом» (Н. Луман) получила в современном обществе «полные права» и признание.

Что же касается власти как легитимности общезначимого, «...то она уплывает с улиц и рыночных площадей, из залов собраний и парламентов, из кабинетов местных и национальных правительств и, не контролируемая гражданами, оказывается в экстерриториальном пространстве электронных сетей. Ее стратегическими принципами становятся удаление, увиливание, разъединение и невидимость» [17, с. 136].

Таким образом, *общественное пространство все более освобождается от общественных функций*. «Оно перестает играть свою прежнюю роль места, где сходятся частные вопросы и общественные задачи, где возникает диалог между ними. Под прессом индивидуализации люди

медленно, но верно лишаются защитной оболочки гражданства и теряют свои гражданские привычки и интересы. В результате перспектива превращения “личности de jure” в “личность de facto”, управляющую ресурсами, необходимыми для подлинного самоопределения, становится все более и более отдаленной» [17, с. 136].

В условиях дальнейшего культивирования «потребности в Неотрицаемом» «личность de jure» не может стать «личностью de facto». Рождение социального становится невозможным, если личность не превращается в гражданина, то есть в личность социальную, симфоническую (Л.П. Карсавин).

Мы бы так прокомментировали эту мысль: *целостность социальной системы требует коллективных достижений, требует личности как самоотдачи, препятствующей ее дальнейшему самоделению, вынужденной индивидуализации, но придающей силы для отстаивания своей целостности.* «Общество всегда вступало в двойственные отношения с автономией личности: оно одновременно было и ее врагом, и ее условием. Но соотношение опасностей и возможностей в этих отношениях, обреченных оставаться двусмысленными, решительным образом изменилось на протяжении истории модернити. Сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения» [17, с. 137]. Эта бессмысленная борьба с обществом за полную автономию составляет онтологическую ошибку современности, ведущую, в том числе, к формированию новых угроз и рисков в условиях информационной нестабильности.

Основное противоречие «второй модернити», пишет З. Бауман, заключается в «зияющей пропасти между правом на самоутверждение и способностью контролировать социальные условия, делающие такое

самоутверждение осуществимым или нереальным» [17, с. 63]. На самом деле: насколько необходимо сегодня самоутверждение для личности, настолько же это невозможно ввиду «ускользающей ситуации». Существование современной социальной системы обусловлено возрастанием социального информационного взаимодействия, которое диктует все новые и новые формы социальной деятельности. Имя вещи, появляясь, не успевает утвердиться как общезначимое, но ускользает вслед за «ускользающей ситуацией» (Э. Тоффлер).

3. Бауман убежден, что если прежняя задача критической теории – освобождение человека и становление личности сегодня еще что-то значит, то оно заключается в соединении двух сторон пропасти, открывшейся между реалиями «личности de jure» и перспективой становления «личности de facto». Необходимо связать то, что разорвано на части сочетанием формальной индивидуализации и ростом отсутствия общезначимого, социального.

Другими словами, задача социальной теории заключается в том, чтобы связать два начала социальной жизни – частное и общественное, разрешить противоречие между ними, спасти естественный баланс между этими двумя основаниями социума. Эту же задачу мы усматриваем в конструировании понятия национальной безопасности: защита баланса интересов личности, общества и государства, интересов частного и общего.

Итак, основополагающей особенностью современных социальных практик является колонизация общественного частным, что также становится серьезным фактором в формировании практик информационной безопасности. Повторим, что «сегодня в меньшей степени, чем врагом, общество является условием, в котором индивиды сильно нуждаются, но которого совсем не видят в тщетной и разворачивающейся борьбе за превращение своего формального статуса в подлинную автономию и реальную возможность для самоутверждения».

М. Кастельс размышляет о биполярной оппозиции между Сетью и «я» как о фундаментальном расколе между «абстрактным, универсальным инструментализмом» и «исторически укорененными партикуляристскими идентичностями». Его утверждения довольно радикальны: «Народы еще живут в конкретных местах. Но поскольку доминирующие функции и власть в наших обществах организованы в пространстве потоков, структурное господство этой логики очень существенно меняет значение и динамику мест. Опыт, будучи связан с местами, отделяется от власти, значение все больше отделяется от знания. В этих условиях структурного, шизофренического раздвоения между функцией и смыслом структуры социальной коммуникации попадают под усиливающееся давление. Доминирующая тенденция направлена к горизонту сетевого, внеисторического пространства потоков, стремящегося навязать свою логику рассеянными сегментированными местам, все слабее связанным друг с другом, все менее и менее способным пользоваться общими культурными кодами» [81, с. 278]. Универсальный абстрактный универсализм, осуществляемый Сетью, разрушает коммуникацию. Коммуникация более не существует даже в форме конфликтной – социальной и политической борьбы. Происходит отчуждение социальных групп. Отчуждаются друг от друга и видят в другом чужака жившие еще вчера в одном обществе люди. М. Кастельс формирует ключевые вопросы для современной эпохи: «Как объединить новые технологии и коллективную память? Почему идет увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетью и “я”?» [81, с. 44].

Считаем, что рост противоречия и увеличение разрыва между сетью и идентичностью является гениальным прозрением теоретика. Развитие этой идеи еще ждет своего будущего. Но уже сейчас становится понятным, что деструкция социального, рост его условности и относительности связаны с развитием сетевого виртуального пространства.

Мы же вслед фиксируем *еще одно фундаментальное свойство современных социальных практик – направленность к «сетевому,*

внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества.

Итак, выше приведены общие характеристики современных социальных практик. Необходимо понимать, что *эти характеристики вырабатываются в обществе индивидом (психической) и социальной системой на предмет адаптации внешней среды, которая обусловлена возрастающей интенсивностью вариативности коммуникации. Эта интенсивность выражена в информационных потоках. Приведенные особенности современности лежат в основании практик обеспечения безопасности, которая заключается в сохранении устойчивости, защите интересов субъектов в условиях роста девиации/инновации или в условиях роста информации.* Об этих практиках безопасности речь пойдет далее.

2.2. Новые социальные мобильности как современные социальные практики обеспечения информационной безопасности

Социальные практики обеспечения информационной безопасности принимают сегодня характер новых социальных мобильностей. Для того чтобы подойти к пониманию такого утверждения, обратимся к идеям Э. Тоффлера, который предлагает объяснять современность через призму понятий ускорения и временности социальной ситуации.

Если информация – это передача значения, сведения, получаемые посредством «различения различения», а процесс социальных изменений – это результат глобальной передачи знака, опосредованный вариативностью коммуникации, ее селекцией и последующей рестабилизацией, то ввиду ускорения социальных процессов и роста дифференциации, качество передачи смысловой единицы становится все более интенсивным или высокочастотным. Считаем, что социальные изменения фиксируются

сознанием, благодаря их определенной частотности, аналогично тому как слух человека способен улавливать звуковые колебания на определенной высоте, глаз воспринимает определенный спектр лучей. Разум человека был в состоянии осмыслить информацию и информационное взаимодействие только на определенном этапе ускорения передачи информации, ускорения социальных изменений. Определенное качество передачи, обусловленное ее скоростью, или качество частоты информационного взаимодействия позволило человеку открыть для себя эту передачу значений как социальную коммуникацию, с одной стороны, и как социальную информацию – с другой.

Ускорение изменений в историческом прошлом не ощущалось ни физически, ни психологически, а тем более, не осмысливалось. Ощущение особого – «Осевого времени» пришло к человеку только в IV веке до н.э. (К. Ясперс). То, как «закручивалась спираль ускорения» социальных изменений, на наш взгляд, образно показано у Э. Тоффлера в его работе «Шок будущего». Тоффлер отмечает, что подавляющее число всех материальных благ, которыми мы пользуемся в повседневной жизни в настоящее время, были придуманы в течение последнего столетия. «Этот 800-й отрезок истории человечества ознаменовал резкий разрыв со всем прошлым опытом человечества, потому что в течение именно этого отрезка отношение человека к ресурсам радикально изменилось» [157, с. 26].

Качественное и главное отличие между последним отрезком жизни человечества и предыдущими (по Тоффлеру) заключается в том, что человек не только увеличил диапазон и силу перемен, он радикально преобразовал их скорость. Современность высвободила абсолютно новую социальную силу – поток перемен настолько ускорил свой ход, что влияет на чувство времени, революционизирует темп повседневной жизни и сказывается на том, как человек ощущает мир вокруг себя.

В ускорении кроется непостоянство (временность), которое проникает в сознание человека и пропитывает его повседневное пространство, радикально влияя на связь с другими людьми, с вещами, со всем миром идей,

искусства и ценностей. *Ускорение и временность, увеличивающаяся степень проходимости предмета* для индивида – те социальные феномены, которые, по убеждению Э. Тоффлера, определяют современный мир. Вслед за теоретиком мы выделяем их как новые качественные характеристики современных социальных практик, актуализирующих понятие мобильности.

Э. Тоффлер показывает, что сама социальная ситуация становится все более временной как для отдельного индивида, так и для структур общества, кардинально изменяется социальный мир. Каждая ситуация имеет идентификационные компоненты: 1. «вещи» – физическое окружение естественных и созданных человеком предметов; 2. определенное место, где разворачивается действие; 3. имеется набор персонажей – людей; 4. ситуации включают расположение в организационной сети общества; 5. контекст идей или информации. Любую ситуацию можно проанализировать в терминах этих пяти компонентов [157].

На наш взгляд, характеристики пяти составляющих (вещи, место, люди, организации и информация) социальной ситуации можно интерпретировать как характеристики социальной практики, которая состоит условно из пяти различных типов коммуникативных актов, длительность которых все более сокращается.

Тот факт, что отношение человека к вещи становится все более быстротечным, хорошо прослеживается на явлениях материальной и духовной культуры, которые окружают человека – появляется принцип «одноразовости вещи». Признавая неизбежность перемен, но не уверенный в том, как они отразятся на жизни, человек не решается вкладывать большие ресурсы в жестко закрепленные предметы, призванные служить неизменным целям. Избегая «привязки» к установленным формам и функциям, он производит изделия для краткосрочного использования или же пытается сделать их легко приспособляемыми. Появление и распространение прокатной системы в современном обществе также утверждают недолговечность вещей в современном мире. Минимум затруднений – то, что

получает за свои деньги пользователь одноразового изделия. Именно это обеспечивает временная структура и модульные компоненты предметов потребления.

Никогда еще в истории расстояние не значило так мало. Э. Тоффлер называет современных людей «расой кочевников». Деятельность человека все чаще связана с многочисленными переездами. Отношения между людьми становятся все более быстротечными и функциональными. Человека можно уподобить точке, отмечает Тоффлер, на которую воздействуют десятки систем и сотни людей. Его способность знать кое-кого из них лучше с необходимостью приводит к тому, что глубина его отношений со многими другими сводится к минимуму. Э. Тоффлер называет современные отношения между людьми отношениями модульного типа [157].

Мир организации претерпевает радикальные изменения. На смену человеку организации приходит человек ассоциации с совершенно иными практиками поведения, суть которых заключается в стремлении к «процветанию в условиях неопределенности и неустойчивости» (Э. Гидденс). Структура организаций становится подвижной. Растет временность существования организации. Жесткие иерархии структур уступают место различным видам сетевых взаимодействий [157].

Приведенные здесь в тексте и многие другие особенности современной жизни, обусловленные нарастанием социальных изменений, определяют новую специфику социальных практик – их новые особенности-техники. Такие особенности-техники мы находим в социальной теории в терминах «скорости и временности социальной ситуации», «степени проходимости социальных ситуаций» (Э. Тоффлер), «отношения ограниченного участия» (Э. Тоффлер, З. Бауман, С. Леш и др.), «дальнодействия и отвлеченности» (В.Е. Кемеров), «объектуализации отношений» или появления «объект-центрированной социальности» (К. Кнорр-Цетина), «сетевые коммуникации и сетевые организационные структуры» (Г. Бехман, К. Кнорр-Цетина, С. Леш и др.), «делокализации социальных действий, их извлечения из конкретного

контекста и свободного перемещения в самых широких пространственно-временных рамках»; «контрфактуальность мышления и калькуляция рисков» (Э. Гидденс), «частично-непрерывное внимание» и «пост-многозадачное поведение, характеризующее стремление индивида быть живым узлом коммуникационной сети» (Л. Стоун).

Дж. Урри отмечает, что «растет значимость мобильных гибридов: устойчивых и все более тесных связей субъектов и объектов – машин, технологий, предметов, текстов, образов, физических средств и т. д.» [163, с. 58].

Считаем, что приведенные «особенности-техники» характерны для «практик новых мобильностей» (Дж. Урри), которые составляют сегодня сетевую и потоковую морфологию социального мира.

Дж. Урри выделяет пять групп новых мобильностей:

«← телесные перемещения людей, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям;

– физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как посылки и получения подарков и сувениров;

– воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации;

– виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния;

– коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон» [164, с. 135–136].

Современное общество состоит из новых мобильностей и дискурсов, которые регулируют их актуальность в различных социальных мирах. Теоретические положения Дж Урри развивают такой нетрадиционный подход.

Скорость становится важнейшей чертой современного общества. «Действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабны, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений. Скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость транзакций» [275, с. 56–66].

Через призму нового понимания значения скорости мы предлагаем рассматривать новые мобильности как общие практики обеспечения информационной безопасности. Выработка в современном социуме новых форм мобильности в определенной степени является реакцией приспособления к росту интенсивности потоков и сетей. Социальный субъект, обеспечивающий информационную безопасность, с одной стороны, осуществляет защиту информации и защиту от информации, с другой стороны, развивает ориентацию во внешней информационной среде, поскольку его ресурсы в условиях подвижности социальной среды должны всякий раз обновляться. Обновление информационных ресурсов субъекта происходит с нарастающей интенсивностью, сообразно нарастанию интенсивности информационных потоков, что, в свою очередь, ведет к росту устаревания информации. Итак, в подобных условиях новые социальные мобильности – это особенности общих практик обеспечения информационной безопасности.

Более подробно рассмотрим описание феномена новых социальных мобильностей. Дж. Урри отмечает, что термин «мобильности» относится к новой социальной науке, в которой движения, «движения потенциальные или заблокированные», настолько же концептуализированы, как экономические, социальные или политические отношения. Он утверждает, что «все социальные отношения необходимо трактовать как включающие различные “соединения” (connections), находящиеся более или менее “на расстоянии”, более или менее быстрые, более или менее интенсивные и более или менее

включающие физические движения. Социальные отношения никогда не бывают прочно зафиксированными или привязанными к месту, но представляют собой в разной степени “циркулирующие сущности” (Latour 1987, 1993, 1999). Многие из таких циркулирующих сущностей переносят рациональность внутрь обществ и между ними, на самые разные расстояния» [164, с. 134].

Под социальной (и географической) мобильностью понимается передвижение в прямом и переносном смысле этого слова. Парадигма мобильностей позволяет трактовать «мир как широкий набор экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, которые заключают, вызывают или ограничивают различные виды движения людей, идей, информации или объектов» [164, с. 134].

Важнейший принцип теории новых мобильностей Дж. Урри заключается в том, что нельзя трактовать природу социальных структур вообще, вне их мобильности, а также вне связи с несоциальными, материальными объектами, которые также находятся в движении. В относительно простом и закрытом традиционном обществе, динамика социальных изменений (вариативности коммуникации) которого невелика, этими факторами можно было пренебречь. Но в современном сложном обществе фактор мобильности становится решающим для определения характера социальных институтов и, в целом, социальных структур.

Сложность и особенность новых мобильностей проявляется в том, что они происходят вне территориально фиксированных обществ и культур, вне конкретного времени и пространства. Если раньше мобильности предполагали иерархизацию социума, которому соответствовали рельефно выраженные векторы горизонтальной и вертикальной мобильности, то теперь возникли сетевые мобильности, существующие вне контекста социальной стратификации. Прежде можно было говорить об определенной структурируемости мобильности. Сегодня

появились неструктурируемые мобильности в виде потоков людей, знаний, денег, рисков, которые практически не контролируются государством.

«Всем обществам приходится иметь дело с расстоянием, но это происходит через различные наборы взаимозависимых процессов, которые включают и различные дискурсы движения» [164, с. 134–135]. Эти процессы основываются на пяти взаимозависимых «мобильностях» (группах мобильностей), которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (ре-формируют) ее контуры.

«Структуры современности (постмодернити) предполагают, что люди могут быть эффективными участниками множества мобильностей. Доступ к ним распределяется неравномерно, но структурирование этого неравенства зависит, в том числе, от экономики производства и потребления объектов, имеющих отношение к данной мобильности, к природе гражданского общества, географическому распределению людей и их деятельности, и особенно от действующих систем мобильности и форм их взаимозависимости» [164, с. 142].

Дж. Урри отмечает, что «"добровольное" движение – это власть, ибо возможность двигаться (или, по своему желанию, оставаться на месте) для индивидов и групп является источником особых преимуществ, концептуально не зависящих от экономических и культурных факторов. Высокий уровень доступа к мобильности зависит от доступа к более мощным системам мобильности. Этот уровень также требует, чтобы передвигающийся не был прикован к относительно скромным по масштабу и значимости мобильности» [164, с. 142].

Мы разделяем утверждение Дж. Урри о том, что доступ к мобильности зависит от доступа к системам мобильности, которые различны по мощности. Отметим: *условием обеспечения информационной безопасности является сегодня доступ к мобильности, который, в свою очередь, зависит от доступа к системе мобильности, различающейся по мощности.* Речь идет о

возможностях доступа к различным информационным базам и поисковым системам, транспортным ресурсам и ресурсам другого характера.

«Исторически большинство обществ характеризовалось одной основной системой мобильности, которая находилась в эволюционирующих и адаптивных отношениях с их экономикой через производство и потребление товаров и услуг, а также привлечение и циркуляцию рабочей силы и потребителей. Такие системы мобильности также находятся в адаптивных и коэволюционирующих отношениях друг с другом, поэтому некоторые из них расширяются и множатся, а у других сокращается масштаб их распространенности и влияния. Такие системы обеспечивают среду, внутри которой каждая система аутопойетически функционирует» [164, с. 141–142].

Эти же процессы, на наш взгляд, происходят в киберпространстве, где, к примеру, отдельные виртуальные сообщества можно также рассматривать как системы мобильностей, обеспечивающие интересы субъектов.

Чем выше уровень виртуализации социальных процессов в обществе, тем шире диапазон имеющихся систем мобильности. С другой стороны, растет и комплексность пересечений между различными системами мобильностей. Доступ к ним становится фактором социального статуса в обществе. «Следствием мобильности является значительное неравенство между местами и людьми в смысле их положения и доступа к данным системам» [164, с. 142].

В исторической перспективе Дж. Урри допускает возможность отмирания самого понятия общества. По его убеждению «в будущем понятие общества будет особенно широко применяться теми могущественными “национальными силами”, которые пытаются усмирять, контролировать и регулировать мощные сети и потоки, пересекающие их проницаемые границы» [163, с. 10]. Отметим, что для него, как и для многих западных аналитиков, важна мысль о том, что с ростом сетей и потоков общество как некая теоретическая конструкция, указывающая на социальную локальность,

территориальность, утрачивает значение. Мы не разделяем подобное утверждение. Локальность или территориальность обществ будет сохраняться так же как и усиливаться сопротивление идентичности «универсальному абстрактному универсализму» глобальных сетей.

Под «национальными силами» мы понимаем современные государства, которые вынуждены «усмирять, контролировать и регулировать». Государство, будучи институтом, обеспечивающим порядок, суверенитет и целостность локальности, выполняет свою извечную функцию – обеспечение безопасности общества. Понятным становится органичность движения государственности в сторону все большего сопротивления универсальности сетевого пространства и росту новых горизонтальных мобильностей, питающих сети и потоки.

Новые мобильности, объединяющие и использующие множество различных технологий и объектов, проблематизируют устойчивость и безопасность общества. По сути, под угрозой находится сама возможность социального управления. В какой-то мере она поставлена под вопрос мобильностями, организованными в сложно структурируемых временных и пространственных координатах.

Подразумевая под мобильностями как географические, так и социальные феномены Дж. Урри обращается в большей мере к горизонтальной мобильности. Он предлагает исследовать пределы, диапазон и разнообразные эффекты физической, виртуальной и воображаемой мобильности людей. Он считает, что социология мобильностей должна развиваться вслед за социологией объектов с тем, чтобы сохранять адекватность в изучении современности. Мы разделяем утверждение теоретика о том, что «различные потоки объектов, проникающие сквозь социетальные границы, и их пересечения с множественными потоками людей чрезвычайно значимы» [163, с. 10].

Считаем, что изучение новых горизонтальных мобильностей, прежде всего, является важным в концептуализации практик обеспечения

информационной безопасности. Субъекту необходимо сохранять адекватность внешнему миру информационной нестабильности сетей и потоков. Усвоение знаний и навыков новых мобильностей составляет центральное звено в выработке практик безопасности.

Современные государства, преследуя цели обеспечения безопасности своих обществ, сталкиваются с нивелирующей и разрушающей силой информационных сетей и потоков. «Потоки действуют опустошающе на существующие общества, в частности, за счет избыточного количества возникших “социаций”, ставящих своей целью отражать, оспаривать, уклоняться, предлагать альтернативы или отстаивать различные потоки, часто выходящие за пределы социетального “региона”. Как следствие, внутри каждого существующего “общества” устанавливается сложный, смещенный, дизъюнктивный порядок, порядок рассредоточенности, порожденный постоянным комбинированием и рекомбинированием множественных потоков во времени и пространстве, зачастую без всякой связи с регионами существующих обществ, но лишь следующий некоей гипертекстуальной схеме. Описанные конфигурации ослабляют способность социетально сплачивать своих граждан, принимать политические решения от имени общества в целом, обеспечивать национальной идентичностью и озвучивать единогласное мнение национального государства» [163, с. 58–59].

Потоки и сети (глобальные метасети) способны подчинять большие группы людей. Сегодня все чаще человек связывает свою профессиональную деятельность, образование, досуг, пользование услугами с социальными сетями и сетевыми организационными структурами. Растет не только разрыв между идентичностью и Сетью, устойчивостью порядка и информационными потоками, но и образуется разрыв между традиционной управленческой деятельностью с ее иерархичностью практик и сетевым принципом организации социальных проектов.

С одной стороны, территориальные, локализованные структуры организаций начинают подвергаться серьезным реконструкциям, с другой – они становятся частично или полностью дисфункциональными.

И.А. Василенко указывает, что «отдельные виды политической деятельности не исчезают, а исчезает их прежнее структурное значение в поле социального, политического управления, оно переходит в новую логику информационного сетевого пространства» [35].

В отечественной и зарубежной литературе авторы отмечают, что политическое управление в условиях информационного общества уже не является монополией института государства и политических партий (М. Кастельс, С. Лэш, У. Бек, Дж. Урри, В.Л. Иноземцев, Д.В. Иванов, И.А. Василенко и др.). Власть распространяется по глобальным сетям богатства, информации и имиджей, которые циркулируют и видоизменяются, не привязанные к какому-либо одному географическому месту. Новая власть осуществляет «свои полномочия» в информационных кодах и в представительских имиджах. Механизмы формирования ее легитимности обретают совершенно новый, непонятный для общества характер. Но на основе этих механизмов общество организует свои институты, а люди выстраивают свои действия. Современное социальное пространство начинает формироваться по новым правилам и принципам политической игры, которые диктует специфика информационных, сетевых технологий.

Драматизм современности кроется еще и в том, что «... наше политическое зрение так привыкло к сакраментальным политическим организациям – к трем ветвям политической власти, к государственным структурам, к ярким знаменам и лозунгам политических партий, что мы испытываем вполне понятное чувство растерянности перед виртуальными формами политической борьбы, перед натиском информационной агрессии, перед стремительно расширяющимся миром символов» [35, с. 15]. Сравнительно недавно российское общество приступило к решению серьезнейшей задачи – построению основных демократических институтов.

Мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны в России начинают развиваться и набирать силу институты политической демократии, с другой стороны, они перестают играть главную роль в жизни общества еще не сформировавшись. Политическая жизнь общества, гражданские дискуссии перемещаются в социальные сети. Еще не успев состояться и окрепнуть, часто они становятся заложниками сетевого информационного противоборства внешних политических сил, погружаются в контент симуляций «черного занавеса» (В. Пелевин).

«Информационное общество демонстрирует противоречивую тенденцию: чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не институтам и социальным нормам, а самим действующим лицам и их имиджам, разворачивающимся в сетевом пространстве, причем на виртуальной политической сцене» [35, с. 15].

Зададимся вопросом: каким образом в условиях развития сетевых коммуникаций Интернета, в условиях виртуализации социального пространства возможно культивировать и формировать социальные ценности правового сознания, которое включает в себя и антикоррупционную составляющую, и гражданскую позицию? Как возможна культивация информационного права? Возможно ли это в обществе, где все сложнее традиционным механизмам управления соперничать с возможностями субъектов, опирающихся на ресурсы глобальных информационных сетей? Конечно, подобный спектр вопросов нельзя трактовать как непосредственные угрозы для данного общества. Но понимание одной из важнейших проблем современности, связанной с ростом сетей и потоков, с ростом практик мобильности необходимо.

На наш взгляд, важно, чтобы новые практики мобильности, позволяющие процветать в условиях хаоса и неопределенности, начали осмысливаться и использоваться как практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях всепоглощающей глобализации.

Сетевые практики сами по себе являются сегодня первыми из практик обеспечения интересов субъекта, соответственно, практиками обеспечения безопасности. Представление об организации практик мобильностей частично раскрывается Дж. Урри через понятия каналов, туннелей и потоков.

Если сети следует рассматривать в качестве динамичных открытых структур, способных осуществлять коммуникацию с новыми узлами и эволюционировать, то *каналы* понимаются как сети машин, технологий, организаций, текстов и акторов. Такие сети-каналы образуют различные взаимосвязанные узлы, по которым идут *потоки*. Каналы, по убеждению Дж. Урри, трансформируют измерения пространства и времени. Теоретик указывает на «шесть видов каналов:

- транспортировка людей воздушным, морским путем, по железным дорогам, автомагистралям и иным путям;
- транспортировка объектов через почтовые и другие системы;
- проволочные и коаксиальные кабели;
- микроволновые каналы, используемые сотовыми телефонами;
- радио- и телевизионные спутники;
- оптоволоконный кабель для телефонии, телевидения и компьютеров»

[163, с. 56].

С появлением того или иного канала индивиды и организационные структуры, как правило, предпринимают попытки подключиться к ним посредством превращения самих себя в узлы соответствующей сети.

Также для нас важно замечание Дж. Урри о том, что «в противоположность неравенства покоя создаются новые неравенства потоков, приобретающие форму “*туннелей*”» [163, с. 57]. Современные телекоммуникационные и транспортные структуры сворачивают время и пространство. Каналы, игнорируя одни пространства, соединяют другие плотными в информационном и транспортном отношении «туннелями». По своим скоростным характеристикам потоки неравны относительно друг друга. Соответственно, различные возможности субъектов, задействованных

в разных потоках, определяют, в том числе, их ресурсы в обеспечении информационной безопасности.

«Некоторые каналы функционируют на глобальном уровне. В этот процесс вовлечены основные международные организации. В отличие от структурированных каналов, *потоки* состоят из людей, образов, информации, денег и отходов, которые движутся внутри, а главное, поверх национальных границ. Причем отдельные общества зачастую неспособны или не желают контролировать их ни прямо, ни косвенно. Потоки создают новые неравенства “доступа – отсутствия доступа”, которые не фиксируются в юрисдикциях отдельных государств» [163, с. 57].

Отметим, что сети, каналы, потоки создают для социальных субъектов как новые возможности, так и новые риски и угрозы, требующие актуализации практик информационной безопасности.

Работа с информацией, знанием в современном обществе становится не выбором, а необходимостью. В условиях такой необходимости, как уже отмечалось, социальные субъекты для реализации и защиты своих интересов задают иные формы отношения с миром.

К. Кнорр-Цетина считает, что «распространение экспертных контекстов и культур знания в обществе является возможным фактором роста объект-центрированной социальности. Повсеместное присутствие таких культур, как “личности эксперта”, “объектов, обладающих свойствами объектов знания”, подразумевают перегруппировку социальных отношений вокруг объектов знания. Объект-центрированная реальность – это социальная форма, которая представляет собой оборотную сторону современного опыта индивидуализации. Объект-центрированная среда определяет идентичность так же, как ранее ее определяли сообщество и семья» [258].

На наш взгляд, такая среда все в большей мере определяет интересы социального субъекта является гарантом реализации его интересов, их безопасности. Суть процесса «объектуализации» заключается в том, что объекты замещают людей как партнеров по взаимодействию и все в большей

мере опосредуют человеческие отношения, делая последние зависимыми от них. Это другая культура жизни, представленная «постсоциальными отношениями». Такой вектор восприятия мира является совершенно иным по сравнению с традиционной социальной рефлексией, но является достаточно продуктивным в нашей концептуализации практик обеспечения информационной безопасности.

Под объектами следует понимать предметы исследовательской деятельности и инструменты этой деятельности. Объектцентрированные отношения характеризуются переплетением социального в его привычном значении с «другими культурами». Такой другой культурой является знание и экспертиза. Идея объекта, релевантная для понимания отношений со знанием, информацией, экспертизой, резко контрастирует с понятием инструмента, товара и повседневной вещи. Характер нынешних изменений связан с «объектуализацией», т.е. возрастающей ориентацией на объекты как источник самости, «реляционной интимности», разделяемой субъективности и социальной интеграции [258].

Усиление роли экспертных систем выражается не только в широком присутствии технологических и информационных продуктов знания. Оно предполагает существование связанных со знанием структур и форм включенности. Включенность в общество становится иной. Она предполагает наличие у субъекта культуры знания.

Новое состояние общества К. Кнорр-Цетина называет обществом знания и отмечает, что это не просто общество с большим количеством экспертов, технологических и информационных инфраструктур и интерпретаций специалистов, а не участников, скорее, это общество, где культуры знания органически вплетены в ткань общества, как и целый ряд процессов, практик отношений, обслуживающих знание [258, с. 109].

Идея объектуализации предполагает, что общество переживает переход форм социальной связи от социальной и нормативной интеграции к объектам как партнерам по отношениям или компонентам включающей среды. Такое

понимание вовсе не отрицает того факта, что определенные формы связи с объектами и посредством их существовали всегда. К. Кнорр Цетина утверждает, что именно эти формы отношений – отношение к объектам как к партнерам – становятся преобладающими в «постсоциальных обществах знания».

Исследование, экспертиза, аналитика, любая работа с информацией предполагает сегодня работу с компьютером, взаимодействие с информационно-коммуникативной системой. Коммуникация становится удаленной, принимает сетевой характер.

Для нас примечательно, что К. Кнорр-Цетина указывает на фактор возрастания рисков, который, в том числе, управляет процессами объектуализации. *«Объекты могут рассматриваться как своего рода средства преодоления рисков и неудач, заключенных в человеческих отношениях.* В частности, поскольку многие объекты повседневной жизни превращаются в высокотехнологичные приспособления, некоторые из свойств, демонстрируемых объектами в экспертных контекстах, могут привноситься в повседневную жизнь, превращая инструмент или товар в повседневную эпистемическую вещь» [258, с. 121], обеспечивающую безопасность реализации интереса. В такой ситуации некоторые из тех требований, которые компьютеры и компьютерные программы предъявляют к своим пользователям, и некоторые из возможностей, которые они предоставляют, могут быть интерпретированы как инструменты, обеспечивающие укорененность нового микропорядка жизни индивида, условия его «онтологической безопасности».

Е.А. Лавренчук отмечает, что в отличие от инструментов, эпистемические объекты не позволяют их понять с позиции «от замысла». Такой объект, по определению К. Кнорр-Цетины, всегда «не равен самому себе», он приобретает новые свойства и изменяет те, которые имел прежде. Объекты участвуют в формировании эмоциональных миров вовлеченных в них людей, перестраивают их коллективные договоренности и изменяют

моральный порядок. Речь идет о таких взаимоотношениях с объектом, «которым свойственна постоянно воспроизводящаяся незавершенность» [86, с. 298].

Работа субъекта с информацией, обеспечиваемая такой вещью облакает саму вещь в различные смыслы, актуальные для субъекта. «Постоянная незавершенность взаимоотношений» понимается нами не как способность к виртуализации, поскольку объектуализация как форма отношений является по определению виртуальной коммуникацией. На наш взгляд, речь идет о некоторой «гипертекстуальности» отношений (метафора гипертекста понимается здесь как информационная незавершенность).

Телекоммуникационные сети, производство видео и аудио систем, микроэлектроника, основанные на нанотехнологиях, многие другие сферы экономик развитых стран, неизбежно объединяют свое информационное содержание с материальной поддержкой продукта. Е.А. Лавренчук отмечает, что «пролиферация (как наращивание новой здоровой ткани) включения сложных автоматизированных устройств в общественные отношения породила ситуацию *техносоциальной коэволюции*, тип разрастания которой напоминает в значительной степени разрастание коммуникации. Только если коммуникация в принятом смысле реализуется через интерсубъективность (Ю. Хабермас), то коммуникативная, по сути, техносоциальная коэволюция – через интеробъективность (Б. Латур)» [361].

В целом происходит усложнение и последующее осетевление (возникновение сети отношений) взаимодействия человека с автоматизированными устройствами.

С позиции обеспечения безопасности в сложном информационном пространстве можно рассматривать анализ современности Э. Гидденса [425]. Для него динамика развития современности состоит из трех процессов: разделение пространства и времени, действие «высвобождающих механизмов» абстрактных систем и институциональная рефлексивность.

Разделение пространства и времени составляет важное условие для делокализации социальных действий. Социальное действие сегодня все чаще извлекается из локального контекста и свободно перемещается в самых широких пространственно-временных рамках. Подобный процесс предполагает существование измерений, не опосредованных конкретным местом существования социального действия, – «пустых» измерений. Если в досовременных, традиционных обществах время и пространство были связаны между собой благодаря ситуационности (Э. Гидденс интерпретирует такую ситуационность как укорененность рутинной социальной практики в местном контексте действия), то свойственное современности «опустошение» пространства и времени делает возможной все возрастающую по своим масштабам координацию социальной деятельности, субъекты которой не вступают друг с другом в физический контакт [425, p.15]. Эти же процессы делокализации социальной ситуации описывает в «Текучей современности» З. Бауман. Сложно не согласиться с тем, что подобные особенности социальной практики прежде всего способствуют адаптации и процветанию субъектов в условиях неустойчивости и неопределенности.

Происходит делокализация социальных отношений, которая более не ограничена пространственно-временными интервалами. Социальные институты «высвобождаются» из их непосредственных социальных обстоятельств, которые становятся все более сложными, непрогнозируемыми, рискогенными и «ненужными». Делокализация институтов, в свою очередь, служит «ключевым элементом того громадного ускорения пространственно-временного дистанцирования, которое привносит модерн» [425, p.18].

Делокализация действий и институтов происходит с помощью «высвобождающих механизмов» абстрактных систем, которые включают в себя экспертное знание и «символические знаки». «Символические знаки» являются средствами социального обмена, обладают стандартной ценностью

и взаимозаменяемостью в любом наборе социальных контекстов (образцом таких символических знаков являются деньги) [425].

Экспертное знание не исчерпывается суммой наличных научно-технических сведений, оно охватывает всю практику социальных решений и самые интимные аспекты личностного «я». Оно содержит совокупность стандартов современной социальной жизни во всех ее проявлениях. Абстрактные системы (или высвобождающие механизмы) заключают в скобки пространство и время, лишают повседневную практику ее традиционного (местного, локального, совершающегося здесь и теперь) содержания и тем самым развивают тенденции глобализации в современном обществе.

Обратим внимание, что абстрактные системы Э. Гидденс называет высвобождающими механизмами. От чего они освобождают? Они освобождают субъекта от локального, повседневного взаимодействия с миром, предельно рационализируя коммуникацию. Все это происходит в условиях дальнейшего роста вариативности коммуникаций и погружения социальной жизни в состояние неустойчивости и информационного хаоса.

Третий фактор динамизма современности (по Э. Гидденсу) составляет ее *институциональная рефлексивность*. Сегодня инновационность или активное продуцирование новых социальных проектов и практик связаны с конструирующим характером социального знания и социальных наук. Рефлексивность современности выражается в «упорядоченном использовании знания об обстоятельствах социальной жизни в качестве составного элемента ее организации и изменения» [425, р. 20]. Коммуникация незнания, «легитимность незнания» (Н. Луман) являются результатами постоянной ревизии наличного знания о мире. Одним из важнейших экзистенциальных параметров «высокой современности» Э. Гидденс называет «радикальное сомнение».

«Развитие науки и техники не только повышает уровень природного и социального риска, но и ограничивает возможности его прогнозирования и

однозначной оценки. Постоянное вторжение научного знания в те самые социальные и природные обстоятельства, которое это знание описывает, превращает действительность в набор «контекстуальностей», а социальное бытие личности – в постоянную ситуацию выбора» [425]. Об этом же отмечает Н. Луман, когда указывает на контингенцию как подлинную ценность современности, к которой приводит дальнейшее «различение различения», производимое социальной системой.

С нарастанием варьирования ситуации/коммуникации неизбежным становится крайняя нестабильность ситуаций и эксцентричность их последствий, что объясняет центральную роль *контрфактуальности мышления и калькуляций риска как важнейших элементов в обеспечении информационной безопасности субъекта*. Э. Гидденс отмечает, что если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывается из набора последовательно смещающих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными «метками» (типа инициации), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего «я» как конституирующие элементы самоидентичности в меняющемся, «контрфактуальном» социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными и абстрактные системы, которые предлагают постоянно расширяющийся набор педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций, заменяющих однозначную определенность традиции и повседневности.

Возрастание социального и природного риска – по сравнению с традиционными обществами – имеет не столько количественное, сколько качественное измерение. Дело не в том, что жизнь человека стала более рискованным предприятием, чем существование его предшественников, а в том, что сегодня «и для дилетанта, и для эксперта постоянным и непреложным опытом становится мышление в терминах риска» [425, p.125].

Э. Гидденс отмечает, что в ситуации, где максимально просчитан завтрашний день, нет места понятиям рока, судьбы или фатума. Будущее утрачивает атрибут роковой непредсказуемости и становится территорией «контрфактуальных возможностей» [425, р. 111]. Климат риска парадоксальным образом связан с открытостью будущего. Под открытостью мы подразумеваем возможность осмысления будущих событий подвластных управлению и контролю.

На наш взгляд, делокализация социального действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска – те особенности современных социальных практик, которые лежат в основании обеспечения безопасности субъекта в условиях информационной нестабильности мира.

Казалось бы, непредсказуемость событий последних десятилетий (распад государств, оранжевые революции, Украина, Крым и др.) подвергает сомнению значимость калькуляции риска и выстраивания контрфактуальных сценариев социального развития. С другой стороны, для современной цивилизации единственным средством выживания остается Разум, основанный на общечеловеческих ценностях.

Итак, мы продолжаем выявлять и анализировать существенные аспекты общих практик обеспечения информационной безопасности. В работе они рассматриваются как «новые социальные мобильности» (Дж. Урри). Отдельно нами были проанализированы такие характерные особенности «новых мобильностей», как объектуализация отношений (появление «объект-центрированной социальности») (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс).

2.3. Темпоральные характеристики социальной практики как критерий обеспечения информационной безопасности

А.В. Назарчук отмечает, что «возрастающим в коммуникационном обществе возможностям мобильности пространства противостоит стабильность времени. Границы времени гораздо более жесткие и более бесспорные, чем границы пространства. Коммуникационное общество – общество, пытающееся жесткость времени преодолеть мобильностью пространства, элиминировать равенство в доступе и распределении ресурса времени путем управления дифференцированными «темпами» жизни. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного» [275].

Высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и разнообразии взаимодействия акторов, является решающей характеристикой в успехе обеспечения информационной безопасности. Значение скорости действия, скорости принятия решений или, в целом, высокий уровень интенсивности коммуникации сложно переоценить в ведении информационного противостояния, где действие на опережение часто является решающим в победе. «Скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию. В современном обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость транзакций» [275]. Физическое движение становится транспортным или обретает спортивные и оздоровительные форматы. Между тем, «скорость сетевых процессов такова, что даже недолгого замешательства и

тайм-аута, необходимого для освоения правил сетевых игр, достаточно, чтобы все потерять» [234].

В условиях роста интенсивности информационных потоков человек, организация, другие социальные субъекты формируют новые практики поведения, направленные на обеспечение безопасности своих интересов. Еще в 70-е годы XX века Э. Тоффлер отмечал: «Для того чтобы выжить, предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, нация, общность, семья и профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения» [157, с. 48]. Важнейшим аспектом новых социальных мобильностей как практик обеспечения безопасности для субъекта является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Субъекты действия обладают различными возможностями в обеспечении безопасности практик информационной среды.

Обратимся к анализу социальных практик относительно их темпоральных характеристик. Для этого рассмотрим различные возможности субъекта, в частности личности, особенности его социальных практик относительно характеристик интенсивности социального информационного взаимодействия.

Прежде отметим, что социальные информационные практики распространены по-разному в различных зонах современного мира. *Неоднородность распространения практик различной рефлексивности и информационной насыщенности обусловлена разным уровнем девиации/инновации (расположенностью к нарушению нормы) или вариативностью коммуникации.* В целом современная карта и мирового, и российского социума состоит из различных зон информационной и рефлексивной насыщенности. Проблема социального информационного «пограничья», в том числе, выражается в информационном неравенстве и

является одной из основных причин настоящих и будущих конфликтов. Для нас информационное неравенство является следствием соседства субъектов-носителей различных темпоральных миров.

Как уже отмечалось, усложнение современной жизни, обусловленное нарастанием информационных потоков, определяет появление новых особенностей социальных практик в обществе. Особенности этих практик различны для разных типов человека. Нельзя сказать, что в жизни человека значимость «мобильных гибридов» (устойчивых связей субъектов и объектов – машин, технологий, предметов, текстов, образов, физических средств), – одинаково растет.

Темпоральные характеристики социальной практики имеют, на наш взгляд, прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности. Чем выше скорость разрешения той или иной операции, чем выше скорость адекватной реакции на изменения (новую информацию), тем выше защищенность самой практики (осуществляющей ее структуры, отдельного индивида) – защищенность ее информации (тезауруса) и защищенность от воздействия внешней, деструктурирующей информации.

Э. Тоффлер отмечает, что в современном обществе ускорение социальных изменений достигло такого уровня, при котором его уже нельзя при каком угодно большом воображении считать «нормальным». Люди, ускоряя темпы перемен, порывают с прошлым. Мы отказываемся от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Социальный мир обретает иные, совершенно незнакомые и часто неприемлемые для многих формы [157, с. 48].

В рамках информационной парадигмы А.Ю. Шеховцев трактует человека как «малую флуктуацию» информационного процесса и предлагает понимание личности как некоторый, определенным образом организованный объем пространства, узел сгущения энергии и информации [174, с. 26]. Соглашаясь с этим подходом, мы рассматриваем социального субъекта, в

частности личность, в качестве информационной структуры, представленной несовершенным единством несовершенного информационного множества. Информационное множество пребывает в составе мирового информационного множества в качестве элемента последнего только при условии единства или целостности элементов его составляющих. Его же мы можем представить в виде информационного процесса как наличия перехода от единства к множественности путем дифференциации и обособленности действия. Имея знание как изначально некоторую целостность, единство внутренней информации, вступая во взаимодействие с миром, личность или социальная система актуализирует ту или иную свою внутреннюю информацию, реализуя ее в действии, и тем заявляет о себе; одновременно субъект воспринимает окружающую действительность посредством внешней информации, усваивая и адаптируя действительность, тем самым постоянно усваивая новую и новую информацию, отбирая ее и включая в состав своей внутренней информации или информационного множества. Личность всякий раз собирает себя во едино, являясь несовершенным единством. В условиях информационных потоков, подвергая себя «различению различения», она всегда остается несовершенным информационным множеством.

Представление о подобном механизме взаимодействия с внешним миром мы находим и в структурно-функциональных социологических теориях, где субъектом является и социальная система, структурируемая коммуникацией.

Ниже рассмотрим состояния субъекта (в частности, личности) относительно различных характеристик интенсивности социального информационного взаимодействия. Тем самым мы попытаемся организовать некоторое *различение возможностей субъекта в обеспечении информационной безопасности, выявив еще один важный аспект практик информационной безопасности.*

В традициях русской философской мысли еще В.Н. Муравьев указывал на различные возможности людей в «овладении временем». Он отмечал, что изменение отношений вещей составляет всегда изменение времени [113]. Социальное ускорение, выраженное в росте интенсивности информационных потоков и изменение социального времени имеют явную взаимозависимость. Философ считает, что утверждение себя и укрепление своей деятельности как существование объединяющего центра (самореализация личности) и есть создаваемое сознанием преодоление внешнего времени или овладение временем.

Отметим, что В.Н. Муравьев выделяет внутреннее время и внешнее, то есть процесс внутреннего изменения вещей в индивидуально-личностном пространстве и процесс внешнего, объективного изменения вещей. Если трактовать учение В.Н. Муравьева «о преодолении времени» в рамках информационной парадигмы, то «преодоление» внешнего времени можно интерпретировать как его предвосхищение, то есть выход сознания на более высокий уровень интенсивности социального информационного взаимодействия.

Если «в меньшей степени сознательные системы принудительно участвуют во времени, увлекаются безудержно его потоком, ...то более сознательные существа (для нас – это личность или определенная социальная система, способные утверждать себя в более высоких частотах информационного взаимодействия – прим. автора) хотя в известной мере подвластны времени, но вместе с тем обладают способностью делать его (время), влиять на социальные изменения» [113, с. 153]. Можно заключить о том, что «более сознательное существо» – это существо, претендующее на более высокую интенсивность восприятия и обработки информации, соответственно, на более высокую интенсивность изменений.

Сущность мысли заключается в функции расширения в данном месте субъектности, которая всегда соответствует собирательному действию определенного множества моментов бытия (информации). Сила действия

зависит от объема множества информации, а затем от степени коллективного в нем согласия (целостности моментов бытия личности, степени интеграции элементов системы). Действие психических и социальных систем (Н. Луман) или «сознательного существа» измеряется свойствами действующего множества – его мощностью (в смысле количества) и степенью его «внутренней соборности» (В.Н. Муравьев).

В.Н. Муравьев определяет сознательную систему (личность) как наличие перехода от единства к множественности путем дифференциации и обособленности действия. Личность рассматривается как некоторое множество значений – как единое, подверженное множественности: «единое, чтобы быть, должно быть многим. Вместе с тем каждый частный центр или сознательная система повторяет в себе эту изначальную способность мира быть многими вещами. Каждая сознательная система есть частный и особый фокус мирового действия, в котором мир как будто возвращается к первоначальной и самой глубокой естественной способности своей – способности самоумножения и творчества. Извне это ощущается как мощь этого центра, изнутри как его свобода или разносторонность» [113, с. 150]. Считаем, что философ изложил один из фундаментальных аспектов характеристики социального субъекта, пребывающего в мировом информационном пространстве (множестве) или же в условиях информационной нестабильности общества.

В.Н. Муравьев рассуждает о степени сознательности как критерии для субъективности действия, который определяет деятеля. Если действие существа бессознательно – существо это исчезает как субъект, сливается с поглощающим его большим субъектом (миром как субъектом мировой причинности). В таком случае несознательное существо есть просто орудие, механический канал, через который изливается чужое действие мирового целого. Философ пишет о возможности построения лестницы (иерархии) актов и, соответственно, *лестницы субъектов действия*, обладающих разными возможностями в овладении временем. «Отличие этих субъектов

есть всегда различие множеств информации, составляющих такого рода субъектов. Субъект действия есть всегда выразитель и представитель множества, горизонт же его сознания есть горизонт этого множества» [113, с. 151]. Другими словами, уместно говорить о степени состоятельности субъекта действия, о степени дальнего действия (В.Е. Кемеров). Личность охватывает то, что стоит вне ее и, превращая чуждые вещи в свой придаток, делает их частью самой себя. Внешняя информация становится достоянием сознания. Разум служит орудием этого превращения, рисуя заранее проект такого синтеза и предсказывая его пути. В.Н. Муравьев делает выводы, гениально предвосхищая и предсказывая будущее разрешение проблемы индивидуализации современной личности: «с одной стороны, степень особенности (индивидуализации) зависит от степени разумности или сознательности как показателя дифференциации системы; с другой стороны, та же сознательность интегрирует разобщенные действия индивидов и постольку объединяет их. Отсюда, самый глубокий смысл индивидуализации – это восхождение через максимальное обособление к максимальному единению всех вещей» [113, с. 152].

Итак, степень сознательности как показатель дифференциации системы определяет возможности пребывать во времени и влиять на время. Значительно позже, во второй половине XX в. Э. Тоффлер, рассуждая о проблемах социального ускорения, описывает три типа людей: человека будущего, человека настоящего и человека прошлого. Описывая эти типы, теоретик вводит понятие «проходимости» вещей, мест, людей, организаций и информации. Эти составляющие характеризуют «канал» человеческого опыта. Интенсивность «проходимости» через канал опыта различна у этих трех типов людей.

Э. Тоффлер утверждает, что жители Земли разделены не только по расовому, религиозному или идеологическому признаку. Их отношение к течению времени как потоку социальных изменений определяют разность их жизни. «... 70% жителей Земли живут во многих отношениях так же, как

жили их предки столетия тому назад (занятие сельским хозяйством). Это люди прошлого. Более 25% населения Земли живут в промышленно развитых странах. Они живут современной жизнью. Они продукт первой половины XX в., сформированные механизацией и массовым образованием, воспитанные на оставшихся в памяти воспоминаниях о сельскохозяйственном прошлом своей страны. Они – люди настоящего. Оставшиеся 2–3% населения планеты сосредоточены в главных центрах техно- и культурных перемен. Эти первопроходцы сегодня живут так, как другие будут жить завтра. Что отличает их? Они богаче, лучше образованы, более мобильны, чем большинство. Но что особенно отличает людей будущего – это то, что они попали в новый, ускоренный темп жизни. Они «живут быстрее», чем люди вокруг них» [157, с. 50–51].

Теоретик интерпретирует феномен временности как скорости оборота разных отношений в жизни индивида. Каждый из людей может быть охарактеризован в терминах относительно низкой или высокой интенсивности коммуникации с миром. Люди прошлого и настоящего ведут жизнь с относительно «низкой временностью» – их отношения с миром имеют тенденцию длиться долго. Другими словами, эти индивиды представлены «сознательными системами», которых характеризуют относительно небольшие информационные множества. Интенсивность «различения различения» их невысока.

Люди будущего живут в условиях высокой интенсивности «различения различения» или интенсивности взаимодействия с миром. Их «пропускная способность» отношений чрезвычайно ускорена. В контексте теории овладения временем такие индивиды составляют мощные информационные множества. Именно они призваны задавать тренды социального времени, влиять на будущее социума. В их жизни вещи, места, отношения с людьми, идеи и организационные структуры – все «расходуется» быстрее.

Если «скорость оборота различных отношений» рассматривать с позиции информационного социального взаимодействия, то она в

некотором смысле оборачивается все той же интенсивностью коммуникаций или скоростью информационного взаимодействия различных множеств информации «сознательных систем», которая характеризует силу той или иной «сознательной системы», ее информационного множества. Следовательно, можно отметить, что различение личности по силе ее множественности (в смысле множества информации), определение *лестницы субъектов действия* (В.Н. Муравьев) и различение человека прошлого, человека настоящего и человека будущего по степени интенсивности коммуникации являются взаимодополняемыми и близкими.

3. Бауман предлагает различение людей на «человека пространства» и «человека времени». Он отмечает, что «претензии в отношении будущего едва ли могут предъявляться теми, кто не контролирует свое настоящее, а именно такого контроля безнадежно лишено большинство обитателей глобализирующегося мира» [17, с. 44].

Большинство людей составляют тип человека пространства. Они лишены контроля за настоящим потому, что наиболее важные факторы, определяющие их жизнь, не находятся в их распоряжении. «Эти люди ничего, или почти ничего не могут сделать ни в одиночку, ни группой, чтобы вернуть эти факторы в сферу своего влияния. Территории, заселенные этими обездоленными людьми, напоминают собой аэродромы, на которые садятся и с которых взлетают воздушные суда глобального флота, причем делают это в соответствии с их собственными загадочным расписанием и маршрутами. Именно с этим странным воздушным движением связаны надежды людей на выживание. Ставка здесь делается не просто на выживание, а на сам образ жизни и даже образ мыслей об этой жизни» [17, с. 46].

Если раньше пространство было значимым, то сегодня эта значимость утрачивается. В традиционном, досовременном мире «близкое» имело преимущества перед «отдаленным». Происходящие из окрестных местностей товары и новости преобладали над теми, что прибывали издалека. Территориальность сообщества обуславливалась возможностями

мобильности (скоростью передвижения). Это определялось имеющимися средствами транспорта и связи.

Сегодня значение пространства как препятствия коммуникации изживает себя: «...физическое, некибернетическое пространство, где имеют место не виртуальные связи, превращается всего лишь в площадку для доставки, поглощения и переработки информации, которая по своей природе экстерриториальна и киберпространственна» [17, с. 47].

Входным билетом в новую глобальную элиту является «готовность к жизни среди хаоса» и способность «процветать в условиях неустроенности», умение «позиционировать себя в переплетении возможностей, а не оставаться парализованным одной пожизненной специальностью» [17, с. 46]. Именно этими возможностями обладает человек времени. Для него пространство утратило ценность, поскольку он живет исключительно во времени.

Для большинства же людей, которых можно причислять к типу человека пространства или человека прошлого и настоящего «ускорение социальных изменений достигло такого уровня, при котором его уже нельзя при каком угодно большом воображении считать “нормальным”. Люди, ускоряя темпы перемен, порывают с прошлым. Мы отказываемся от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Социальный мир обретает иные, совершенно незнакомые и часто неприемлемые для многих формы» [157, с. 48].

Между теми, кто стоит на разных ступенях глобальной пирамиды власти, время и пространство распределены по-разному. Исключительно во времени живут сегодня те, кто обладает ресурсами власти. Остальное большинство, не обладающее властными ресурсами, обитают в пространстве. В лучшем случае последние не ведают об этом разделении. «Для первых пространство не имеет значения. При этом вторые из всех сил борются за то, чтобы сделать его значимым» [17, с. 51]. Человек времени или тот, кто

может свободно передвигаться становится «мобильным хозяином исчезающего порядка» (З. Бауман).

Итак, «обладание подвижностью», жизнь и деятельность во времени и игнорирование пространства – вот рецепты безопасности и успеха в условиях потоковой информационной среды.

«Человек пространства» и «человек времени», вслед за темпоральной типологией Э. Тоффлера, являются метафорой, направленной на различение субъекта в условиях глобальных информационных потоков, где степень интенсивности передачи информации или «различения различения» составляет критерий дифференциации современного субъекта (личности) и, соответственно, его возможностей в обеспечении информационной безопасности.

Скорость становится фундаментальной чертой современного общества. Именно действия без движения, производимые с помощью коммуникации, оказываются более масштабными, чем те, которые можно осуществить с помощью физических перемещений и встреч. Скорости процессов оказываются завязаны не на движения, а на информационные потоки, на инструментальную коммуникацию. Чем больше скорость жизни, тем менее люди движутся. Происходит трансформация самого понятия скорости, которое указывает уже не на скорость движения, а на скорость решений, скорость транзакций. Подобного рода утверждения в разных интерпретациях мы фиксируем пожалуй у всех теоретиков современности.

А.В. Назарчук отмечает, что скорости становятся решающим показателем в определении результатов движения. Современность делится на тех, кто впереди и кто позади, кто успевает и кто опаздывает. Такова новая формула вычисления «имущих» и «неимущих»: кто успевает, имеет все, кто не успевает, у того отнимается последнее. «В обществе потоков и движений расстояние не воспринимается само по себе, а определяется лишь в соизмерении со скоростью стремящихся к цели. Скорости связывают места друг с другом, но они же их и удаляют друг от друга. Растущие скорости не

только смыкают пространства, но и размыкают (курсив автора). Глобализация пространств касается мест, которые желаемы, посещаемы, известны. Но она ничего не говорит о географических местах современного общества, которые не важны, не известны, не посещаемы. Это не обязательно “образцы нищеты” в районе Сахары, достаточно вспомнить о “брошенных деревнях” в странах третьего мира, о потоке мигрантов в города и страны. Пространства способны расщепляться и разграничиваться. И это в эпоху глобализации проявляется еще более значительно, чем прежде» [275].

Для процветания в условиях неустойчивости и неопределенности, в условиях нарастания информационных потоков и роста устаревания информации субъекту необходима адекватная реакция на высокую интенсивность коммуникации. Субъекты действия обладают различными возможностями в обеспечении безопасности практик информационной среды. Темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению информационной безопасности. «Процветание в условиях неустойчивости, неопределенности», в условиях «ускользающей ситуации» требует «овладение временем». В обеспечении информационной безопасности важно «не исчезнуть» для самой ситуации. Люди прошлого, «человек пространства» «принудительно участвуют во времени». Люди будущего (Э. Тоффлер), «человек времени» (З. Бауман) как сознательные системы (В.Н. Муравьев) двигаясь «в ногу со временем», предвосхищая ситуации, находятся в большей безопасности по сравнению с другими.

2.4. Социальные практики и структуры обеспечения информационной безопасности

Для дальнейшей концептуализации феномена социальных практик обеспечения информационной безопасности обратимся к возможностям теории структуризации Э. Гидденса. Для нас функциональность понятий

«социальная практика» и «социальная структура» заключается в их посреднической роли между понятием *коммуникации* (или шире – социальным информационным взаимодействием) как *социальной практикой и структурой как некоторой локальной упорядоченностью нормированных практик*. Подразумевается, что практика – действие, наполняется и структурируется коммуникацией/информацией. Термин указывает на то, что различные социальные деятельности «растягиваются» в широком пространственно-временном диапазоне. Социальные практики считаются источником, основой образования и субъекта, и объекта. В подобном аспекте теория структуриации близка теории социальных систем Н. Лумана, где процессность коммуникации исключает дуальность субъекта/объекта.

Можно утверждать, что *обеспечение информационной безопасности общества в целом и безопасности отдельных социальных субъектов реализуется социальными практиками и социальными структурами*. С другой стороны, свою информационную безопасность субъект обеспечивает как в условиях актуальной реальности (не виртуальной), так и в условиях потоков и сетей киберпространства (виртуальной реальности). Рост интенсивности социального взаимодействия формирует в целом такие общие особенности социальных практик как рефлексивность и информационную насыщенность. Современные социальные практики для защиты информации и для защиты от информации в условиях интенсивности и устаревания коммуникации/информации выработали свои особенности-техники обеспечения безопасности. На эти особенности современных практик мы уже указывали ранее (с. 113–114).

Как уже отмечалось в параграфе 2.3., важным аспектом практик обеспечения безопасности является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и

устаревания информации. *Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену как приватизация безопасности.*

Растет количество частных структур обеспечения безопасности. Считаем, что приватизация безопасности обусловлена развитием частного интереса. Вслед военным историком Мартином ван Кревельдом И.М. Попов отмечает, что «в конце XX века в “игру” вступили новые “актеры” – политические и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и наркокартели. Вооруженные конфликты уже представляли собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия. Новые участники “военного театра” – негосударственные организации имеют одно общее – они или подменяют собой государственные структуры, или пытаются уйти из-под контроля государства. По мере ослабления института государства, негосударственные структуры набирают все больше и больше сил и авторитета» [408].

Сегодня в мире значительную группу негосударственных силовых организаций составляют частные охранные структуры. В США в этом бизнесе в середине 90-х годов было занято 1,6 млн человек (столько же, сколько было в регулярных вооруженных силах США на тот период) [408]. И.М. Попов заключает, что «западные авторы единодушны в своих оценках: вооруженные конфликты современности отличаются крайней жестокостью и непримиримостью сторон. Они ведутся долго и безрезультативно, втягивая в свою орбиту многих участников, не только вооруженные силы и силы по поддержанию порядка, но и гражданское население. Как правило, корни этих конфликтов глубоко скрыты в истории и культуре воюющих сторон, что часто делает невозможным решение этих конфликтов традиционными путями» [408].

Мери Калдор выделяет появление целого ряда новых «военных субъектов» в конце XX века: разлагающиеся остатки государственных

вооруженных сил, полувоенные формирования (обычно финансируемые правительством), части самообороны, наемники и международные контингенты войск. В одной из своих работ автор утверждает: «Типичным новым феноменом сегодня являются вооруженные сети негосударственных и государственных игроков. К ним относятся: полувоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера; военные бароны, контролирующие определенные районы; террористические ячейки, фанатики-добровольцы подобные моджахетдинам; организованные криминальные группы, части регулярных вооруженных сил и других силовых ведомств, а также наемники и частные военные (охранные) компании» [430].

Растет многообразие и аморфность участников военных действий. Как следствие, «новые войны» очень трудно вести и крайне трудно завершить. Они распространяются посредством беженцев и перемещенных лиц, криминальных сетей и вируса экстремизма, который они же распространяют. В «новых войнах» нет четких побед или поражений. Политически и экономически противоборствующие стороны существуют благодаря постоянному насилию. Войны подтачивают механизм государства, подрывают остатки производственной базы, разрушают систему внутригосударственной безопасности и поощряют разгул преступности. В целом ряде регионов планеты, где насилие глубоко укоренилось в обществе и сознании людей, создана целая культура насилия [408].

Понятие «приватизация безопасности» развивает А.Ю. Полтораков. Он отмечает, что соответствующее «право на применение насилия» (традиционная прерогатива национального государства) присваивают себе уже не только национальные государства или объединения (НАТО и пр.) или их официальные представители («голубые каски» ООН и пр.), но разные неофициальные и неправительственные группы, движения и организации. Государства, «объединяя всех тех, кто использует насилие в своих целях, с “террористами”, во многих случаях не только становятся неспособными

адекватно “отразить” сам феномен приватизированного насилия, но и получают удобный повод для расправы с политическими противниками, которые также применяют насилие для достижения своих политических целей. Приобрел достаточно завершённый вид такой феномен, как “частные армии”» [283, с. 19].

Высокими темпами развивается «негосударственный сектор безопасности». Исследователь подметил, что «косвенным проявлением этой тенденции в “экономической культуре” стало обновление подходов бизнеса к вопросам безопасности» [283, с. 20]. Опираясь на исследования бизнес-обозрения компании Pricewaterhouse Coopers (согласно которому более 42% бизнеса сейчас рассматривает расходы на безопасность как стратегическую инициативу), А.Ю. Полтораков указывает: «вместо того чтобы реагировать на атаки и вторжения, компании хотят заранее быть активными в развертывании систем защиты с целью предотвращения возможных неприятностей в будущем. Это, в свою очередь, отразилось на «качестве» экономической разведки, которая стала откровенно доминировать над политической» [283, с. 20].

На наш взгляд, *приватизация безопасности* выражается в росте многообразия частных структур обеспечения безопасности и является *особенностью современных практик и структур обеспечения информационной безопасности или общей практикой обеспечения информационной безопасности. Мобильность практик обеспечения безопасности и приватизация безопасности связаны тесным образом.*

Приведенные особенности практик информационной безопасности характеризуют сегодня прежде всего информационное противоборство – «борьбу в информационной сфере, которая предполагает комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру противоборствующей стороны с одной стороны, с одновременной защитой собственной информации, информационных систем и информационной инфраструктуры от подобного

воздействия. Конечной целью информационного противоборства является завоевание и удержание информационного превосходства над противоборствующей стороной» [134, с. 41]. Также мы разделяем определение информационного противоборства А.В. Манойло, который отмечает, что «информационное противоборство является соперничеством социальных систем в информационно-психологической сфере по поводу влияния на те или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а другие их утрачивают» [105]. Второе определение, на наш взгляд, очерчивает внешний социальный контур рассматриваемой практики.

В.С. Пирумов отмечает, что «человечество втянулось в новое измерение противоборства, выигрыш в котором достигается внедрением таких ложных представлений об окружающем мире, которые позволяют в дальнейшем манипулировать не только отдельными людьми и группами людей, но и населением целых стран, а также их правящими элитами. Сегодня в любых конфликтах в число сфер ведения противоборства, помимо земли, моря, воздуха и космоса, необходимо включать информационное пространство – четвертое измерение противостояния – где само пространство является и полем боя, и грозным оружием, с помощью которого ведется борьба за целенаправленное изменение индивидуального и общественного сознания, а также физического состояния участников» [134].

Информационное пространство практически стало частью пространства конфликтов, театром военных действий, где каждая из противоборствующих сторон стремится получить и как можно дольше удерживать преимущество, а в случае необходимости – разгромить противника. «Становится очевидным, что сторона, не понимающая или недооценивающая указанное обстоятельство, обречена оказаться на обочине “столбовой дороги” цивилизационного развития» [134, с. 14].

Многие аналитики считают, что информационное противоборство является сегодня ведущим средством в разрешении геополитических коллизий. Так, А.В. Манойло указывает на «цели, которые осуществляют государства посредством информационного противоборства:

- обеспечение геополитической и информационно-психологической безопасности государства;
- достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений;
- обеспечение достижения целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии;
- обеспечение благоприятных условий для перехода собственной национальной системы социально-политических отношений на новый, более высокоразвитый и высокотехнологичный этап эволюционного развития;
- трансформация структуры национальных экономического, политического, социально-культурного, информационно-психологического пространств в соответствии с собственными принципами формирования информационной картины мира» [105].

Информационное противоборство анализируется авторами посредством таких понятий как информационная война, информационная борьба и борьба с информационной преступностью, которые трактуются как формы противоборства. Также выделяют два вида информационного противоборства: информационно-техническое и информационно-психологическое. В социальных практиках информационно-технического противоборства главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы (системы связи, телекоммуникационные системы, системы передачи данных, радиоэлектронные средства, системы защиты информации и т. д.). При информационно-психологическом противоборстве основными объектами воздействия и защиты являются сознание политической элиты и населения

противостоящих сторон; системы формирования общественного сознания и мнения, принятия решений.

Различают три уровня практик информационного противоборства: стратегический, оперативный и тактический уровни. Практики стратегического уровня осуществляют высшие органы государственной власти. Спецслужбы и крупный национальный капитал реализуют практики обеспечения информационной безопасности на оперативном и тактическом уровнях.

С.Н. Гриняев, анализируя взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства указывает, что «ключевым понятием для них является классификация стратегического противоборства на первое и второе поколение. Стратегическое информационное противоборство первого поколения рассматривается наряду с традиционными средствами противоборства (ядерными, химическими, биологическими и др.). Оно ориентировано на дезорганизацию деятельности систем управления и проводится скорее как обеспечение действий традиционных сил и средств. Отмечают, что такое восприятие информационного противоборства свойственно начальному этапу осмысления проблемы. Стратегическое противоборство первого поколения определено как «один из нескольких компонентов будущего стратегического противоборства, применяемый совместно с другими инструментами достижения цели» [393]. Таким образом, понятие «стратегическое информационное противоборство первого поколения» составило собой основные методы информационной войны. США реализуют эти методы на государственном и военном уровнях.

«Стратегическое информационное противоборство второго поколения» (2nd Generation Strategic Information Warfare) определено как принципиально новый тип стратегического противоборства, вызванный к жизни информационной революцией и вводящий в круг возможных сфер противоборства информационное пространство и ряд других областей общества (прежде всего экономическую область). Отмечают, что развитие и

совершенствование подходов к ведению стратегического информационного противоборства второго поколения в перспективе может привести к полному отказу от использования военной силы, поскольку скоординированные информационные акции могут позволить обойтись без этой крайней меры. Подчеркивают, что если последствия стратегического противоборства первого поколения еще могут быть прогнозируемы с использованием существующих методик, то второе поколение противоборства на текущий момент весьма трудно формализуемо, и существующие методики прогноза могут быть применены к анализу последствий весьма условно» [393].

Принципиально меняются задачи информационного противоборства второго поколения по сравнению с первым. Второе поколение противоборства предполагает уже «не сколько военные и силовые методы борьбы, сколько медийные-гуманитарные:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;
- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
- инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;

- затруднение принятия органами управления важных решений;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;
- нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах» [393].

Сложно не согласиться с И.В. Соколовой, которая рассматривает информатизацию общества как ведущее средство в обеспечении информационной безопасности. Под информатизацией понимается три взаимосвязанных процесса: компьютеризация, медиатизация и интеллектуализация общества. Для нас важно замечание И.В. Соколовой о том, что «залогом успешного информационного ресурса общества являются не только техническая оснащенность и развитость информационной инфраструктуры общества, но и социальные средства активизации, воспроизводства и развития информационного ресурса – так называемые когнитивные структуры и институты общества. Это институты семьи, образования, а также структуры формирования и развития социального интеллекта в целом, социальной памяти и общественного мнения, а также научных и других творческих школ, течений и т.д.» [151].

И.В. Соколова отмечает, что «...в процессе разработки государством информационной стратегии в создании информационной среды должно учитываться диалектическое единство средств информатики и системы социальной информации. Создание единой и целостной системы социальной информации в России остается острейшей технической и теоретико-методологической задачей. Функции этой структуры состоят в следующем:

- раскрытие адекватных социальных связей и взаимодействий в обществе с помощью информации, получаемой со всех «этажей» социального организма;
- объединение всех информационных потоков в единое целое и отражение различных процессов и явлений в обществе;

– накапливание информации о тенденциях и направлениях в развитии мировой экономики, международной политики, науки и техники, о возможности международного сотрудничества в различных сферах, а также обмена идеями и информацией между странами;

– выполнение прямой и обратной связи (по вертикали) между управляемой и управляющей подсистемами, а также организация информационного взаимодействия (по горизонтали) между социальными системами, между ними и окружающей средой, между всеми членами социума;

– обеспечение в необходимой мере засекречивания и защиты социальной информации, касающейся национальной безопасности и других целей государства;

– обеспечение обработки первичной информации в соответствии с потребностями потребителя;

– создание базы для формирования социальной памяти» [151].

Итак, среди общих практик в обеспечении информационной безопасности мы выделяем:

1. практики информационного противоборства, представленные двумя поколениями;

2. информатизацию общества; и, в том числе,

3. политику государства по информатизации общества, обеспечению информационной безопасности страны и независимости информационной инфраструктуры.

Важно отметить, что развитие информационной инфраструктуры общества обеспечивает «инфраструктуру мобильностей» социальных субъектов. Развитая информационная индустрия, а также когнитивные структуры и институты общества, обеспечивающие активизацию, воспроизводство и развитие информационного ресурса, рассматриваются нами как социальные структуры в обеспечении информационной безопасности субъектов.

Наконец, *важнейшим видом практик обеспечения информационной безопасности является само формирование и дальнейшее развитие информационного права на всех уровнях обеспечения безопасности*: безопасности личности, организации, региона, государства и безопасности международной. В.П. Шерстюк отмечает, что «в области обеспечения международной информационной безопасности наиболее актуальным является развитие существующих норм международного права безопасности и международного гуманитарного права в направлении создания эффективной системы предупреждения и пресечения возможных агрессивных действий, осуществляемых информационно коммуникативными технологиями. Новые правовые механизмы должны содействовать сохранению того позитивного потенциала, который уже накоплен в международном праве, а также его использованию для противодействия новым угрозам информационной безопасности» [316].

В целом представление о структурах (отчасти и институтах) обеспечения информационной безопасности сегодня носит системный характер. Основные сегменты этих структур, их нормативный и правовой характер развиваются такой отраслью знания, как информационное право³.

В рамках института информационного права информационная безопасность понимается как процесс обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации, где конфиденциальность – обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям, целостность – обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки; доступность – обеспечение доступа к информации и связанным с ней активам авторизованных пользователей по мере необходимости.

В обеспечении информационной безопасности государства выделяют следующие составляющие: законодательная, нормативно-правовая и научная

---

³ В России проблемы правового обеспечения жизнедеятельности информационного общества сегодня активно ставятся и анализируются авторами журнала «Информационное право».

база; структура и задачи органов (подразделений), обеспечивающих безопасность информационных технологий; организационно-технические и режимные меры и методы (политика информационной безопасности); программно-технические способы и средства обеспечения информационной безопасности.

Целью реализации информационной безопасности какого-либо объекта является построение системы обеспечения информационной безопасности данного объекта. Для этого нормативными актами государства прописан ряд функций, реализация которых предполагает существование также соответствующих структур по выявлению требований защиты информации, специфических для данного объекта защиты.

В Российской Федерации к нормативно-правовым актам в области информационной безопасности относятся акты федерального законодательства:

- международные договоры Российской Федерации;
- Конституция Российской Федерации;
- законы федерального уровня (включая Федеральные конституционные законы, кодексы);
- Указы Президента Российской Федерации;
- Постановления Правительства Российской Федерации;
- нормативные правовые акты федеральных министерств и ведомств;
- нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и т. д.

Также выделяют нормативно-методические документы: 1) методические документы государственных органов России (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; руководящие документы ФСТЭК Гостехкомиссии России; приказы ФСБ); 2) стандарты информационной безопасности (международные стандарты; государственные стандарты Российской Федерации; рекомендации по стандартизации; методические указания).

В зависимости от приложения деятельности в области защиты информации (в рамках государственных органов власти или коммерческих организаций) сама деятельность организуется специальными государственными органами (подразделениями) либо отделами (службами) предприятия.

Государственными органами Российской Федерации, которые контролируют деятельность в области защиты информации, являются Совет Безопасности Российской Федерации, Комитет Государственной думы по безопасности, Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России), Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России), Служба внешней разведки Российской Федерации (СВР России), Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России), Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Службами, организующими защиту информации на уровне предприятия, являются служба экономической безопасности, служба безопасности персонала (режимный отдел), кадровая служба, служба информационной безопасности

В рамках политики обеспечения информационной безопасности отдельно рассматривают такие направления защиты информационной системы, как защита объектов информационной системы; защита процессов, процедур и программ обработки информации; защита каналов связи (акустические, инфракрасные, проводные, радиоканалы и др.); подавление побочных электромагнитных излучений; управление системой защиты.

Политика информационной безопасности оформляется в виде документированных требований на конкретную информационную систему. Документы обычно разделяют по уровням описания (детализации) процесса защиты. Документы верхнего уровня обеспечения информационной безопасности отражают позицию организации по отношению к деятельности

в области защиты информации, её стремление соответствовать государственным, международным требованиям и стандартам в этой области. К среднему уровню относят документы, касающиеся отдельных аспектов информационной безопасности. Это требования на создание и эксплуатацию средств защиты информации, осуществление информационных и бизнес-процессов организации по конкретному направлению защиты информации. Например: безопасности данных, безопасности коммуникаций, использования средств криптографической защиты, контентная фильтрация и т. п. Подобные документы обычно издаются в виде внутренних технических и организационных политик (стандартов) организации. Все документы среднего уровня политики информационной безопасности конфиденциальны. В политику информационной безопасности нижнего уровня входят регламенты работ, руководства по администрированию, инструкции по эксплуатации отдельных сервисов информационной безопасности [9].

Итак, российское государство как основной институт (структура) обеспечения безопасности общества разрабатывает информационную политику, основные направления которой первоначально были заложены в Доктрине информационной безопасности от 2000 г. [1]. Эта политика направлена на поддержание и формирование социальных структур информационной безопасности: это и различного рода системы, институты, защищающие и развивающие информационную сферу общества; это и институты информационного права, управленческие государственные структуры, законодательные структуры, государственные спецслужбы, их деятельность в области информационной политики и обеспечения информационной безопасности и др.

В целом информационное право является сегодня, на наш взгляд, наиболее разработанной сферой знания в области обеспечения информационной безопасности. Именно в рамках этой дисциплины впервые были поставлены вопросы:

«Почему обеспечение информационной безопасности выходит на первое место в системе национальной безопасности?»

Какие жизненно важные интересы существуют в информационной сфере для личности, общества и государства?

В чем состоят основные методологические проблемы в определении национальных интересов в информационной сфере?

По каким принципам должна обеспечиваться информационная безопасность?

Каковы основные задачи государства по обеспечению информационной безопасности?

Каковы основные функции государственной системы обеспечения информационной безопасности?

Какие можно выделить объекты права в сфере информационной безопасности?

Что понимается под информацией с ограниченным доступом и какова ее структура?

Каковы основные признаки информации с ограниченным доступом и что понимается под государственной тайной как объектом права?» [20].

К структурам обеспечения информационной безопасности можно отнести различные организации по производству экспертного знания. Сегодня это не только научные и образовательные учреждения. Речь идет о беспрецедентном росте аналитических структур (фабрик мысли) различного уровня, занимающихся анализом и прогнозированием экономических и социальных процессов (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр и др.). Сюда же можно отнести институционализацию мониторинга общественного мнения.

Отдельно необходимо остановиться на таких организациях современности, как «фабрики мысли» (Think Tanks). Фабриками мысли или «мозговыми центрами» принято называть публичные институты, осуществляющие консультирование по государственным и корпоративным контрактам, как правило, в области политического производства и оценки

возможных социально-экономических последствий политических решений. Интеллектуальная продукция этих организаций – прикладная политическая экспертиза, исследования и аналитика, а также фундаментальные теоретические труды. Как правило, ее отличает стратегическое целеполагание, основанное на определенных представлениях о желаемых социально-экономических и политических результатах. Это позволяет политикам и обществу принимать решения на основании предоставленной этими институтами информации. В этом отличие продукции «фабрик мысли» от собственно академических исследований.

Термин Think Tank возник в годы Второй мировой войны и использовался для обозначения американских и британских государственных военно-аналитических организаций. После войны значение термина существенно расширилось – им стали называть различные экспертно-аналитические структуры. В США сегодня «мозговой центр» скорее негосударственная организация, чем государственная. Хотя в разных странах статус аналитических структур может сильно различаться [385].

В.А. Филиппов подобные структуры называет аналитическими центрами. «Они осуществляют оперативное и стратегическое исследование острых политических, экономических и социальных проблем и общественных запросов, изучение мирового опыта в разрешении обозначенных проблем, проведение исследований и экспертиз, консультации по различным проблемам для граждан, бизнеса и власти. Аналитические центры вырабатывают политические и социальные стратегии, основанные на передовом опыте специалистов в той или иной сфере общественных отношений; предлагают новые идеи и альтернативные решения; разрабатывают прогнозы, проекты законов и других нормативных актов; производят интеллектуальный продукт, который оказывает влияние как на широкую публику, так и на крупных бизнесменов и политических деятелей, принимающих крупномасштабные решения, существенно влияют на формирование общественного мнения, призваны играть связующую роль

между властью и обществом. Основная роль аналитических центров заключается в создании платформы для конструктивного диалога всех участников, заинтересованных в решении той или иной политической, экономической или социальной проблемы. Деятельность центров направлена на выявление и поддержку реализации стратегически важных проектов, которые способствуют развитию страны. Аналитические центры собирают информационно-аналитические данные по заданной проблематике, оценивают эффективность и востребованность разработок, организуют обмен мнениями всех заинтересованных участников, дают экспертную оценку объекту или процессу и определяют направления развития и взаимодействия с внешней средой» [411].

Считаем методологически функциональным различие аналитических центров по общим задачам, производимой продукции, источникам финансирования, составу и квалификации сотрудников. В.А. Филиппов отмечает, что основой для типологии аналитических центров может стать их профильная направленность и тематика их деятельности.

«Аналитические центры можно классифицировать:

1. По видам деятельности (функциям):
  - проводящие анализ, исследования;
  - обучающие, организующие обсуждение проблем (проводят семинары, конференции, круглые столы, др.);
  - выполняющие медиаторские функции, защищающие общественные интересы;
  - другие (многопрофильные).
2. По сферам (направлениям) деятельности:
  - занимающиеся политическими проблемами;
  - занимающиеся экономическими проблемами;
  - занимающиеся экологическими проблемами;
  - занимающиеся социальными проблемами;
  - занимающиеся правовыми проблемами;

– другие (многопрофильные).

3. По правовому статусу:

– общественные организации;

– непартийные, неправительственные, некоммерческие общественные организации;

– общественные организации, учредителями которых являются властные структуры;

– общественные организации, учредителями которых являются партийные структуры;

– общественные организации, учредителями которых являются бизнес – структуры;

– образовательные учреждения;

– департаменты властных структур;

– коммерческие организации;

– консалтинговые фирмы;

– центры избирательных технологий.

4. По степени независимости:

– работающие на органы власти (федеральные, региональные, местные);

– работающие на политические партии;

– работающие на бизнес-структуры;

– независимые (их результатами могут пользоваться власти, бизнес, политические партии и др.)» [411].

Приведенные варианты классификаций аналитических центров составят интерес для исследователя, потому как факторы-критерии подобных классификаций задают, как минимум, контекстность интеллектуального продукта. Представляется, что с помощью дальнейшей разработки классификаций современной аналитики, можно будет различать специфический характер и направленность тех или иных информационных потоков. В этом смысле, «аналитика на предмет разнообразных социальных

практик аналитики» является необходимым инструментом для ориентации в потоковом, сетевом информационном пространстве.

Обычно создание алгоритма практического решения конкретной проблемы составляет продукт аналитического центра: «это идеи и решения, представленные в форме докладов самого разного типа: нового варианта политического курса, оценки, теории, предложения, предупреждения, долгосрочного плана или прогноза, описания методики, статистических выкладок, анализа» [411].

В российском обществе между властью и аналитическими центрами складываются определенные отношения. Система принятия решений в области внутренней и внешней политики государства почти не предусматривает вовлечения в этот процесс третьих лиц. Существует немало аналитических центров, желающих предложить власти свой продукт. Однако большинство из них представляют собой PR-фирмы. По мнению В.А. Филиппова только некоторые из них способны составить качественную аналитику или прокомментировать глобальные политические стратегии. Большая часть структур, которые пытаются взаимодействовать с властью, делают это ради возможности работать с госструктурами. Создавая себе репутацию близкой к власти организации, аналитические центры конвертируют этот актив в доходы при работе с коммерческим заказчиком. Однако существует несколько аналитических центров, которые получают государственные заказы: Фонд эффективной политики, Институт общественного проектирования, фонд «Политика», ФОМ (Фонд общественного мнения), ВЦИОМ, Институт стран СНГ, Центр политической конъюнктуры и ряд других структур. Близкие к Администрации Президента аналитические центры не участвуют в разработке глобальных политических стратегий, но выполняют локальные поручения. Так, Институт общественного проектирования разрабатывал Закон «Об Общественной палате Российской Федерации» [411].

Активным исполнителем политических заказов является Фонд эффективной политики. Последние годы организация проводила мониторинг в регионах, где истекали полномочия губернаторов или должны были состояться выборы в местные парламенты.

Исполнительная власть сотрудничает с крупнейшими российскими социологическими службами: электоральные рейтинги и рейтинги доверия, опросы по текущим событиям являются наиболее известными проектами ВЦИОМа и ФОМа. Информация о них публикуется на их сайтах и параллельно передается в Управление внутренней политики. ФОМ регулярно измеряет рейтинги доверия к главе правительства и руководителям палат парламента а также к главе президентской администрации. ВЦИОМ редко делает опросы, предваряющие то или иное государственное решение. Чаще центру приходится проводить опросы после события, когда решение уже принято, или после резонансных событий. Обычно к услугам ВЦИОМа обращаются «Единая Россия» и другие политические партии [411].

В 2013 году в Российской Федерации была принята Концепция общественной безопасности. В документе ставится задача по созданию в стране «государственной системы мониторинга состояния общественной безопасности – единой межведомственной многоуровневой автоматизированной информационной системы наблюдения за состоянием общественной безопасности. Система будет предназначена для выявления, прогнозирования и оценки угроз общественной безопасности, оценки эффективности государственной политики, проводимой в сфере безопасности» [2]. Надеемся, что ресурсы упомянутых аналитических центров будут приведены в единую комплексную систему и более эффективно использоваться государством для обеспечения общественной, государственной и, в целом, национальной безопасности.

Многообразие процессов передачи, обработки и хранения информации приводит к формированию *информационной индустрии и, соответственно, информационной инфраструктуры государства*. При этом можно

утверждать, что уровень развитости *структур информационной индустрии* является одним из основных показателей развитости и защищенности общества и государства в целом.

Структуру *информационной индустрии* образуют государственные и частные организации, создающие различные виды информации, обеспечивающие кодификацию, классификацию, распространение информации; организации, занимающиеся разработкой, изготовлением и эксплуатацией аппаратных средств обработки, хранения, передачи и защиты информации. К структурным элементам *информационной индустрии* также можно отнести систему подготовки кадров, работающих с информацией: программистов, сотрудников СМИ, специалистов в сфере авторского права и охраны интеллектуальной собственности, криптографов и др. К структуре информационной индустрии, безусловно, необходимо отнести каналы распространения информации, – как открытые (средства массовой информации), так и закрытые (правительственная, внутриведомственная, корпоративная связь и т.д.)

В итоге, в *информационной индустрии* можно выделить три функциональных блока: создание содержания; обработка информации; распространение информации (доведение до потребителя).

К первому блоку относятся субъекты, создающие интеллектуальную собственность (научные, научно-педагогические, научно-производственные, творческие союзы и объединения, отдельные индивиды (фрилансеры) и др.)

Стоит отметить, что в настоящее время мало генерировать содержательную часть текстов. В современных условиях, когда информация востребована на рынке, ей необходимо придать «товарный вид». В этом «креативному» блоку помогают менеджеры, управляющие компании, продюсерские центры, юристы, специализированные фонды. Сюда нужно отнести многочисленные организации, которые новую информацию сами не создают, а компилируя её, формируют базы данных, выпускают статистические и иные сборники, разрабатывают информационно-

справочные системы и т.п. Доля доходов этих структур составляет значительную часть в информационной индустрии содержания.

Индустрия обработки информации охватывает производителей элементной базы и готовых компьютеров, оборудования связи, средств аппаратной обработки информации, бытовой электроники.

Структура индустрии распространения информации связана с разработкой, проектированием, созданием и эксплуатацией каналов и сетей передачи и обмена информацией. Она включает совокупность беспроводных и проводных каналов, узлы хранения и распределения информации (серверы), ретрансляционные сети, телекоммуникационные компании, телевизионные и радиостанции, а также виртуальные формы – сайты, порталы и поисковые системы.

Значительная скорость развития информационных технологий, совершенствование элементной базы, увеличение емкости носителей информации при уменьшении их физических размеров обуславливает перекодировку баз данных и возможность локального хранения больших массивов информации. В связи с появлением возможности быстрого доступа, копирования и оперативной передачи информации мощный импульс получил новый сектор информационной индустрии – мультимедийная промышленность, все более ориентирующаяся на массового потребителя.

Стремительная конвергенция информационных технологий, расширение рынка потребления информационных услуг привели к структурным изменениям в информационной индустрии. Во-первых, объединяются организации, генерирующие информацию и организации, владеющие средствами доставки информационного содержания потребителю. Во-вторых, сливаются компании, управляющие различными сегментами информационной экономики – производители компьютерной техники и разработчики программного обеспечения, телефонные операторы сотовой и проводной связи, системы кабельного вещания, издательства и т.п. Цель создания таких медиахолдингов – увеличение объема и ускорение

оборота капитала, экспансия на расширяющемся рынке сбыта информационных услуг, поглощение конкурентов, повышение нормы прибыли.

Слияние информационных компаний обуславливают, в свою очередь, либерализацию законодательной базы, регулирующей разные стороны функционирования информационной индустрии. Суть этого процесса в смягчении или полной отмене ограничений на различные виды деятельности, концентрации собственности и увеличение доли участия транснационального капитала.

Ускоряется процесс оформления информационной мировой экономики. Это выражается в глобализации телекоммуникационных и информационно-технологических рынков, возникновении мощных медиа-холдингов и многопрофильных корпораций, безусловно лидирующих на мировых торговых площадках, превращении «электронной торговли» с использованием телекоммуникационных каналов в доминирующее средство ведения бизнеса.

Именно с развитием информационной индустрии возникает особая область права, которая регламентирует права человека в сфере пользования информационными ресурсами, защиту авторского права и интеллектуальной собственности, право на конфиденциальность личных данных, свободу слова и, в целом, обеспечение информационной безопасности различных субъектов.

Вопросы информационной безопасности личности и общества приобретают качественно новый статус. Из технологической проблемы, информационная безопасность превращается в проблему социальную, затрагивающую сами основы функционирования современного общества.

Развиваются отдельные структуры по обеспечению информационной безопасности внутри государственной власти – системы электронного правительства, отдельные подразделения государственных органов по

защите критически важной информационной инфраструктуры страны, по защите государственной и коммерческой тайны и др.

Вместе с тем, необходимо отметить, что *существует противоречие между локальностью структур обеспечения безопасности и потоковым, сетевым характером угроз, не имеющих территориальную локализацию*. Мы понимаем социальную структуру как некоторую *локальную упорядоченность нормированных практик* или как «условия ограничений в области допускающих соединение операций» (Н. Луман). Всякая организационная структура имеет различный спектр ограничений действия – территориальный, нормативный, организационный и др. Большой подвижностью и мобильностью, а соответственно преимуществами в реализации целей, обладает не структура, а сети и потоки (Дж. Урри). Сети и потоки развивают действие экстерриториально. Нормы, «отрываясь» от локальных культур, становятся относительными, ситуационными.

С другой стороны, социальные практики, постепенно обретая рутинный характер, подвергаются процессу «хабитуализации» (опривычиванию). Этот процесс предусматривает стабильную основу для воспроизведения человеческой деятельности с минимизацией усилий и для ее институционализации.

Но с нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности. Другими словами, можно сказать – «правила уже не спасают». Этому способствует все то же противоречие между нормативностью и ростом «потребности в Неотрицаемом». Противоборство, конкуренция и сотрудничество в мире информации все чаще становятся игрой, в которой нет правил, нет арбитра, нет начала и завершения. На наш взгляд, такая фиксация проблемы в обеспечении информационной безопасности является методологически плодотворной в случае ее дальнейшего осмысления и развития.

Выводы по второй главе

Во второй главе автором были решены шестая и седьмая задачи диссертационного исследования:

1. Выявлен и проанализирован характер общих практик обеспечения информационной безопасности.

2. В качестве общих практик рассмотрен феномен новых социальных мобильностей. Как критерий обеспечения информационной безопасности проанализированы темпоральные характеристики практик.

Отмечено, что рост интенсивности социального информационного взаимодействия, являясь ведущим фактором в проблемах информационной безопасности субъекта (первая глава), порождает «коммуникацию незнания», неопределенность, отвлеченность, дистанцированность и абстрагированность взаимодействий. Как новая предметная форма деятельности активно развивается сетевое взаимодействие (В.Е. Кемеров), которое позволяет прорабатывать в формах-схемах большое количество социальных связей и отношений. Социальная практика характеризуется различной социальностью – абсолютной, относительной, ситуативной и частной, альтерсоциальностью. Координация взаимодействия, соответствующая сетевому и потоковому пространству коммуникации уже не связана с привычным смыслом социальной интегрированности и нормативности. Особенностью современных практик является «колонизация общественного частным» (З. Бауман) и направленность к «сетевому, внеисторическому пространству потоков» в ущерб устойчивости общих культурных кодов общества (М. Кастельс). Все эти особенности вырабатываются в обществе на предмет адаптации внешней среды. Соответственно, они лежат в основании практик обеспечения безопасности, которые заключаются в сохранении устойчивости, защите интересов субъекта в условиях роста девиации/инновации или в условиях роста информационной нестабильности.

Новые мобильности (Дж. Урри) интерпретируются автором как общие практики информационной безопасности. Сущностным аспектом новых

мобильностей является высокая интенсивность коммуникаций, выраженная в скорости и многообразии взаимодействия. Их характерным элементом является объектуализация отношений (К. Кнорр-Цетина), делокализация действия, контрфактуальность мышления и калькуляция риска (Э. Гидденс).

Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как приватизация безопасности (А.Ю. Полтораков). Через призму заданной концептуализации безопасности и информационной безопасности (первая глава) автор развивает анализ противоречия между безопасностью интересов «частного» и безопасностью интересов «общего». Практика «колонизации общего частным» (З. Бауман) ведет к развитию приватизации безопасности, что является некоторым средством разрешения рассматриваемого противоречия.

Информационная сущность личности – субъекта обеспечения информационной безопасности – интерпретируется как несовершенное единство несовершенного множества информации. Темпоральные характеристики социальной практики имеют прямое отношение к обеспечению субъектом информационной безопасности. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации.

Обеспечение информационной безопасности складывается из социальных практик и социальных структур. Среди основных практик в обеспечении информационной безопасности автор выделяет 1. информационное противоборство; 2. информатизацию общества; и, в том числе, 3. политику государства по информатизации общества и обеспечению информационной безопасности и независимости информационной индустрии и информационной инфраструктуры страны.

Более подробно останавливаясь на практиках информационного противоборства, автор указывает на основные формы противоборства,

отдельно выделяет проблему геополитического противоборства и приводит анализ классификации стратегического противоборства первого и второго поколения. Сегодня информационный суверенитет России как совокупность практик обеспечения информационной безопасности государства нуждается в дальнейших серьезных научных разработках методов и средств стратегического информационного противоборства второго поколения.

Важнейшим видом практик обеспечения информационной безопасности является формирование и дальнейшее развитие информационного права на всех уровнях обеспечения безопасности.

Из структур обеспечения информационной безопасности, в первую очередь, автор выделяет государство как основной институт (структуру) обеспечения информационной безопасности общества и институт информационного права. Государство разрабатывает информационную политику, основные направления которой первоначально были заложены в Доктрине информационной безопасности от 2000 г. Эта политика направлена на поддержание и формирование социальных структур информационной безопасности – различного рода систем, институтов, защищающих и развивающих информационную сферу общества. Также к структурам обеспечения информационной безопасности автор относит различные организации по производству экспертного знания. Сегодня это не только научные и образовательные учреждения. Речь идет об аналитических центрах (фабриках мысли) различного уровня, занимающихся анализом и прогнозированием экономических и социальных процессов. Утверждается, что для ориентации в современной информационной среде необходимы дальнейшие исследования классификаций современных аналитических структур.

Предлагаемый подход к различению практик и структур обеспечения информационной безопасности позволяет развить понимание ее социальных аспектов: увидеть особенности социальных практик обеспечения безопасности, зафиксировать противоречие между локальностью структур и

потокowym, сетевым характером информационных угроз. С нарастанием сетей и потоков растет несостоятельность структур обеспечения информационной безопасности в силу их локальности и нормативности.

Вопросы сетевых практик информационной безопасности или безопасности в условиях киберпространства носят частный характер относительно тем, которые были раскрыты и проанализированы во второй главе. Для нас, живущих в XXI столетии, виртуальный мир киберпространства имеет вторичный характер относительно традиционной социальной реальности, понимаемой как актуальная реальность. Но та скорость, с которой виртуальный мир проникает в бытие социума и человека, позволяет делать прогнозы современной футурологии о будущей тотальности социального киберпространства, в котором будет существовать постчеловечество.

В третьей главе киберпространство будет проинтерпретировано автором как макросистема мобильностей и как новая структура накопления и ускорения варьирования коммуникации (информации). Такая концептуализация феномена Сети позволит задать необходимую оптику в осмыслении проблемы информационной безопасности субъекта, по-иному взглянуть на проблему соотношения национальной и государственной безопасности и увидеть иной масштаб значения развития киберпространства в проблемах безопасности современного социума. В главе будут приведены характеристики сетевых практик обеспечения безопасности в киберпространстве и выделены основные группы угроз безопасности в Интернете.

ГЛАВА 3. БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КИБЕРПРОСТРАНСТВА: СЕТЕВЫЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Итак, проанализируем обеспечение информационной безопасности в узком смысле – практики защиты информации и защиты от информации в условиях киберпространства и практики ориентации в Сети (сетевые практики). Для этого первоначально рассмотрим основные подходы к изучению сетевого коммуникативного пространства и зададим необходимую концептуализацию феномена киберпространства. Это позволит увидеть сущностные особенности киберпространства, которые ведут к формированию и росту современных информационных угроз; выявить проблему соотношения национальной и государственной безопасности в контексте более широкого масштаба осмысления роли киберпространства в проблемах безопасности современного социума. С другой стороны, постараемся выявить характер сетевых практик обеспечения информационной безопасности и задать типологизацию угроз в условиях Интернета.

3.1. Основные подходы к изучению современного информационного сетевого пространства. Киберпространство как система мобильностей

Сегодня сетевые коммуникации составляют новую социальную морфологию современных обществ. Принадлежность к той или иной сети определяет важнейшие источники управленческих ресурсов. Все чаще современное общество теоретики называют «обществом сетевых структур». Благодаря сетевым коммуникациям любая информация максимально быстро распространяется в обществе. Расстояние, интенсивность и частота взаимодействий между двумя и более коммуницирующими субъектами

короче, когда они выступают в качестве узлов одной деловой сети, нежели когда они принадлежат к разным сетям, а тем более не принадлежат к какой-либо сети. Включение в сетевые структуры или исключение из них, контуры сетевых потоков, которые задают информационные технологии, становятся доминирующими тенденциями, формирующими современный мир.

М. Кастельс утверждал, что от сетевой модернизации больше других выигрывает капитал. Сетевые коммуникации помогают переносить опыт экономических операций в другие места и воспроизводить их с минимальными затратами. «Успешные сетевые предприятия сформировали стандарт массового производства, с которым не могут конкурировать предприятия иного типа, вытесняемые в маргинальные сектора товаров “люкс” или в сферу малого предпринимательства. В целом, модернизация осуществляется в русле экономической рациональности, мотивирующей к росту прибыли, экономии на издержках и на масштабах, поиску конкурентных преимуществ» [274].

Аналитики различают сетевые структуры на плотные и редкие, горизонтальные и вертикальные, эксклюзивные и массовые, локальные и глобальные. В социальном пространстве плоскости различных сетей имеют разные измерения. Они пересекаются по разным траекториям, реконструируются по разным параметрам. Заслуживает внимания замечание А.В. Назарчука: «реальная комплексность и морфология сетей обнаруживаются не в локальном пространстве, где берут начало элементарные ячейки сети, а в глобальном мире» [274]. Благодаря новым коммуникативным эффектам развивается глобальная размерность сетей: «международные связи и раньше позволяли координировать совместные действия, но это происходило в рамках действий национальных агентов» [274]. Теперь же субъектами событий мирового масштаба становятся глобальные сети. В их составе национальные агенты часто вынуждены исполнять навязанные глобальными силами действия.

Под сетью мы понимаем децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения все новых звеньев (коммуникаций), что придает сети гибкость и динамичность. Интернет можно рассматривать как ключевой механизм формирования сетей. С другой стороны, под сетями мы подразумеваем не только Интернет, но и широкие экспертные сети, сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo), он-лайн конференции, которые объединяют миллионы людей. Сети, составляющие современное киберпространство, различны по своим ресурсам.

Отметим, что «подавляющее количество сетей не выходят на глобальный или даже национальный уровень, демонстрируя тенденцию регионализации и локализации информационных потоков. Но само многообразие позиций и интересов, представительство которых усиливается мощностью сетевых информационных потоков, формирует новый, особый род политики интенсивных коммуникаций, которую Ю. Хабермас назвал “делиберативной” политикой» [274].

При анализе интернет-коммуникаций важно помнить об инфраструктурном, техническом характере киберпространства. Интернет представляет собой кабельную (или беспроводную) компьютерную сеть, подобно телефонным сетям, сетям дорог. Виртуальные сообщества, формирующиеся в его пространстве, не являются Интернетом в указанной интерпретации, но формируют специфическое социальное коммуникативное пространство или киберпространство.

Большое число работ, посвященных влиянию Интернета на общество, характеризуются направленностью на технические особенности сетевого коммуникативного пространства в ущерб социокультурному контексту [387]. Однако определение смысла такого глобального явления, как Сеть (Интернет), может обеспечиваться только включением его в общий контекст современной культуры, раскрытием связей с социальными структурами и практиками [408]. Интернет как сетевое пространство требует

многостороннего рассмотрения, поскольку не может быть полностью описан в рамках отдельной дисциплины или частного подхода. Российские исследователи указывают на различные аспекты в изучении Интернета: «Сеть – это и комплекс распределенных в пространстве технических объектов (что позволяет ставить вопросы о его географии и экономике); и корпус организованных в виде гипертекста текстов (исследуемых с позиции текстологии, архивного дела, журналистики); и объединение активно действующих людей (данному пониманию отвечает социология, психология, политология, педагогика Интернета); и комплексная система (философский и системологический подход); и попытка реализации технических и социальных договоренностей в глобальном смысле (предмет для анализа с правовых и исторических позиций глобалистики)» [93, с. 28].

Современность в глобальном масштабе переживает процесс крушения квазирелигиозных идеологий XX века. Происходят тектонические сдвиги в осознании такой ценности как свобода личности. Возрастающее значение Интернета напрямую связано с этими процессами. Приобретающие в данном контексте особую индивидуальную и общественную ценность свойства активного субъекта получают благодаря Интернету «резонатор-усилитель необычайной мощности, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всемирных масштабов» [138].

Сеть становится стимулом и прообразом искомой интеграции: она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида, дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств [138]. Осмысление возможностей сетевых коммуникаций во взаимосвязи с традиционными государственно-политическими, национальными, социально-культурными структурами определяет возрастающую важность Сети для безопасности и развития общества.

С другой стороны, развитие сетевого коммуникативного пространства несет для общества не только благо. Сетевые коммуникации сегодня генерируют самые различные деструкции для личности, общества и государства.

Из современных подходов к анализу сетевого общества, сетевых коммуникаций в первую очередь, мы выделяем идеи М. Кастельса. Его работы интересны теоретическими обобщениями, которые он делает о природе сетевого общества. Так же как и З. Бауман, Э. Гидденс, К. Кнорр-Цетина, С. Лэш, Э. Тоффлер, другие современные теоретики, М. Кастельс указывает на трансформацию социальности в современном обществе и связывает этот процесс с существованием в Сети.

Сетевая социальность. Особенностью последнего столетия становится ослабление привязанности к месту жительства. Утрата связи с локальными сообществами происходит не только благодаря появлению новых технологий коммуникации. Субъекты начинают реализовывать личные интересы, используя новые возможности. Принцип построения новых сообществ, основанных на «дальнодействии», силе «слабых связей» М. Кастельс называет сетевым индивидуализмом. «Такая индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей основе прежде всего индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом традиционной нуклеарной семьи, существовавшей с конца XIX столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны, и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни. Эти процессы поддерживаются за счет кризиса политической легитимности, поскольку увеличение дистанции

между гражданами и государством воздействует на механизмы представительства, способствуя выводу индивидуализма из общественной сферы. Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [81, с.155].

Информациональная экономика. По убеждению М. Кастельса в основе всех изменений, в основе развития сетевых коммуникаций, лежит переход от индустриальной к информационной экономике – экономике, основанной на производстве и обработке информации. Главный генератор информационной экономики – «сетевое предприятие». Оно способно связывать деятельность различных акторов в самых разных направлениях. М. Кастельс предлагает анализ последствий наступивших технологических перемен в различных сферах общества.

«Каковы же элементы исторической реальности, которые ассоциированы в новой организационной парадигме?» – спрашивает М. Кастельс. И отвечает: «Прежде всего, это – деловые сети в различных формах, различных контекстах и проистекающие из различных культурных выражений: семейные сети в китайских обществах и северной Италии; предпринимательские сети, возникающие из технологических питомников в инновационной среде, таких как Силиконовая долина; иерархические коммунальные сети японского типа кейрецу; организационные сети децентрализованных корпорационных единиц из бывших вертикально интегрированных корпораций, вынужденных адаптироваться к реальностям эпохи; пересекающиеся границы сети, проистекающие из стратегических союзов между фирмами.

Вторым элементом информационной экономики являются технологические инструменты: новые телекоммуникационные сети; новые мощные настольные компьютеры; новое адаптивное саморазвивающееся программное обеспечение; новые мобильные коммуникационные устройства, осуществляющие связь с любым местом в любое время; новые рабочие и

менеджеры, связанные друг с другом вокруг трудовых задач и результатов, способные говорить на одном и том же языке – цифровом языке.

Третий элемент – глобальная конкуренция, вынуждающая к постоянному обновлению продуктов, процессов, рынков и экономических вложений, включающих капитал и информацию.

Четвертый элемент информационной экономики составляет государство: государство развития в стартовой стадии новой экономики, как в Восточной Азии; агент инкорпорирования, когда экономические институты должны быть перестроены, как в процессе объединения Европы; координирующее, когда территориальные сети нуждаются в питательной поддержке региональных или местных правительств, чтобы генерировать синергетические эффекты, которые создадут инновационную среду. Все эти элементы сходятся, чтобы дать возникнуть сетевому предприятию» [81, с.195–196].

М. Кастельс сводит вместе основные элементы «исторической реальности» в новую культурно-институциональную конфигурацию, лежащую в основе организационных форм экономической жизни. Эту конфигурацию он называет «духом информатизма», утверждая в основе ее возникновение и консолидацию сетевого предприятия.

Сеть как базовая единица экономической организации. Впервые в истории общества базовой единицей экономической организации становится не субъект, будь он индивидуальным (таким как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким как класс капитала, корпорация, государство). Единицей становится Сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций. Это множество непрерывно модифицируется по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их внешним средам и рыночным структурам. Сетевая форма организации начинает вырабатывать свои культурные измерения, в основаниях которых лежат растущие оперативность, мобильность и гибкость взаимодействий. Формы организации человеческой деятельности становятся

сетевыми, – более многообразными и «дальнодействующими». В экономике развивается сетевое предприятие. Интерактивная, более чуткая к волеизъявлению граждан политическая система формируется в политике. Культура общества погружается в единую мировую информационную сеть Интернет и становится в полную зависимость от глобальных массмедиа.

Сеть как пространство потоков. В результате формируется новая социальная среда, в которой меняются смыслы пространства и времени. Социальные отношения выстраиваются в потоках капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, символов. Каждый из потоков движения этих ресурсов организован процессами, в которые он включен. Пространство потоков (по М. Кастельсу) составляет материальную организацию социальных практик во времени, которое уже подчинено различным проектам и разделено на отдельные темпоральные пространства. Под потоками М. Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [81, с. 110]. «В сети ни одно место не существует само по себе, поскольку позиции определяются потоками. Технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли “экономические регионы” и “национальные рынки” индустриальной экономики. Эта технологическая инфраструктура сама является выражением сети потоков, архитектура и содержание которых определяются силами, действующими в нашем мире... Пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети» [81, с. 115].

Такой взгляд на сетевой мир, интерпретация социальной жизни как пространства потоков является важнейшей методологической установкой для выстраивания практик обеспечения информационной безопасности.

Культура реальной виртуальности. Рассуждая о действительности социального субъекта, постоянно формирующейся и постоянно наполняющейся разнообразной информацией в условиях глобального информационного взаимодействия, мы подразумеваем, прежде всего, *культуру реальной виртуальности* (М. Кастельс), *которая сегодня почти монополюльно определяет характеристики в том числе практик информационной безопасности.* Культуры созданы из коммуникативных процессов. Формы коммуникации основаны на производстве и потреблении знаков. В обществе не существует разделения между реальностью и ее символическим отображением. М. Кастельс утверждает, что «исторической спецификой в новой коммуникационной системе, организованной вокруг электронной интеграции всех видов коммуникации (от топографического до мультисенсорного) является не формирование виртуальной реальности, а строительство реальной виртуальности.... Современная коммуникационная система, создающая реальную виртуальность, – это система, в которой сама реальность полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. Все сообщения всех видов заключены в средство, ибо средство стало настолько всеобъемлющим, настолько разнообразным, настолько послушным, что абсорбирует в одном и том же мультимедиа-тексте целостность человеческого опыта» [81, с. 352–398].

Письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации причудливым образом объединяются в единый супертекст и метаязык. В условиях глобальной Сети интеграция в одной и той же системе текстов, изображений, звуков, вступающих во взаимодействие из множества различных точек в избранное время, в условиях открытого и недорогого доступа, фундаментально меняет характер коммуникации. Все это радикально изменяет основания человеческого мировосприятия. «Мы видим реальность не такой, как она есть, но такой, как наши языки позволяют ее

видеть. Наши СМИ – наши метафоры. Наши метафоры создают содержание нашей культуры» [81, с. 314].

В российской литературе существо основных подходов к концептуализации сетевого информационного пространства достаточно обстоятельно представлено А.В. Назарчуком [274]. Он отмечает, что традиции теории информационного общества, общества «третьей волны», постиндустриального общества, идущие от Д. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера, А. Турена получили удачное обобщение в работах М. Кастельса. Но следом приводит анализ сетевых коммуникаций киберпространства через призму метафоры «ризомы».

Ризома (фр. Rhizome «корневище») является одним из ключевых понятий философии постструктурализма и постмодернизма, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари. Для целой группы теоретиков ризома служит образом социального мира. В этом мире отсутствуют централизация, упорядоченность и симметрия. Лежащий в основе устройства ризомы принцип составляет «связь и гетерогенность»: каждая точка корневища может быть связана с любой иной. Такой мир не знает исходного момента развития, он децентрирован и не приемлет иерархии. В открытых и децентрированных ризоматических множествах координация действий осуществляется без руководящего центра. Также с этой особенностью связан принцип «незначашего разрыва»: «корневище может быть разорвано в любом месте, без ущерба для целого; несмотря на разрыв, оно способно возобновить свой рост либо в старом направлении, либо в новом» [231].

Благодаря принципу «ризомы» наблюдатель иначе начинает интерпретировать порядок и устройство мира, который теперь может становиться полицентричным, расти из неожиданного фрагмента множества. «В нем может не быть системы, не быть единства. И если мир таков, то он уже не может быть постигнут в своем единстве, не может быть охвачен привычными – логоцентричными и специализирующими – категориями мышления. Авторам теории ризомы удастся показать инаковость сетевого

мира, чувство беспомощности перед ним и осознать необходимость переосознания реальности» [274]. В отечественной социальной теории методологические возможности этой метафоры использует С.А. Кравченко в его концепции «глоболокального социума» [88].

А.В. Назарчук также выделяет синергетический, системно-функциональный подход в исследовании Сети. Он отмечает, что «синергетика, претендующая на универсальность подхода, способного охватывать как физические, так и общественные явления, исследует процессы самоорганизации систем, формирования структур порядка. Очевидно, что исследование зарождения и эволюции сети, ее характеристик как специфической и чрезвычайно жизнеспособной системной организации должно вызывать здесь интерес. Синергетика формулирует понятие комплексности, без которого невозможно сформулировать другие базовые понятия современной теории сети. Ведущие представители этого подхода, Хакен и Пригожин, сумели пересмотреть классическое понятие каузальности и ввести представление о случайности, непредсказуемости, необратимости физических процессов» [274].

Понятие «контингенции» (Н. Луман) указывает на возможности разнообразных (причинных, случайных, предметных, смысловых) связей, которые наполняют структурность социального мира. С помощью понятия контингенции он указывает на «непрограммируемость» мира, альтернативность развития социальных процессов. А.В. Назарчук отмечает, что контингентность составляет существо Сети. Именно в пространстве Сети связи легко создаются с тем, чтобы затвердеть на некоторое время, а потом распастись и исчезнуть. Он придерживается взглядов И. Пригожина и отмечает, что «существенной характеристикой поведения социальных систем является единство случайности индивидуального поведения и статистической устойчивости коллективных структур. Жизнеспособность сети связана с удачным воплощением этого принципа. Синергетика

формулирует понятие динамической стабильности, необходимое для познания сетей» [274].

Мы разделяем утверждение о том, что понятие коммуникации позволяет по-новому взглянуть на устоявшиеся категории в определении социальной жизни. Ни понятие института, ни индивидуализированное понятие социального действия, ни абстрактное понятие «функциональной системы» уже не могут адекватно отражать особенности сетевого общества. «Материя, из которой мысленно концептуализировалось общество в классических теориях, размягчается и разрушается, дает место для новых концептуальных сплавов» (А.В. Назарчук). Такая метафора абсолютно созвучна «текучей современности» З. Баумана и «ускользающему миру» современности Э. Гидденса.

С точки зрения теории сетей единицей социального мира является не индивид, а «сообщение». Из них складывается жизнь индивидов, социальных групп, институтов. «Неважно, кто является носителем сообщений, важно, какого типа сообщения формируют систему коммуникации. ...Коммуникации обуславливают формы социальных образований и легитимизируют субъектов коммуникации в их социальном статусе. Какая бы социальная форма ни возникала в результате коммуникации, она является одним из видов сетей. Благодаря этому она способна перетекать в другие формы и обмениваться с ними» [274]. Такой методологический ключ к пониманию современности, заданный в свое время Н. Луманом, разделяют все большее количество исследователей. Такой ракурс понимания действительности должен лежать в основаниях решения проблем обеспечения информационной безопасности.

Еще один подход к пониманию Сети задается через призму теории габитуса П. Будье. Теоретик не занимался специально проблематикой сетей, но предлагал уникальное видение архитектуры социального пространства. Мы разделяем утверждение, что именно феномен сетевых коммуникаций объясняет теоретические конструкции П. Будье. Сеть составляет основной

способ, посредством которого происходит распространение социальных влияний в пространстве общества. Если оказание влияния и достижения мгновенных реакций субъектов на изменения социальной среды П. Будье называл «социальным полем», то именно это понятие указывает на способность субъекта к сетевой коммуникации.

В социальном поле информация распространяется настолько свободно и быстро, что это позволяет прогнозировать и предвосхищать действия других акторов. Событие в одном месте поля влияют на изменение ситуации во всех остальных местах. Понятие «габитуса» П. Будье означает наличие у субъекта места и структуры диспозиций в этих сетевых взаимодействиях. С точки зрения А.В. Назарчука, «габитус – место в сплетении разномерных сетей, которое потенциально может занять каждый. Заняв его, он окажется не только “скручен” массой ролевых функций и зависимостей, но и обогащен уникальными коммуникационными привилегиями, которые отсутствуют в других габитусах. ... Общество – совокупность габитусов, каждый из которых индивидуален, но вместе они определяют структуру социальности, совокупность классов и социальных практик в обществе. Поле – это не сеть взаимосвязанных партнеров, а сеть информационных каналов. В поле находятся и взаимовлияют не партнеры, а конкуренты. Хозяйственный рынок является типичным “полем-сетью” для задач экономического обмена. П. Будье обобщает понятие рынков на многие социально очерченные сферы, вводит понятие социального (политического, образовательного) капитала, опосредующего борьбу за доминирование в поле. Социальные “поля-сети” пронизывают друг друга и разнонаправлено охватывают социальную реальность. Их невозможно контролировать. Но способность их видеть решительно меняет оптику социолога» [275].

С понятием сети работают также ученые, подходы которых лежат в рамках математики и логики. Установление количественных соотношений между сетевыми объектами составляет новые возможности для исследовательского поиска, который организован в двух направлениях: 1.

матричный подход использует понятие сети для изучения групп и групповых взаимоотношений; 2. геометрический подход обращается к эффектам социальных коммуникаций в контексте пространственных контактов. Первоначально анализ и систематизацию различных параметров социальных контактов в виде матриц предложили представители американской «школы власти»: «Организации представляют собой коалиции различных индивидов и групп, объединенных на основе общего интереса. Между членами коалиций существуют устойчивые различия в системах ценностей, верований, уровнях информированности, интересах и восприятии реальности» [91, с. 198].

Предметом исследования являются матрицы влияния, т.е. контакты, возникающие во внешней среде и обусловленные как обстоятельствами институционального характера, так соседством с другими акторами на определенном сегменте экономического пространства. Отношения и различные экономические операции интерпретируются как коммуникативные процедуры, связанные с местом субъекта в системе отношений. Создаются и изучаются математические формулы сетей, в которые включены индивиды и институты.

Мы предлагаем подойти к пониманию Сети, в частности Интернету, как системе мобильностей (Дж. Урри). Если представлять морфологию современности как совокупность сетей и потоков, то *современное киберпространство или Интернет можно рассматривать как Метасеть, которая является родовым началом такого представления об обществе. Киберпространство как система мобильностей, на наш взгляд, становится основным инструментом в реализации целей и защите интересов.*

Если абстрагироваться от потокового характера современного Интернета, то *киберпространство возможно представить как конгломерацию магистралей и маршрутов. Маршруты определяют различные узлы циркуляции потоков. Эти узлы, в свою очередь, определяются сетевым социальным капиталом, которым обладают*

акторы. В нашем исследовании социальный капитал в Сети интерпретируется как капитал мобильности.

Социальный капитал субъекта (политический, образовательный, экономический), обеспечивает ресурсами борьбу за доминирование в поле. Различные субъекты выстраивают и завоевывают различные социальные поля ввиду специфики их интересов и защиты этих интересов. Скорость и эффективность оказания влияния и достижения мгновенных реакций акторов на ситуационные изменения социальной среды обеспечивается социальным капиталом субъекта. Ввиду этого социальный капитал, на наш взгляд, возможно интерпретировать как капитал мобильности. Капитал мобильности состоит из наличия возможностей к «движениям виртуального характера:

- воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные носители информации;

- виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния;

- коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон» [164].

Подобные процессы, на наш взгляд, происходят в киберпространстве, где, к примеру, об отдельных виртуальных сообществах можно также судить как о системах мобильностей, обеспечивающих интересы субъектов.

Мы рассматриваем современный сетевой мир через призму парадигмы мобильностей Дж. Урри, который указывает на то, что «многие соединения с людьми и социальными группами не основаны на пространственной близости. Существуют многочисленные формы “воображаемого присутствия”, которые возможны благодаря путешествиям объектов, людей, информации и изображений, переносящих соединения в другие социальные пространства. Социальная жизнь представляет собой постоянный процесс перехода от бытия рядом с другими к бытию на расстоянии. Даже в отсутствие человека возможно его воображаемое присутствие, зависящее от

множественных соединений между людьми и местами. Вся социальная жизнь, работа, семья, образование, политика предполагают отношения периодического присутствия и разные режимы отсутствия, частично зависящие от многочисленных технологий путешествия и коммуникаций, которые переносят объекты, людей, идеи и образы на расстояние. Таким образом, присутствие становится прерывистым и достигается всегда в зависимости от других процессов соединения и коммуникации. *Всем обществам приходится иметь дело с расстоянием, но это происходит через различные наборы взаимозависимых процессов, которые включают и различные дискурсы движения»* [164, с. 134–135].

Как мы уже отмечали во второй главе, эти процессы основываются на пяти взаимозависимых «мобильностях», которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (ре-формируют) ее контуры. Важно учитывать взаимосвязи различных видов мобильностей, равно как и дискурсы, принятые в обществе, которые отдают предпочтение одной или другой мобильности.

Обратим внимание на замечание Дж. Урри о том, что «ниточки слабых связей и дальних знакомств, основанных на периодически телесных перемещениях, соединяют людей с внешним миром, обеспечивая еще один мост, в дополнение к тесно переплетенным клубкам близких друзей и семьи. Эти экстенсивные слабые связи творят социальные сети, которые поддерживаются через периодические сети и коммуникации. Подобные сети все больше распространяются по миру и, следовательно, в своем воспроизводстве все сильнее зависят от множественных мобильностей» [164, с. 136].

Уже отмечалось, что особенностями практик обеспечения информационной безопасности являются практики мобильностей. *В нашем исследовании мы расширяем список возможных видов мобильностей за счет фиксации роста разнообразия форм виртуальной, социально-рефлексивной подвижности.* Следом, через призму рассмотренных ранее характеристик

современных социальных практик и, в частности, практик мобильностей как общих практик информационной безопасности (вторая глава), обратимся к осмыслению Сети (как совокупности сетевых практик) как к системе мобильностей.

Системы мобильностей, в частности система мобильностей Интернета, организуются вокруг процессов, которые заставляют «вращаться» людей, объекты и информацию на разной скорости и с разным размахом. Дж. Урри отмечает, что «в любом обществе существует тенденция доминирования какого-то одного процесса циркуляции. Решающим здесь являются не объекты, вовлеченные в движения (такие как транспортные средства или телефоны или компьютеры), а *структурированные маршруты*, по которым циркулируют и люди, и объекты, и информация. Такие маршруты в обществе включают сеть пешеходных дорожек, тропинок, дорог, телефонных линий, шоссе, связанных в сеть компьютеров и узловых аэропортов. Именно *маршруты определяют различные узлы циркуляции и различные формы капитала мобильности*» (курсив автора) [164, с. 143].

Маршруты в киберпространстве, соответственно, *определяют различные сетевые узлы циркуляции и различные формы сетевого капитала мобильности. Сетевым узлом циркуляции в Интернете можно считать форум, социальную сеть в целом, сообщество блогосферы и другие ресурсы. Сетевой капитал (социальный капитал) – это ресурс в реализации интересов субъекта. Его же мы называем капиталом мобильности.* Может ли социальный сетевой капитал рассматриваться как ресурс в обеспечении информационной безопасности? Конечно, да. Групповые сетевые взаимодействия являются оптимальным источником необходимых ресурсов для защиты и реализации интересов.

Сеть составляет надежный источник других ресурсов. Социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы. Качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. П. Будье определял социальный капитал как

«агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [414, р. 248].

Такое видение социального капитала инструментально и сосредоточено на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности» [414, р. 249].

Различают социальный и человеческий капитал. «Разницу между человеческим и социальным капиталами можно представить на графе, узлы которого – это люди, обладающие человеческим (и потенциальным социальным) капиталом, а связи между ними и есть реализация социального капитала. Социальный и человеческий капиталы часто комплементарны. Социальный капитал – это ресурсы, которые могут быть использованы акторами для реализации их интересов. Концепция социального капитала позволяет подсчитать результаты на уровне индивидуальных акторов и одновременно осуществить микро- и макропереходы без усложнения и детализации структур. Некоторые ученые пытаются детально изучить организационные ресурсы, установить элементы, которые являются критическими для их использования, и исследовать их перераспределение в каждом отдельном случае. Концепции социального капитала позволяют показать, как организационные ресурсы комбинируются с другими ресурсами на разных уровнях обобщения и в разных системах поведения и к каким результатам это приводит. Социальный капитал включает такие составляющие, как финансовый, физический и человеческий капиталы» [51].

Дж. Коулмен характеризует социальный капитал как «различные сущности, которые похожи в двух аспектах: они все состоят из нескольких элементов социальной структуры, и их содействие определенным действиям акторов – как индивидуальных, так и корпоративных – осуществляется в пределах структуры» [419, р. 302] Г.В. Градосельская отмечает, что «...это

расплывчатое определение открывает путь для различных и даже противоречивых толкований социального капитала. Дж. Коулмен продуцирует новые термины для описания механизмов производства социального капитала (таких как взаимное ожидание и групповое усиление норм); видов владения социальным капиталом (таких, как привилегированный доступ к информации) и социальных организаций, обеспечивающих источник и эффект материализации социального капитала. ... Значение работы Коулмена заключается еще и в том, что он, в отличие от других авторов, явно выделяет информационный ресурс. Информационный потенциал – важнейшее проявление социального капитала, который активизируется через социальные отношения в форме особого ресурса. Информация важна как базис действий» [51].

Г.В. Градосельская делает интересное наблюдение, выделяя капитал *высокой сетевой плотности и капитал, относительно свободный от связей*. Она отмечает, что «в то время как Дж. Коулмен и Г. Лори акцентируют внимание на сетевой плотности социального капитала, Берт выделяет противоположное свойство. В его понимании социальный капитал – это относительная свобода от связей, обозначенная как “структурные дыры” (structural holes), что делает возможной индивидуальную мобильность. Это происходит потому, что плотные сети будут переправлять избыточную информацию, в то время как более слабые связи могут служить источниками новых знаний и ресурсов» [51]. Итак, чем слабее связи, тем большей свободой в получении информации обладает субъект. Можно заключить, что формирование «структурных дыр» в персональных сетях является также техникой обеспечения интересов и безопасности. «Структурные дыры» и «временные разрывы» являются метафорами одного порядка, работающими как техники безопасности на разных уровнях организации социального пространства.

Представляется, что *сетевые практики обеспечения информационной безопасности реализуются в условиях «плотных сетей», в том числе, для*

решения проблемы избыточной информации и устаревшей информации, а также в условиях «сетей слабых связей», для решения несколько иных задач – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.

Итак, мы привели основные подходы к концептуализации сетевого информационного пространства с тем, чтобы предложить еще один подход: интерпретацию Сети как системы мобильностей, состоящей из циркулирующих в различных режимах потоков, маршрутов и сетевых социальных капиталов, позволяющих реализовывать и защищать интересы различным субъектам.

3.2. Киберпространство как необходимый очаг накопления и ускорения девиации/инновации (информации)

Отдельно мы предлагаем подойти к анализу киберпространства Интернета как новой социальной структуре (Н. Луман) и необходимому очагу накопления и ускорения девиации/инновации (информации). Если концептуализация Сети как макросистемы мобильностей указывает на киберпространство как на пространство высокой концентрации возможностей социального субъекта, то предлагаемый подход поможет сформировать базовую оптику в выявлении и анализе практик безопасности социального субъекта, с одной стороны, и угроз в Интернете – с другой.

Суть эволюции социального порядка (порядок мы понимаем как совокупность социальных норм) мы усматриваем в одной фразе Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» [102, с. 66]. Вернемся к основным утверждениям, которые сделаны нами ранее в первой главе. Безопасность социальной системы может рассматриваться через анализ и сопоставление понятий «социальный порядок» и «девиантное поведение».

Мы определяем безопасность как меру устойчивости социального порядка в условиях роста девиантного поведения социальных акторов. Существование порядка затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности» (Э. Гидденс). Девиация способствует нарушению порядка, но одновременно является источником его изменения и развития. В тех обществах где главными ценностями являются права и свободы личности, растет многообразие социальных интересов. В таких обществах нарушение нормы потенциально становится тотальным, а судить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений проблематичным. Культивирование потребности в «Неотрицаемом» ведет к разрушению оснований определенности социальной жизни субъекта. Растет необходимость в обеспечении социальной безопасности.

Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (социальных практик) с последующей рестабилизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы. Теоретик указывает, что *система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций, но всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации, опасность распада системы общества (контингенции) приближается* [216].

Вспомним основные утверждения о принципах организации и динамики изменения социального порядка: варьирование (девиация) порождает дифференциацию (отклонение от того, что было обычным прежде). Дифференциация вынуждает систему проводить селекцию – выбор в пользу или против инновации. Селекция, если она «отбирает из набора вариаций новое», в свою очередь с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе; если же она

«выбирает» сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде то, что понятно стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы – коммуникации.

«Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет дело со структурами системы – с направляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла). Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя – селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит – в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабилизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной – позитивной или негативной – селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире» [102, с. 52–53].

Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Н. Луман пишет об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации). Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества и судит о состоянии общества, исходя из таких переменных, как плотность коммуникаций или частота или спецификация информационных импульсов, указывая на необходимость учитывать в анализе общества циркулярный характер усиления девиантности [102, с. 30].

В условиях все большей комплексности социальной системы должны появляться дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации. Теоретик указывает, что в общественной эволюции это осуществляется двояким способом: 1. благодаря такому средству распространения коммуникации, как письменность; 2. с помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе. Усиление потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам происходит благодаря отказу от экстернализации (превращения внутренних, скрытых во внешние, явные) всех конфликтов, что было характерно для примитивных (традиционных) обществ.

Письменность как коммуникация привносит в общество двойной эффект. Она оказывает воздействие на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождает из-под давления интерактивное взаимодействие. Такое средство коммуникации получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). По сравнению с предыдущей речевой коммуникацией письменность обеспечивает большее распространение информации и создает возможность одним изменениям производить необозримое множество последующих изменений. Растет ненаблюдаемость воздействий, что вызывает к появлению новые институции. Высвобожденные из-под влияния интеракции письменные коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации.

Письменная коммуникация вынуждена эксплицировать себя более отчетливо и исходить исключительно из текста. Это потребовало вербальных форм нового типа, и прежде всего формирования новых понятий, передающих растущую комплексность социального мира. К примеру, Н. Луман указывает: «Пока бог обозначался всего лишь именем, знать которое нужно было, чтобы мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию имени. Как только появилось понятие бога, получавшее

письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости – короче говоря, вызывало все то, что стало потом заботой средневековой теологии» [102, с. 63–64].

С точки зрения Н. Лумана *развитие в обществе способности порождать внутриобщественные конфликты и толерантно к ним относиться составляет второе фундаментальное условие для поддержания и усиления девиации*. Конфликт «тестирует» потенциал отклонения. Он приводит к всесторонней интеграции поведения участников и к непрерывному «наблюдению наблюдения». Тем самым, интенсивность информационного обмена в конфликте резко возрастает. Если результат конфликта получает значение «нет», уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утвердиться в коммуникации. Н. Луман указывает, что конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на «внутриобщественный внешний мир».

В традиционных обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществляются гораздо чаще. Это вызывает «чрезвычайно обременительное подавление», отклоняющее конфликты. В небольших традиционных мирах, структура которых еще близка к системам интеракции (общению лицом к лицу), подавление конфликтов является жизненно важным. Но с ростом населения и возрастанием сложности коммуникаций это условие становится все менее жестким [102, с. 64]. Обратим внимание, что последнее характеризует общество, продуцирующее для коммуникаций сложные условия, которые делают возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно. В целом *эти условия развиваются ввиду трех факторов*.

По мере развития политического господства, способного утвердить свой собственный тип коммуникации, возникает возможность усиливать отклонение коммуникативных предложений того или иного смысла и

одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов. *Первый фактор* заключается в появлении легитимной силы для подавления нелегитимного насилия. Тот, кто распоряжается ресурсами, может сказать «нет», уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилизация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы [102, с. 65].

Второй фактор заключается в появлении права. Теперь в обществе допускаются конфликты, но одновременно они притупляются благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны. Здесь должны соотнестись процедуры умиротворения спора и в конечном счете процесс ориентированного на правила разрешения спора. Н. Луман отмечает, что это производит семантика, осознающаяся как «право». Он приводит пример, когда богач в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему любым коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться – если, конечно, он прав [102, с. 65–66].

Третий фактор характеризует «высокосложностное общество». Он заключается в дифференциации причин конфликтов и тем конфликтов. Н. Луман отмечает, что «унаследованные от марксизма дотошные искания “подлинных” причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем и состоит эволюционное достижение, поскольку сама система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты (экстернализировать)» [102, с. 66–67]. Дальнейшее развитие девиации/варьирования ведет к особым трансформациям семантики. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого опасного движения. Действительность, которая раньше воспринималась

«просто-напросто как то, что не может отрицаться», оказывается творением, всего лишь «видимостью», всего лишь коррелятом сознания. Сегодня же она – как утверждается ныне – всего лишь «конструкция» [102, с. 66–67].

Н. Луман делает интересное умозаключение, касаясь появления нового механизма роста свободы в обществе: «все, что мы можем наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно – в усилении дифференциации варьирования, селекции и рестабилизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах далеко не случайна (таких как распространение легко усвояемой письменности или форм дифференциации общества). Теперь процесс эволюции селекцию и ре-стабилизацию противопоставляет варьированию как самостоятельные процессы и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем» [102, с. 69].

Когда традиционные общества сталкивались с давлением увеличивающегося числа возможных девиаций/вариаций, можно было все еще исходить из необходимости для селекции ориентироваться на Единое, Истинное, Благое. И хотя средства достижения этого «единого космоса» могли оказаться ненадежными, цели не могли подвергаться сомнению. Доверие к единственно верной селекции, в конечном счете определяющей Совершенство, Покой и Стабильность, получала в стратификации и дифференциации на центр/периферию системы общества тайные дополнительные опоры, необходимость которых, по мнению Н. Лумана, сегодня отпадает. «Отныне Новое начинает цениться как таковое, а понятию “критика” придают смысл отклонения критикуемого, при этом “альтернативы” понимаются уже не как чистые опции, а как варианты, которые – и без более тщательной проверки – представляются более предпочтительными, чем нечто наличествующее» [102, с. 69].

Итак, мы фиксируем возникновение и развитие семантической гипертрофии варьирования коммуникации. *Теперь общество ориентируется на новые способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают*

безоговорочной стабильности. «Общество “дифференцирует” между селекцией и стабилизацией – только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее» (Н. Луман).

Варьирование и селекция – разделение данных эволюционных функций обеспечивается уже благодаря тому, что они соотносятся с различными компонентами системы общества: вариация соотнесена с элементами, т.е. с отдельными коммуникациями или социальными практиками, а селекция, напротив, – со структурами, т.е. с образованием процесса ожиданий или социальных норм.

Н. Луман задается вопросом, какие механизмы заботятся о том, чтобы общество заблаговременно настраивалось на одну или другую возможность селекции [102, с. 79]. В чем состоят способы укрепления средств селекции? Наравне с религией появляются другие способы гетерогенного, но функционально-эквивалентного укрепления средств селекции. Развиваются функционально-специфические, символически-генерализированные средства коммуникации (теория генерализированных средств коммуникаций Н. Лумана известна в современной социологической литературе). Селекция, осуществляемая генерализированными средствами коммуникации (власть, деньги, наука и др.), проверяет: можно ли сослаться на истины при осуществлении какого-либо действия и вытекающих из него перспектив; возможно ли профинансировать данную инновацию и достаточно ли власти для ее внедрения вопреки сопротивлению. Если коммуникация – при наличии данных структур – актуализирует отклоняющуюся вариацию, то последняя может уплотняться (или не уплотняться) в новую структуру.

Как уже отмечалось, семантическую гипертрофию варьирования коммуникаций концептуализируют различные теории постмодерна. К примеру, Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе. Часто виртуальные практики,

осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности» или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования. Отметим, что будущее как территория «контрфактуальных возможностей» (Э. Гидденс) невозможно для субъекта, пребывающего в условиях «симмулятивного псевдобытия» (Ж. Бодрийяр).

Операций «различения различения» становится слишком много для человекоразмерной темпоральности. Своими потоками информация привносит в действительность социального субъекта хаос и дезориентацию. «Опасное движение» (Н. Луман) в сторону семантической гипертрофии варьирования коммуникации продолжается. Объемы накопления и скорость информации неуклонно растут. Структуры как ограничения, обеспечивающие возможный порядок, все более уступают девиации/варьированию. Социальная система общества вырабатывает очередное средство ускорения и накопления девиации – социальное виртуальное киберпространство. Возможность «достижения большего числа конфликтов и большего мира одновременно» растет с обретением четвертого фактора – развития сетевого киберпространства.

3.2.1. Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии

Социальная система общества вырабатывает новое, всеобъемлющее средство накопления и ускорения девиации, очередную «формулу спасения» социальной упорядоченности. Считаем, что *рост сетевого коммуникативного пространства дает принципиально новую возможность для реализации потребности в Неотрицаемом, которая выражается в беспрецедентной свободе коммуникации. Сеть составляет новую «формулу спасения» социального порядка. Иначе свою мысль мы бы выразили так:*

сетевые коммуникации воплощают Неотрицаемое и в этом смысле спасают упорядоченность общества, локализуя аномию в виртуальном сетевом пространстве. Тем самым система общества пока еще обеспечивает безопасность самой себя.

Разрегулированность социальных коммуникаций ведет к разладу социальной системы общества в целом. Все чаще исследователи коммуникации обращаются к понятию аномии, фиксируя кризисное состояние различных фрагментов общества. В зависимости от площади социальных пространств, охваченных деструктивными процессами, аномия может быть либо очаговой, либо тотальной.

В.А. Бачинин [19] отмечает, что очаговая аномия, в отличие от тотальной, составляет неотъемлемую принадлежность любой общественной системы на протяжении всей истории ее существования. Очаги беспорядка необходимы системе для поддержания ее же собственной безопасности, что объясняется тем, что тотальная однородность и абсолютная упорядоченность способны сделать систему хрупкой, понизить ее структурную сопротивляемость перед внешними деструктивными воздействиями. Наличие же очагов аномии с характерными для них множествами разнообразных девиаций образуют достаточно широкое пространство несанкционированной свободы для самореализации субъектов. Такие очаги коммуникативного пространства оказываются теми местами, где могут возникать нестандартные модели поведения, обнаруживаться находки и заявлять о себе социальные инновации. Н. Луман этот же процесс реализации несанкционированной свободы усматривает в формировании структур накопления и ускорения девиации.

Как уже отмечалось, основным условием безопасности общества является устойчивость социального порядка на фоне нарастания интенсивности девиации/инновации. Считаем, что с развитием «семантической гипертрофии варьирования» (Н. Луман) коммуникаций в

системе общества продолжает расширяться новый очаг аномии, имеющий свои универсальные характеристики.

Киберпространство имеет уникальное свойство – безгранично реализовывать потребность в Неотрицаемом. В сетевом виртуальном пространстве информационные потоки создают структуры. Всякий раз для коммуникации возникают новые условия ограничения в области допускающих подсоединение коммуникаций. Но говорить о стабильности потоковых структур не приходится. В условиях виртуального сетевого пространства структуры, с одной стороны, ограничивают сферу возможного, с другой стороны, всякий раз меняясь и умножаясь, открывают и приумножают эту сферу. Сетевая коммуникация, не только сама по себе (ее вневчувственность, доступность, интерактивность), но и вследствие роста ее интенсивности (вариативности и скорости), реализует Неотрицаемое. В большей мере девиация располагается отныне в виртуальном сетевом пространстве или в пространстве потоков. Там же формируются новые информационные угрозы общества.

Поскольку *киберпространство* (Интернет) позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым оно является *мощным новым фактором инновационного развития общества.*

С другой стороны, *о современном киберпространстве можно судить как о новом очаге аномии. Общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации).*

Считаем, что сеть Интернет как структура накопления и ускорения девиации/инновации в ближайшее время сохранит баланс безопасности интересов «частного» и «общего». Система общества сохраняет целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов,

выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы частного (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур, отдельных индивидов). Там самым разрешается противоречие, которое заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. «Рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности является, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Эта «колонизация» в большей мере происходит в Сети, позволяя тем самым сохранять статус «общественного» в актуальной действительности общества.

3.2.2. Национальная и государственная безопасность в соотношении общего и частного

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2015 г.) национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав, свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [5]. *Анализ конструкции определения национальной безопасности позволяет судить о том, что национальная безопасность включает как защищенность интересов частного, так и защищенность интересов общего. Суть определения национальной безопасности указывает*

на необходимость поиска баланса интересов субъектов при отстаивании «коренных национальных интересов» страны.

На наш взгляд, вопрос поиска защищенности баланса интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства) составляет существенный аспект проблемы концепта национальной безопасности страны. Здесь *основным элементом нашего методологического ключа служит утверждение о возрастании девиации/инновации как существа проблемы защищенности интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства). Сегодня стабильность уступает вариативности. На смену структуре приходит реструктуризация* (Э. Гидденс). Это составляет мощный вызов удержанию целостности социального. Речь идет о проблемах сохранения и защиты таких фундаментальных составляющих культуры, как национальный язык, история народа, его система ценностей, традиции, архитектура места проживания и др. – то, что задает и культивирует идентификацию отдельной личности, отдельного сообщества. *Девиация/инновация в виде информационных потоков размывает фундамент жизни и культуры народа. Что есть сегодня государство? Это «бастион» по защите целостности, пожалуй, последний и главный институт общества. Такими «бастионами» перестают быть даже и семья, даже и религия.*

В контексте сказанного *национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите и интересов частного, и интересов целого; это и защита права на девиацию/инновацию, и защита нормы, закона как ограничения коммуникации/практики, гаранта безопасности целостности и упорядоченности, стабильности. Государственная безопасность предполагает иное – прежде всего защиту целостности и порядка. В этом смысле система государственной безопасности по природе своей противостоит девиации/инновации как вариативности коммуникации (вариативности социальных практик), нарушающей порядок.*

Если говорить о возрастании вариативности коммуникации как о росте частоты информационного взаимодействия или росте интенсивности информационных потоков, то *государственная безопасность является обеспечением информационной безопасности целого (социума в целом), и в связи с этим в большей мере защитой от информации (девиации/инновации), разрушающей устойчивость и системность социального организма.* Недаром для нормативных государственных документов характерен подход к пониманию информационной безопасности как защиты информации (технический аспект) и защиты от информации (психологический аспект). В контексте сказанного *национальная безопасность – это обеспечение безопасности роста вариативности и виртуализации социальных практик (право личности на информацию) при защите целого (обеспечении государственной и общественной безопасности).*

3.3. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности

Сетевые практики обеспечения информационной безопасности имеют ряд особенностей, которые задаются характером социальных практик в киберпространстве и сетевой, потоковой организацией виртуального социального пространства Интернета.

В целом после рассмотрения основных подходов к анализу сетевого коммуникативного пространства, можно утверждать, что *сетевые практики обеспечения информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы. Места (территории) теперь определяются производными функциональных узлов сети.* Другими словами, решения принимаются в Сети, но осуществляются локально и территориально. Событие «на месте» становится производным от события в сетевом узле. На наш взгляд, эта особенность лежит в основаниях существования практик обеспечения информационной безопасности. К примеру, сегодня

агрессор может вести информационные войны на любых территориях, находясь в удобном для него месте и в любое время, сохраняя свою анонимность.

Остановимся на особенностях нормированности сетевых практик в контексте проблемы информационной безопасности.

Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова верно отмечают, что «основополагающим качеством киберпространства является зависимость его формальных характеристик от представлений и склонностей его создателей (их знания и умения, профессиональные навыки и привычки, уровень интеллектуального развития, этические взгляды и эстетические потребности, формы и способы взаимного общения в рамках сообщества профессионалов-кибернетчиков и за его пределами). При этом оно имеет совершенно особые качества: беспространственность (существование *нигде*) и прекращение действия физических законов» [93]. Такие наблюдения зависимости качеств Сети от особенностей ее создателей и ее беспространственность также важно брать во внимание в анализе сетевых практик.

Многие исследователи считают, что сеть Интернет имеет практически статус полноценной субкультуры. Л.О. Пережогин указывает на необходимые признаки, позволяющие констатировать формирование полноценной самостоятельной интернет-культуры: «собственный сленг, внутренняя иерархия, набор устоявшихся идей, составляющих мировоззренческую позицию членов субкультуры, определенные этические нормы, достаточное количество формальных и неформальных лидеров, создающих вокруг себя устойчивые сообщества пользователей и осуществляющих в них идейное предводительство. Как всякая субкультура, Интернет объединяет большие группы населения, формирует круг интересов и общения, стимулирует развитие межличностных отношений и имеет свои положительные и отрицательные факторы влияния на индивидуальную сферу психологической деятельности своих членов» [407].

На наш взгляд, утверждение о киберпространстве как о сложившейся субкультуре имеет под собой основание, если мы говорим о жизнедеятельности локальных, персональных сетей социального характера или микросетей. Подобного рода сети выстраиваются пользователями, в том числе, для реализации и защиты своих интересов. Можно сказать, что *формирование персональных микросетей является общей особенностью сетевых практик обеспечения информационной безопасности, а также универсальным способом воздействия на функциональные макросети (сети слабых связей)*. В некотором смысле *персональные микросети можно рассматривать как «плотные сети» капитала мобильности, а функциональные макросети – сети слабых связей, также составляющие капитал мобильности субъекта. Напомним, что эти два типа сетевых ресурсов выполняют различные функции в обеспечении информационной безопасности*. В настоящем исследовании сделаем предположение о том, что *в условиях «плотных сетей» практики обеспечения информационной безопасности реализуются, в том числе, для решения проблемы избыточной и устаревшей информации*. Информация утрачивает характер избыточности после фильтрации и обработки ее группой акторов–членов микросети, между которыми существует доверие. «Плотные сети» также более эффективно решают вопрос устаревшей информации, мобильно выявляя ее неактуальность.

В условиях «сетей слабых связей» практики информационной безопасности решают иные задачи – ориентации субъекта в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов.

В поисках особенностей практик обеспечения информационной безопасности важно обратить внимание на то, что в киберпространстве происходит дестабилизация социального нормативного регулирования. Идет откат к многофакторному регулированию (Г.В. Мальцев) нормы. Все чаще регулятором отношений становится не норма, а ценность (С. Лэш). Мы

разделяем утверждение о том, что существует первичное и вторичное регулирование взаимодействий в обществе [107]. Между социальными ограничениями различных уровней, так же как между регуляторами различных уровней существуют своего рода ранговые отношения. Над потребностями, интересами возвышается универсальный регулятор и социальный ограничитель – социальная норма, которая может их контролировать, смягчать, «приглаживать», признавать или не признавать. Высший социальный контроль воплощается в социальном нормативном регулировании. Норма интегрирует социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недостающий им элемент всеобщности. Личный интерес человека, который признан и опосредован нормой, становится всеобщим. Носитель этого интереса может рассчитывать на его беспрепятственную реализацию, пока соответствующая норма является действительной. Норма есть наиболее совершенный инструмент регулирования, она представляет собой высшую организацию социального контроля. Норма появляется там, где все другие регуляторы – интересы, цели, ценности и т.д. – действуют ненадежно или вообще не могут работать. Г.В. Мальцев отмечает, что «социальная норма лежит в основании соционормативного регулирования – самого надежного уровня регулирования общественных отношений, который следует после многофакторного и психического уровня регуляции поведения» [107, с. 21]. «Множественность и непосредственный характер таких регуляторов, как потребности, интересы, цели, взятые не в абстрактной форме понятия, а как реальные, присущие субъекту мотивации его поведения, приводят к тому, что основная, “черновая” регулятивная работа осуществляется на многофакторном уровне. Бывает, что норма появляется позже, часто приходит на “готовое”, выступая в контролирующей и охранительной роли по отношению к тому, что уже создано посредством интересов и ценностей.

Нормативное регулирование опирается на регуляцию многофакторную, оно не может без нее обойтись, вынуждено воспринимать и продолжать

выработанные в ней тенденции, идти тем же курсом. Однако в нормативном регулировании не было бы нужды, если бы оно являлось всего лишь санкционированием того поведения, которое диктуется потребностями, интересами и ценностями. Такие виды нормативного регулирования, как правовое, моральное и религиозное, обладают высокой способностью сопротивляться “диктатуре интересов и ценностей”. Это особенно важно, когда интересы чрезмерно субъективизированы, а ценности слишком идеализированы» [107, с. 21].

Фактором, регулирующим социальные отношения, может выступать любое существенное обстоятельство (интересы, цели, мотивы, взгляды, традиции и т.д.), от которого зависит развитие социального процесса. Такие факторы, постоянно или временно выступающие в качестве социальных регуляторов, как правило, весьма подвижны, образуют в совокупности огромную динамическую массу, которую не удастся рационально организовывать. Первичная факторная регуляция является «полем побудительных сил», в рамках которого отдельные процессы и структуры часто движутся при наличии «силовых равнодействий» в сторону, не предусмотренную идейными предначертаниями и общественными программами.

Автор согласен с Г.В. Мальцевым, что современное общество переживает ослабление вторичного регулирования – нормативного и рост многофакторного. Большинство факторов, выполняющих функции социальных регуляторов, находятся в ведении человеческого сознания, могут направляться и контролироваться им, но они не всегда стабильны, постоянны, находятся перманентно в стадии формирования и трансформации, распадаются и исчезают, претерпевают функциональные изменения, оказывают побочные нежелательные воздействия на общество. В области многофакторного регулирования человеческое сознание не может долго и надежно удерживать преобладающие позиции [107, с. 18].

Дальнейшее усложнение социальных взаимодействий и рост их интенсивности в условиях киберпространства ведет также к формированию видимого упрощения нормы. *«Откат» к многофакторному регулированию и упрощение социальной нормы способствуют развитию многоканальности и высокой плотности логистических путей, по которым осуществляются сетевые практики. Практики безопасности в сети обусловлены матричной природой сетевого пространства или свойством клонируемости ячеек сети, что позволяет охватывать трансформации крупных массивов объектов. С другой стороны, каждая ячейка сети способна не только клонировать матричную ячейку, но и реализовывать индивидуальное начало, что обуславливает возможность высокой вариативности практик безопасности.*

Говорить о появлении новых норм-ограничений в контексте понимания эволюции как «роста потребности в Неотрицаемом» на первый взгляд абсурдно. Тем не менее, можно предположить, что сетевое коммуникативное пространство вырабатывает свою упорядоченность, представленную новой системой социальных ограничений коммуникаций/практик. Интересы субъектов остаются, развиваются и умножаются, а значит, как всегда, необходима некоторая упорядоченность как гарант безопасного взаимодействия, которая, в свою очередь, умножается. Такому состоянию свойственна немалая степень спонтанности, случайности, неорганизованности социального взаимодействия.

На наш взгляд, метафорой упорядоченности социального киберпространства является *неорганизованность порядка, но ситуативная организованность интеракций ввиду многофакторности регуляции коммуникаций*. Эту неорганизованность порядка можно увидеть через концепт «нелинейного глоболокального социума», развиваемого С.А. Кравченко [88].

С.А. Кравченко отмечает, что в настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социальная реальность. Мир на

глобальном и на локальном уровнях сталкивается с усложняющейся социокультурной динамикой общества, невиданными ранее бифуркациями. В условиях глобализации конкретные культуры, подвергаясь изменениям, начинают не только активно противодействовать, но и рефлексировать, стремясь поддерживать свою идентичность. Со своей стороны местные, культурные особенности, представленные, в том числе, в персональных, локальных сетях, влияют на характер рефлексии самой глобализации, того социума, который продуцирует глобальные виртуальные сети.

Новые социокультурные реалии несут неопределенность и риски. Отныне приходится жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных авторитетов. Растет осведомленность о том, что новые культурные реалии перестают быть однозначно «хорошими» или «враждебными»; они амбивалентны, ибо несут с собой не только очевидные блага, но подчас скрытые опасности.

В жизни общества зарождается более сложное, рефлексивное осмысление свободы – «парадоксальная свобода». Ее сущностными характеристиками являются неизбежное навязывание и принятие на себя ответственности за явные и латентные последствия рисков: социальный субъект поставлен в условия жизни, когда необходимо постоянно выбирать, просто нельзя не выбирать что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного, явного или латентного рисков. Оценки сделанного выбора активно варьируются в социокультурном пространстве и изменяются во времени. Выбор, оказавшийся функциональным, эффективным для одного культурного пространства, не является универсальным для других культур [88, с. 6]. Девиация в одном ценностно-нормативном пространстве становится инновацией в другом. *Нормой практик обеспечения безопасности становится «свобода риска».*

Новый порядок ведет к появлению принципиально новых форм социального протеста, имеющих своеобразный глобальный дискурс. Если раньше основу протеста составляли институционализированные коллективные

акторы, то теперь им на смену приходит «конвергенция разных типов акторов». С.А. Кравченко отмечает, что значительно сложнее влиять на крайне радикальные, неинституционализированные формы протеста. Они способны породить «мучеников за “истинную” культуру, веру» и, соответственно, риски терроризма [88]. Новые формы протеста сегодня зарождаются и реализуются прежде всего в сетевом пространстве Интернета.

Уже отмечалось, что настоящее исследование исходит из утверждения о безопасности как об устойчивости порядка в условиях роста девиации, где девиация является и инновацией. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс отмечают, что проблема инновационных рисков состоит в систематической незащищенности человека перед угрозами, вызванными модернизацией и являющимися следствиями нерационального использования достижения научно-технического прогресса [172, с. 45]. С другой стороны, незащищенность человека вызвана парадоксальным характером индивидуализации в обществе, корни которого таятся в характере жизни в условиях «текущей современности». Сегодня рост обособленности личности, ее индивидуализация углубляют «дисбаланс между индивидуальной свободой и безопасностью» (З. Бауман).

На наш взгляд, с этим связано некоторое передвижение фокуса зрения общества от нормы к ценности, которое фиксируется социальной теорией. В большей мере подобный переход отмечают аналитики сетевого коммуникативного пространства. С. Лэш, анализирует общество в категориях «нормы» и «ценности». Он указывает, что организации предполагают нормы, а «неорганизации» основаны на ценностях. Норма допускает процедуры, а «неорганизации» (ассоциации) оперируют скорее с ценностями, чем с нормами. «Неорганизации» не являются ни традиционными сообществами, ни общественными формами, подобными организациям или институтам. Они выступают, скорее рефлексивными сообществами [436].

В современном киберпространстве в большей мере развивается ориентация на ценность, а не ориентация на норму. С другой стороны,

отсутствие единой ценностной системы является еще одной особенностью сетевого «социального порядка», порождающего многообразие и развитие толерантности. Современность характеризуется ориентацией на новые способы селекции, не предполагающие в перспективе стабильности. Это происходит только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее. Сеть Интернет составляет пространство наибольшей плотности и интенсивности коммуникации. Именно в социальном пространстве Сети давление со стороны инновации (девиации) усиливается и перерабатывается все быстрее. Сетевое киберпространство является эпицентром как возможностей реализации «потребности в Неотрицаемом», так и роста различных информационных угроз для реализации этой потребности.

О появлении новых форм нормирования в Сети можно косвенно судить через призму анализа потоковых структур, предложенного Д.В. Ивановым. В своих рассуждениях о судьбах современной социальности мы уже обращались к идеям Д.В. Иванова. Различные типы социальных структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков (вещей, людей, сообщений), определяют различные формы координации в социуме. Уже отмечалось: Д.В. Иванов считает, что эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности - на фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей потоки предстают как феномены антисоциальные или альтерсоциальные [246]. Вероятно, под «абсолютной» социальностью подразумевается «абсолютная», обязательная устойчивая нормированность практик. Вслед за теоретиком мы различаем несколько социальных пространств, соседствующих в сети Интернет и организованных различными способами нормирования: 1. институциональное пространство, 2. пространство частной и ситуативной интеракции, 3. пространство социальной сети с характеристиками «относительной социальности» и 4.

пространство потоков, представленных «антисоциальностью». «Антисоциальность» понимается нами как полное отсутствие нормы. Можно предположить, что четыре типа социального пространства в Интернете составляют четыре различные формы социальных ограничений, которым соответствуют различные практики обеспечения безопасности.

Д.В. Иванов утверждает, что «гибкие, селективные и поддерживаемые в большей мере символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети представляют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но не редуцируемую к агентности. Сеть как своего рода мезосоциальный феномен «вклинивается» в проблемный континуум «макро-микро» между интеракциями и нормативными системами. Отношения между участниками сети в этом континууме оказываются чем-то совершенно новым и открывают перспективу исследования новых структур в давно известных явлениях, поскольку не сводят их ни к индивидуальным мотивам, ни к институционально диктуемым паттернам» [246].

Сеть не просто состоит из самозарождающихся узлов и коммуникаций, а представляет собой пространство потоков (М. Кастельс, Д. В. Иванов). М. Кастельс справедливо утверждает, что возникла «новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки» [81, с. 338]. Уже отмечалось, что различные типы структур, задаваемые направленностью, плотностью и интенсивностью информационных потоков создают различные формы координации в социуме. Можно предположить, что *критерием обеспечения безопасности (устойчивости в условиях изменчивости) в киберпространстве является направленность, плотность и интенсивность информационных потоков или сетей*. Относительно этих переменных субъект вырабатывает тот тип социальной практики, которая соответствует одному из видов социальности (или уровню интенсивности информационного коммуникативного потока).

Виды социальности, в том числе, различаются по скорости времени, в котором осуществляются коммуникации.

Представляют интерес замечания А.В. Назарчука по поводу значимости скоростных режимов времени для эффективности социальных практик. Он пишет: «Поскольку время единопавлено, источник различия в нем – не маршрут, а возможность ускорения и замедления, т.е. темп. Темпы в музыке задают совершенно разные динамические миры, темпы в социальной жизни обуславливают совершенно разный жизненный профиль. Коль скоро современные общества оказываются способны генерировать вместе со временем изменения и приросты, понятие темпа жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности, производительности труда, а следовательно, процветания общества. Социальным богатством, в отличие от колониальной эпохи, начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом пространства (пространство не несет в себе приростов), а те, которые способны организовывать время и увеличивать жизненные темпы и производительность. Критерием социального совершенства становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного. Задача успеть вдвое больше за тот же промежуток времени – предъявляет колоссальные требования к состоянию и “спортивной форме” общественного организма. Но возможностей выскочить из этой гонки ни у одной страны в глобальном обществе нет» [275]. *Считаем, что ведение информационной игры в условиях взаимосплетения различных темпоральных пространств социального мира является еще одной из фундаментальных установок настоящего и будущего в ведении информационного противоборства и обеспечении информационной безопасности.*

В рамках подобных размышлений обратимся к понятию «временного разрыва». «Временные разрывы в социальном пространстве были всегда, но в глобализирующемся обществе они начинают преодолеваются, генерируя новый профиль общества. Сегодня разные цивилизации, следуя С.

Хантингтону, вынуждены сосуществовать в едином времени. Между культурно-цивилизационными областями (С. Хантингтон насчитывает их восемь) существуют разрывы, которые в ряде случаев, например, если сравнивать Африку и Европу, являются гораздо более разительными, чем между римлянами и варварами. Но это разрывы единого времени, единой цивилизации. Разрывы могут быть и внутри одного общества, причем не обязательно в отношении маргинальных слоев в обществе. Временные разрывы могут культивироваться и социально одобряться, например в отношении к религиозному образу жизни общин монахов или явлениям традиции (борьба на японских мечах и т.д.). Временные реминисценции являются важнейшим для культуры способом идентификации и сохранения своей специфики» [275].

Для нас понятие временного разрыва является методологическим функционалом в рамках темпорального вектора в осмыслении обеспечения информационной безопасности. Если «структурные дыры» – метафора, указывающая на особенности организации коммуникаций в условиях сетей, то «временные разрывы», как некоторое понятие, работает в определении социальных взаимодействий более масштабного характера. В большинстве случаев временные разрывы являются деструктивным явлением для общества. Различные социальные агенты, слои и субкультуры задают разные темпы жизни.

«Поскольку общество роста ориентировано на максимизацию изменений, в нем заложено присутствие как передовиков, так и отстающих, т.е. эффект увеличения расстояния между первыми и последними. Если это расстояние столь велико, что участие в “гонке” теряет смысл, ее участники могут выпадать из единого времени, в котором их объединяет “гонка”. Для тех, кто решает в ней не участвовать, темп времени радикально меняется. Время “гонщиков” экстернализируется для них, т.е. теряет смысл, который ощущают полноценные участники. С этого момента движение участников гонки представляется им хаотической суетой, не более. Точно так же для

участников гонки выпавшие из нее выпадают из времени, оказываются в застывшем “безвременье”. Речь идет о разрыве времени, о разных социальных временах, сосуществующих рядом. Точкой пересечения разных социальных времен является время физическое. Физическое время служит единственным окном, где они встречаются, но также единственным способом и поводом к конфликту. Через это окно представители иного времени, например времени квазисредневекового исламского фундаментализма, могут пытаться разрушить актуальное время, терроризируя из своего времени иные времена. Но и представители “последующих времен” имеют возможность, и гораздо более широкую, через физическое время внедряться во “времена прошлые”. Таким внедрением служат, к примеру, формы колониальной практики, когда “чужие” начинают на территории “иного времени” расстраивать свои колонии, внедрять свое время. Этот процесс имеет колоссальные социально-разрушительные последствия. Для аборигенов сокращается область “их” времени, время приобретает границы, ибо в любой момент можно оказаться на территории чужого времени, точнее, чужое время может оказаться там, где находишься ты. Временная неопределенность дестабилизирует бытие, хаотизирует весь жизненный ритм, порождая социальную аномию» [275]. Считаем, что временные разрывы можно преодолевать и создавать, увеличивать и уменьшать, просчитывать их распространенность в пространстве и прогнозировать в целях реализации интересов и обеспечения информационной безопасности.

На наш взгляд, подобные наблюдения значения времени и ритмов практик имеют прямое отношение к выводам об особенностях осуществления сетевых практик информационной безопасности относительно различных идентификаций и темпоральных возможностей субъектов и в целом отдельных сетевых ресурсов (мобильных капиталов). Очередная вариативность практики одновременно является и инновацией, и девиацией, и угрозой. Возникает вопрос – для кого? Мы уже отмечали, что как минимум различают общества с высоким уровнем циркуляции потоков и

общества с низким уровнем циркуляции потоков. Соответственно существуют как минимум две модели обеспечения социальной безопасности (первая глава). Практики обеспечения информационной безопасности задаются таким критерием, как уровень интенсивности коммуникации. (вторая глава). Можно добавить, что обеспечение *информационной безопасности, прежде всего в Интернете, – это практики культивирования темпоральных разрывов или практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.*

На наш взгляд, *темпоральные разрывы – это разрывы, в том числе, между практиками различных социальностей (по Д. Иванову), когда субъект, к примеру, реализует и защищает свои интересы как в институциональной среде, так и на уровне «альтерсоциальности». Практики преодоления разрывов, соответственно, являются результатом обретения нескольких форм социальности или результатом «овладения временем» (В.Н. Муравьев).*

Сетевое киберпространство мы рассматриваем как пространство «комфортабельной анонии», где комфортабельность обусловлена покоем и безопасностью тела, анонимностью субъекта. Н.Д. Чеботарева приводит «ряд свойств Интернета как коммуникационной среды:

– анонимность побуждает к игре с личной самопрезентацией и предоставляет возможность управлять впечатлением о себе, “убежать от собственного тела”, способствует психологической раскрепощенности, ненормативности в проявлении большей свободы высказываний и поступков, в проигрывании нереализуемых в деятельности вне сети, не ограниченных социальными нормами ролей и сценариев;

– своеобразие протекания процессов межличностного восприятия: территориальная доступность и физическая привлекательность утрачивают

свое регулирующее значение и общение строится благодаря сходству установок, убеждений и ценностей;

– добровольность и желательность контактов, возможность их прерывания в любой момент;

– затрудненность эмоционального компонента общения и, в то же время стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста» [412].

Свойство анонимности интернет-коммуникаций имеет несколько граней: «вследствие физического отсутствия участников в акте коммуникаций можно выражать чувства, скрывать их, а также выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает; теряет свое значение ряд барьеров общения, обусловленных полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью, а также невербальной составляющей коммуникативной компетентности партнеров; возникает возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору, при этом обогащаются возможности не только самораскрытия человека, но и конструирования своего образа по своему выбору» [397].

Следствием анонимности и защищенности от оценок является субъективная безопасность Интернета [80], которая и ведет к развитию безнормности и, потенциально, к особому состоянию аномии.

Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова отмечают, что чувство анонимности носит иллюзорный характер – «практически любое действие в Интернете может быть отслежено. Но даже если человек знает, что за ним наблюдают, виртуальный мир представляется ему анонимным, поскольку его наблюдение визуально. Возможность говорить от лица другого человека ведет к возникновению чувства анонимности, ощущению одиночества в толпе» [93].

Вместе с анонимностью приходит и состояние «расторможенности» [93]. Л.О. Пережогин указывает, что «в условиях отсутствия внешних ограничений, регулирующих поведение в реальном социальном мире, – материальных ограничений, моральной цензуры, художественной критики,

политических и конъюнктурных влияний – практически беспрепятственно могут реализовываться разного рода патологические идеи (например, создаваться «художественные» произведения или опробоваться транссексуальная идентичность)» [407].

Анонимность провоцирует особую эмоциональную окрашенность поведения в Интернете. «В условиях субъективной безопасности, во-первых, исчезает детерминированность поступков, человек делает не то, что должен, а то, что хочет; во-вторых, образ партнера приобретает таинственность, непонятное же всегда притягивает, и если человек открывается, то это придает отношениям определенную интимность; в-третьих, отсутствие ответственности, случайность встреч и всегда существующая возможность в любой момент прервать связь и навсегда исчезнуть в не имеющей границ Сети позволяет людям быть более откровенными, чем в реальности» [405].

Можно отметить, что анонимность и эмоциональность поведения пользователей в сети Интернета связываются авторами как причина и следствие (В.Ю. Нестеров, А.Е. Жичкина, Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова и др.).

Мы предлагаем видение новых норм/ценностей, развивающихся в сетевом пространстве – *нормы комфортабельной анонии* и такой нормы как *свобода риска* (С.А. Кравченко). Обязательными становятся свобода и риск в принятии решений. Общеизвестно определение современного общества в традиции Франкфуртской школы: современность – это общество комфортабельной несвободы. Г. Маркузе считает, что развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. «Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, утрачивают свое традиционное рациональное основание и содержание и при переходе этого общества на более высокую ступень сдают свои позиции. Свобода мысли, слова, совести – как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они

служили, – первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры, более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию, они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки» [108, с. 17–18].

В обществе «комфортабельной несвободы» основные социальные ограничения организуются такими формами контроля, как потребление и коммерциализированная массовая культура. На наш взгляд, это сквозное определение социального порядка современности, которое работает как в неvirtуальном мире актуальной реальности, так и в виртуальном сетевом пространстве. Но работа эта происходит по-разному. Если в неvirtуальном мире идет дальнейшее культивирование комфортабельной несвободы, то в виртуальном пространстве человек реализует для себя не негативную, а позитивную свободу аутсайдера. Два этих противоположных по своим характеристикам процесса присущи действиям одного индивида.

Постсовременность разворачивается для наблюдателя своей виртуальной гранью: комфортабельная несвобода дополняется комфортабельной аномией виртуального социального пространства. Традиционные практики защиты информации и от информации усложняются ввиду развития виртуальной социальной реальности киберпространства. На наш взгляд, свобода риска и комфортабельность безнормности становятся атрибутом сетевых практик обеспечения информационной безопасности.

Состояние «комфортабельной аномии» и «свободы риска» актора ведет к информационной избыточности и усилению «разлома» между виртуальным и реальным мирами (В.И. Игнатъев), что сказывается на росте условности сетевых практик информационной безопасности. Это же явление выражено в гипертрофии вариативности коммуникаций, которое описано нами выше.

Чем больше масштаб и влияние циркуляции сетевых потоков, тем разнообразнее бремя мобильности и тем больше вероятность различных типов вынужденного движения (Дж. Урри). Можно говорить о такой

особенности сетевых практик информационной безопасности, как «бремя мобильности». Другими словами, сетевые практики обеспечения информационной безопасности сегодня – это необходимость, которая становится атрибутом современной жизни любого социального субъекта, требующая неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, «бремя» свободы и риска. Возможно предположить, что избыток информации провоцирует гипертрофию практик информационной безопасности. Последнее, на наш взгляд, является проблемой будущего и необходимым вектором для последующих исследований.

Рост скорости и, соответственно, рефлексивности взаимодействий ведут, в том числе, к активизации конструктивизма и игровых практик. В качестве теоретико-методологической перспективы в исследовании понятия информационной безопасности хотелось бы предложить подход-метафору к определению. Информационная безопасность – это скорость, осведомленность и «игра», где под игрой подразумевается защита информации и защита от информации. Игру можно понимать как защиту информации и от информации в условиях роста условности и контрфактуальности социальных событий – с одной стороны. С другой стороны, игру возможно интерпретировать как социальную технологию в обеспечении осведомленности (опять же) в условиях условности, риска и контрфактуальности социального мира. Считаем, что за таким посылом к осмыслению феномена обеспечения информационной безопасности стоят ряд социальных теорий (Й. Хейзинга, И. Гофмана, Дж. Мида, Г. Блумера и др.). Их осмысление в контексте рассматриваемой проблемы требует дальнейших исследований, которые еще предстоят.

3.4. Основные типы угроз в условиях Интернета

Итак, сетевые практики обеспечения безопасности имеют общие характеристики, обусловленные особенностями сетевого коммуникативного пространства как новой социальной средой. В условиях киберпространства эти характеристики актуализируются информационными угрозами, которые возможно рассматривать посредством различения на основные типы (группы).

В нашем исследовании важным является утверждение о том, что защищенность собственных информационных ресурсов не гарантирует информационной безопасности для субъекта, поскольку даже достигнутое преимущество в обладании той или иной информацией может быть оценено только в соотношении с информационными ресурсами другого субъекта. В силу этого вторая сторона информационной безопасности заключается в предельно возможной степени ориентации во всей информационной сфере. Недостаточность информированности может привести к принятию неадекватных решений. В этом смысле правильно трактовать состояние субъекта, принимающего такое решение, как находящегося в информационной опасности. Мы придерживаемся подхода, который выделяет защиту собственных информационных ресурсов лишь как часть информационной безопасности, информационная безопасность не сводится только к защите информации. Благополучие личности и общества, устойчивость социального порядка, защита информационного суверенитета государства обеспечиваются получением оперативной информации об особенностях социальной среды, о динамике развития социальных процессов.

Определяющим в информационной безопасности социального субъекта является ориентация в информации, циркулирующей в сети, а также наличие возможностей и средств для отражения возникающих угроз, что предполагает доступ к информации и наличие собственных информационных

и аналитических ресурсов. Информационная угроза возникает, в том числе, тогда, когда субъект по каким-либо причинам не может воспользоваться циркулирующей в информационном пространстве информацией, которая необходима для принятия соответствующих решений. Само же отражение возникающих угроз при их осознании субъектом связано лишь с наличием или отсутствием у него средств их отражения. Предельная возможность ориентации в информационной сфере предполагает ряд условий. Важнейшее из них – *рефлексивное структурирование субъектом информационного пространства, в частности киберпространства, относительно основных угроз его безопасности*. Выделим основные типы угроз безопасности в условиях Интернета, связанных с особенностями сетевых коммуникаций.

Наиболее опасным источником угроз интересам и здоровью личности считают существенное расширение возможности манипулирования сознанием человека за счет формирования вокруг индивида индивидуального «виртуального информационного пространства», а также возможности использования различных технологий воздействия на его психическую деятельность. Негативным последствием чрезмерного использования сети является информационная перегрузка. В обществе появилась интернет-зависимость, которая порождает психосоциальную депривацию – состояние, ведущее «к недостаточному удовлетворению информационно-коммуникативных и других видов потребностей и, как следствие, к деформации или качественным изменениям личностных, социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей» [261].

Н.В. Корытникова отмечает особым проявлением депривации в современном обществе является социально-психологическое преследование. «Многие контакты в современном безличном городском пространстве начинаются с ненавязчивого общения, которое на последующих стадиях знакомства незаметно превращаются в назойливые действия. Далее начинается процесс анонимного или явного преследования, когда для получения сведений о партнере по коммуникации требуются новые

источники добычи информации, необходимой для продолжения и развития социальных и личностных отношений в виртуальном или оффлайновом мире. Чтобы больше узнать о другом человеке, повлиять на его действия, получить скрытые и тайные сведения о нем, преследователь подключает богатые на подобного рода информацию Интернет-источники. Он наблюдает за поведением преследуемой личности в сети, вскрывает почтовые электронные ящики для просмотра его переписки, посылает анонимные сообщения на страницы в социальных сетях. Более серьезные формы социально-психологического преследования включают публичную клевету, распространение ложной информации, прямые угрозы через формы Интернет-общение» [261, с. 78].

Угрозы, связанные с использованием различных технологий воздействия на сознание личности умножаются с ростом еще одной проблемы. Интернет-технологии позволяют эффективно собирать и использовать во вред интересам персональные данные, накапливаемые коммерческими структурами, органами государственной власти. С развитием телекоммуникационных технологий растут возможности скрытого сбора информации, составляющей личную и семейную тайну личности, сведений о ее частной жизни.

Сетевые коммуникации сегодня являются условием качественно новой возможности концентрации средств массовой информации в руках небольшой группы собственников, и прежде всего зарубежной. Этот процесс предполагает слияние различных медийных средств (СМИ), в результате чего большинство их сосредоточивается в руках относительно небольшого числа владельцев. Происходит комбинирование традиционных и новых медиа, прежде всего Интернета и телевидения, с целью превращения кабельных каналов в «веб-порталы» и интернет-магазины, где продаются продукты нового интегрированного медийного рынка. Современное сетевое информационное пространство характеризуется медиаглобализацией. В этот процесс включено относительно небольшое число экономических субъектов:

речь идет о таких транснациональных корпорациях, как, например, Тайм Уорнер, Сони, Уолт Дисней Компании, Мацушита и др., которые создают новые – глобальные или региональные – медиаканалы: Би-Скай-Би, Си-Эн-Эн, MTV [171]. Постепенно формируется новый глобальный медиарынок – информационные супермагистралы. Их называют «новыми электронными медиа», чтобы отделить их от обычных медиа, к которым относятся печать, радио, телевидение.

Новые электронные медиа обладают почти безграничными возможностями передачи любой информации любым ее отправителем в различных направлениях. Важно отметить, что медийные информационные потоки формируются в интересах владельцев транснациональных информационных агентств. Подобные обстоятельства приводят к угрозам манипулирования общественным мнением разных стран по отношению к тем или другим значимым событиям. Будучи носителями инструментального универсализма сетевой глобализации мировые медиа способствуют деформации моральных устоев обществ, их национальных культур путем навязывания чуждых западных ценностей. Сетевые коммуникации сами по себе являются просто эффективной технологией для успешного развития бизнеса владельцев транснациональных информационных агентств. Быть может мировой капитал не ставит своей целью разрушение нормативно-ценностной системы нашего общества, но он стремится распространить свои «правила игры», свою логику экономического, социального действия, с тем чтобы реализовывать политические, коммерческие проекты в адаптивной для себя среде.

Российское государство сегодня также начинает развивать свои мировые медийные ресурсы. Все более известным становится Russia Today – российская международная многоязычная информационная телевизионная компания. Её основной англоязычный канал RT International стал первым российским информационным телеканалом, ведущий круглосуточное вещание на английском языке. В 2013 году RT International подтвердил

статус крупнейшего поставщика новостного контента на международном видеохостинге, став первым в мире новостным телеканалом, который преодолел отметку в 1 млрд просмотров.

Транснациональные информационные агентства выполняют также заказы, продиктованные ведущими геополитическими игроками. Ярким тому примером является мощная подача заведомо ложной информации о нападении России на Украину в 2014 году. В целом масштабы и интенсивность информационной войны вокруг украинского кризиса, событий в Сирии, связанных с борьбой с «Исламским государством», во многом обусловлены массовым распространением информационно-телекоммуникационных технологий и активным вовлечением населения развитых стран в социальные медиа. В этих условиях существует возможность не только вести массированную адресную пропаганду без существенных финансовых затрат, но и оценивать эффективность такого воздействия, а также вносить коррективы в реальном масштабе времени.

Как показывают украинские события, манипулирование государственными средствами массовой информации и социальными медиа позволяет создавать в мировом общественном мнении «альтернативные реальности», разительно отличающиеся, а иногда и противоречащие объективной действительности.

Медийные структуры в Интернете являются полем борьбы и эффективным инструментом в ведении глобальных и локальных войн. Сетевые медиа-коммуникации – это далеко не только «сайты офлайновых СМИ». Под ними подразумевают разнообразные дискуссионные площадки в виде чатов, форумов, клубов, блогов, социальных сетей и другие информационные ресурсы. Сегодня становится общепризнанным утверждение о том, что по сравнению с традиционными методами ведения войн, альтернативным вариантом уничтожения противника, при котором риск получения ответного удара отсутствует или минимален, является

информационно-психологическое воздействие на граждан страны противника или информационная война.

Такая альтернатива позволяет решать и локальные задачи. Например, речь может идти о повышении эффективности в локальных военных конфликтах, оказании давления на правительства, манипулировании рынками, – существует масса вариантов применения информационных войн. И.Ю. Нежданов отмечает, что если раньше основным инструментом информационных войн были СМИ, то сейчас им стал Интернет [277, с.18]. Такие информационные войны агрессор может вести на любых территориях, находясь в удобном для него месте и в любое время, сохраняя свою анонимность.

С начала 2011 года Пентагон развивает систему SMISC (Social Media in Cotrategic Communication – социальные медиа в стратегической коммуникации), которая отслеживает все политические дискуссии в Интернете и устанавливает, является ли конкретная дискуссия случайным спором или пропагандистской операцией. Заявленные цели проекта работы SMISC таковы:

- обнаружение, классификация, измерение и отслеживание образования идей и концепций (мемов) и целенаправленного распространения сообщений и дезинформации;
- распознавание структур пропагандистских кампаний и операций влияния на сайтах и в сообществах социальных медиа;
- идентификация участников и их намерений, измерение эффекта кампаний влияния;
- противодействие враждебным кампаниям влияния с помощью контрсообщений.

Фактически SMISC может быстро отмечать слухи и появляющиеся темы в социальных медиа, вычислять, кто и что за этим стоит и выстраивать противодействие. SMISC способна понять – внутренним ли продуктом коллективного разума общества явилась та или иная тема и дискуссия или же

это результат пропагандистской операции со стороны враждебного государства или группы. Как только SMISC улавливает, что была запущена операция влияния, она помогает бороться с ней, отправляя контрсообщения, или самостоятельно запускает манипулятивные процессы [277, с.18–19].

В связи с приведенными рассуждениями выделим группу угроз, связанную с расширением масштабов манипуляции общественным мнением и появлением возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества.

Также важнейшей группой угроз безопасности общества, личности и государства, исходящих от сетевых коммуникаций киберпространства, является расширение масштабов отечественной и международной преступности, в том числе за счет роста компьютерных преступлений. Угрозы могут проявляться в виде попыток осуществления мошеннических операций с использованием глобальных или отечественных информационных телекоммуникационных систем, отмывания финансовых средств, полученных противоправным путем, неправомерного доступа к финансовой, банковской и другой информации, которая может быть использована в корыстных целях. Мировая юриспруденция оказалась не готовой к приходу цифровых технологий. Это стало очевидным с распространением Интернета. Нет, наверное, никакой другой области деятельности, где и пользователи, и хозяева ресурсов, даже самых естественных и невинных, своими действиями если не вступили прямо в противоречие с законом, то оказались в «серой зоне» правовой неопределённости. Особенно это проявляется в многочисленных коллизиях, связанных с нарушением авторского права, но областью интеллектуальной собственности противоречия между правом и «виртуальной реальностью» далеко не ограничиваются.

По данным аналитиков, число опасных интернет-ресурсов за последнее время увеличилось в три раза. Эксперты по интернет-безопасности

утверждают, что атаки на ресурсы Всемирной паутины происходят каждые четыре с половиной минуты. 37% всего вредоносного кода Сети находится на серверах американских компаний. Пятикратно увеличился объем спама. Наибольшая доля нежелательной корреспонденции (17,5%) исходит из США. Во многих странах отмечается увеличение объемов утечки данных, при этом только около 20% происходит из-за хакерских атак [255].

Серьезной проблемой являются различного рода кибератаки политического характера на онлайн-площадки и компьютеры государственных структур. Компания Symantec провела опрос 1600 компаний, работающих в различных критически важных инфраструктурных системах. По итогам опроса выяснилось, что 53% респондентов сталкивались с так называемыми политически мотивированными атаками на их киберресурсы. За последние 5 лет они примерно 10 раз сталкивались с политически-мотивированными атаками, то есть в среднем компания, работающая в критически важной сфере экономики или государства, дважды в год подвергается подобным нападениям. В целом аналитики Symantec заявляют, что за последние годы масштабы и изощренность политически мотивированных атак поднялись на качественно новый уровень и в большинстве случаев они проводятся хорошо подготовленными и довольно опытными группами. По данным Symantec, только в августе 2010 г. крупнейшие клиенты компании сообщили о 1580 случаях нападения на их ИТ-ресурсы с целью вывода из строя ИТ-систем, кражи закрытых государственных данных и саботажа. Неслучайно в 2011 г. в Бонне приступил к работе Федеральный центр киберзащиты (Cyberabwehrzentrum), который должен уберечь жизненно важные ИТ-системы Германии от нападений промышленных шпионов и киберсолдат недружественных государств. Перед сотрудниками центра поставлена задача своевременно обнаруживать и эффективно отражать кибератаки [389].

В.П. Шерстюк отмечает, что в рамках проблематики обеспечения международной информационной безопасности следует исходить из наличия

трех основных взаимосвязанных видов угроз: военно-политического, криминального и террористического характера. Информационно-коммуникативные технологии могут использовать не только отдельные правонарушители, криминальные группы, террористические и экстремистские организации, но также государства во враждебных политических, экономических и военных целях, осуществляя, таким образом, скрытую агрессию и создавая угрозы безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях [316].

Сетевые структуры и коммуникации эффективно используются организациями в условиях конспирации и подполья. Их главным преимуществом становится молниеносность распространения информации и новые возможности дистанционного управления террористическими актами. Террористические группы и мафиозные структуры используют нелегальные, полулегальные и криминальные методы политической борьбы, игнорируя политические нормы и традиции, нарушая законы, расшатывая политическую систему.

Мировая практика свидетельствует, что борьба с распространением экстремистской идеологии в сети Интернет не привела к достижению необходимого уровня обеспечения безопасности национальных интересов. Спецслужбы государств не справляются с объемом работы в стремительно растущем интернет-пространстве. Главной причиной успеха применения террористическими организациями интернет-технологий является сложность обнаружения и ликвидации их сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов). Экстремистские группы широко используют особенности технической организации сети Интернет, позволяющие регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а размещать информацию – в другой.

Различия в национальных законодательствах вызывают дополнительные сложности в борьбе с распространением экстремистских материалов. Спецслужбы имеют возможность через провайдера определить владельца или заказчика сайта и начать в отношении него следствие на

территории собственных стран, но это становится невозможным в отношении лиц, осуществляющих регистрацию интернет-страниц вне национальных доменов. Сложность регулирования вопросов ответственности и осуществления противодействия распространению экстремистской информации в Интернете во многом обусловлена анонимностью пользователей при регистрации доменов интернет-сайтов, т.е. связана с проблемой идентификации и аутентификации пользователей.

Многие аналитики рассматривают военно-политическую составляющую информационной безопасности России как приоритетную. Информационная война определяется как противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба критически важным информационным системам, процессам и ресурсам, другим структурам, подрывом политической, экономической и социальной систем, массовой и психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства. [31, 106, 143, 134] В связи с этим также опасными источниками угроз интересам государства в информационной сфере, в частности в Интернете, является неконтролируемое распространение информационно-психологического оружия и развертывание гонки вооружений в этой области.

Информационные войны идут на разных уровнях – в корпорациях, регионах, государствах, мировом сообществе. Как отмечают С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов механизмы и процедуры их ведения почти одинаковы, используются одни и те же элементы: дефицит информации, неудовлетворенность ситуацией, генерирование идей, самоорганизация, обучение, адаптация и триумф [31, с. 9]. Ведущие мировые державы прикладывают немало усилий для еще большего проникновения в Интернет с целью взять под контроль и управление как можно большее количество людей в разных регионах мира.

Цикл ведения информационной войны состоит из нескольких этапов. «Первым шагом является поиск уязвимости у той группы людей, которой

планируется манипулировать. Такими уязвимостями, если нужно подтолкнуть к насильственному свержению власти, могут быть недовольство низким уровнем жизни или коррупцией, проблемами ЖКХ или др. Если уязвимостей нет или они недостаточно сильны, то их создают искусственно или создают видимость их наличия. Затем эти уязвимости эксплуатируются – осуществляется их усиление и привязка к определенному действию, например к активным уличным акциям. Где-то самосожжение, где-то стычка с полицией и погибшие, всегда нужен яркий символ – “ритуальная жертва”. После такого вброса все усилия направляются на разгон катализирующей информации – доведения ее до каждого члена выбранной группы. После чего начинается социальный хаос (революция, восстание, свержение власти и т. д). Цель информационной войны достигнута» [277, с.18–19].

И.Ю. Нежданов отмечает, что поиск уязвимостей сопровождается не только пассивным наблюдением на разных площадках, но и тестированием – пробными локальными вбросами (разведка боем) для определения уровня напряженности, выявления «непримиримых», лояльных и неопределившихся. Такая активность имеет конкретные признаки и вполне детектируется. А подготовка к агрессии сопровождается созданием плацдармов – аккаунтов на тематических площадках, виртуальных личностей с соответствующим имиджем, их внедрением в нужные группы и т.п. Такая деятельность также имеет характерные признаки и определяется с помощью мониторинга [277, с. 19]. Существует ряд направлений в противодействии информационным войнам. Уже отмечалось, что изучением информационной войны, выработкой направлений и технологий противодействия этой угрозе занимается такое междисциплинарное знание, как информационное противоборство.

В качестве угрозы в киберпространстве мы выделяем распространение информационно-психологического оружия. Можно сказать, что во взаимоотношениях между ведущими государствами сегодня разворачивается новая «гонка вооружения». Информационно-психологическое оружие

используется в глобальных сетях гражданского назначения и свободного доступа с целью ведения информационной войны. Оно представляет собой совокупность средств, методов и технологий, обеспечивающих возможность воздействия на информационную сферу противника с целью разрушения его информационной инфраструктуры, системы управления, в целом снижения уровня безопасности [31]. К примеру, И.Л. Морозов различает три вида информационно-психологического оружия относительно стратегии нападения:

«системы дистанционного искажения или уничтожения информации: компьютерные вирусы общего и специализированного назначения (программы, проникающие извне и разрушающие систему); логические бомбы, тайно внедряемые в компьютер на этапе заводской сборки, которые при активизации парализуют работу компьютера;

– системы хищения информации: электронные шпионы (программы, проникающие извне и производящие незаметный для пользователя сбор служебной и непосредственно личной информации);

– системы комплексного воздействия на психику пользователя: мультимедийные сайты в виде информационно-развлекательных или аналитических страниц с «горячей», «сенсационной» информацией» [273].

Информационное оружие особенно опасно в условиях почти монопольного положения компаний небольшого количества стран мира на рынке информационных технических продуктов, так как способно спровоцировать желание использовать имеющееся превосходство для достижения тех или иных политических целей.

Существует мнение, что повышение уровня оперативности обмена информацией, «прозрачности» и доступности последней для всех субъектов политического процесса, уникальная возможность генерировать информационные потоки в обход государственных структур – все эти и другие очевидные свойства сетевого пространства Интернета могут являться

важнейшими предпосылками становления посттоталитарной организации общества.

На наш взгляд, речь идет о проблеме роста все того же противоречия между интересами частного и интересами общего. Рост «коммуникации незнания» не приемлем для государства. Суть института государства, как известно, заключается в защите суверенитета, целостности и порядка общества. Мы подходим к коллапсу, предсказанному Н. Луманом. Уровень и интенсивность негативных воздействий девиации/инновации имеют определенные пределы или меру, свои для каждого отдельного субъекта. Превышение этой меры вызывает частичные и существенные изменения деструктивного характера, потерю субъектом основных свойств и качеств, что может привести к утрате собственной конституции или сущности.

Если рассматривать государство как качество субъекта информационной безопасности, то оно первым, вместе с обществом, уже сейчас находится за гранью возможной меры воздействий девиации/инновации. В силу этого общественные институты имеют серьезные причины утраты собственной сущности. К примеру, все чаще мы слышим об американском государстве как о полицейском, с чертами тоталитаризма. Тотальность прослушивания, наружного видеонаблюдения, вездесущий контроль – те характеристики жизни, которые окружают сегодня жителя американского города.

Помимо подобного фундаментального подхода к проблеме, можно говорить и о ряде других угроз государственной безопасности, лежащих в плоскости приведенных рассуждений. К примеру, И.Л. Морозов отмечает, что информационно-технологическая революция несет с собой не только новые возможности, но и целый ряд угроз, чреватых дестабилизацией существующих демократических режимов. Он выделяет два блока угроз, ведущих к подрыву политических режимов: системные и периферийные угрозы. «Угрозы первого типа носят целенаправленный, структурированный и централизованный характер и являются следствием упорядоченных действий в сетевом пространстве властных и околовластных структур. Так,

возможны скоординированные информационно-психологические атаки на конкретную политическую систему или ее сегмент со стороны конкурирующего государства (цивилизации, транснациональной структуры) или деструктивные акции внутригосударственных квазиэлит, проводимых соответствующими методами. Не менее серьезную опасность представляют угрозы второго типа, которые связаны с деятельностью широкого спектра внесистемных сил – от международных террористических организаций до всевозможных хакерских групп. Неструктурируемость, диффузность и непрогнозируемое возникновение периферийных информационных угроз крайне затрудняют выработку действенной стратегии защиты от них» [273].

И.А. Василенко, анализируя состав политических акторов, различает их на носителей власти и внесистемную оппозицию [35, с. 24–25]. Она отмечает, что сегодня большинство политически активных сетевых пользователей составляют внесистемную оппозицию и делятся на две большие группы – легальное «самобытное сопротивление», которое находит себе опору в традиционных и нетрадиционных ценностях сообщества, и нелегальные криминально-мафиозные сети, подрывающие основы общества. Основной силой легального и нелегального сопротивления является исключительно сетевая, децентрализованная форма организации и политических действий. Характерным примером такого сопротивления становится стремительно нарастающее движение антиглобалистов, которое строится на основе национальных и международных сетей, активно используется Интернет, и при этом сети обеспечивают не только организацию их деятельности, но и совместное использование информации.

Децентрализованный, неуловимый характер сетевых структур сопротивления антиглобалистов и других самобытных движений (экологию, «зеленые», женские движения, различные молодежные субкультуры, представленные, в частности, в блогосфере) во многом затрудняет их восприятие и идентификацию со стороны государственного управления. «Новые гибкие сетевые структуры внесистемной оппозиции

являются сегодня главным козырем в борьбе с неповоротливыми институтами политической власти, которая в большинстве случаев имеет старую иерархическую организацию и только отдельные силовые подразделения в ней перестроены по сетевому принципу» [35, с. 24–25].

В итоге можно выделить следующие типы информационных угроз безопасности личности, общества, государства, обусловленных сетевыми коммуникациями Интернета:

– угрозы безопасности личности, связанные с расширением возможностей манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, с ростом интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации;

– угрозы использования во вред персональных данных (расширение возможностей скрытого сбора персональной информации);

– информационные угрозы, связанные с расширением масштабов манипуляции общественным мнением, появлением возможностей эффективной организации деструктивных процессов в ценностных системах общества;

– угрозы безопасности, связанные с деятельностью сетевых структур отечественной, международной преступности и терроризма;

– угрозы информационной войны и неконтролируемого распространения информационно-психологического оружия, его применения в информационных войнах;

– угрозы стабильности существующих политических режимов власти: системные и периферийные, также обусловленные сетевой логикой социальных процессов в Интернете.

Каждый из перечисленных типов (групп) угроз нуждается в более детальной проработанности. Необходима выработка критериев классификации групп угроз, формирование видов классификаций групп угроз, отвечающих различным профессиональным задачам специалистов, занимающихся проблемами безопасности.

В Доктрине информационной безопасности РФ от 2000 года выделяются три основных группы методов обеспечения информационной безопасности: правовые, организационно-технологические и экономические [1].

На наш взгляд, отдельно необходимо говорить о формировании общих и профессиональных компетенций в области работы в сетевом коммуникативном пространстве как о важнейшей группе практик (методов) обеспечения информационной безопасности. В данном случае под компетенциями мы понимаем знания сетевого коммуникативного пространства, навыки и умения работы в нем, но прежде всего – знания особенностей современного информационного общества, навыки и умения работы в целом – в информационной среде современного общества. Здесь необходимо отметить важность становления информационной культуры и, в частности, информационной грамотности.

Под информационной грамотностью понимается «способность человека идентифицировать потребность в информации, умение ее эффективно искать, оценивать и использовать. В широком смысле – это наличие знаний и умений, требуемых для правильной идентификации информации, необходимой для выполнения определенного задания или решения проблемы; эффективного поиска информации; ее организации и реорганизации; интерпретации и анализа найденной и извлеченной информации (например, после скачивания из Интернета); оценки точности и надежности информации, включая соблюдение этических норм и правил пользования полученной информацией; при необходимости передачи и представления результатов анализа и интерпретации другим лицам; последующего применения информации для осуществления определенных действий и достижения определенных результатов» [168].

В своей книге «Info-драйвер: как выжить в море информации» Е.С. Коноплев рассказывает наводящую на размышления историю: «Во время Второй мировой войны был арестован сотрудник газеты, подготовивший и

опубликовавший аналитическую статью о раскладе политических сил в стране и в мире. На него пали серьезные подозрения, так как “силовики” были убеждены, что невозможно написать такой материал, не обладая доступом к засекреченным источникам оперативной информации. Жизнь журналиста буквально висела на волоске, однако для своего спасения он лишь попросил дать ему неделю времени и позволить продолжать читать в тюрьме все газеты и журналы, на которые он был подписан. Результатом стало стилизованное под статью письмо – продолжение аналитического материала, так же близко воспроизводящее основное содержание свежих секретных “оперативок” от разведки. Подследственный также показал фрагменты и вырезки статей, по которым он восстанавливал картину событий. Все что ему было нужно для перевода “зашумленных” информационных потоков в стройную сеть идей, – это множественность источников информации и желание свести все получаемые данные к единому базису. В результате этой истории журналист был переведен в штат государственного ведомства на должность аналитика» [89, с. 8].

Е.С. Коноплев указывает на необходимость практики интеллектуальной фильтрации информационных потоков, которая особенно эффективна и востребована в современных условиях. И следом отмечает, что технологии интеллектуальной фильтрации подвергаются девальвации.

Развитие общества, рост потребности в Неотрицаемом ведут к тому, что в конкурентные отношения вступают все новые игроки. Субъект получает доступ к большему количеству знаний, но этот же доступ получают и миллионы других: коллеги и конкуренты также знакомятся с глобальным опытом и мировыми знаниями. Когда для всех открыты большие возможности профессионального роста, закономерно повышаются требования к профессиональной компетентности. Для ее поддержания снова растет необходимость наращивать свой информационный капитал.

Происходит девальвация конкурентных преимуществ. То, чем мы гордились вчера, сегодня становится стандартом. Способности, бывшие

ранее отличительными, теряют свою исключительную ценность за счет перехода в разряд обязательных, базовых. «Кто сегодня указывает в резюме “компьютерную грамотность”, претендуя на офисную работу? Кто гордится знанием английского, претендуя на членство в деловом сообществе? Кто ощущает свою уникальность, обладая двумя дипломами о высшем образовании? ... Любая технология является конкурентным преимуществом до тех пор, пока не пройдет проверку временем и не станет общепринятой: процесс превращения инфраструктурной технологии в общедоступный стандартизованный ресурс является естественным и постепенным. Любое информационное и даже интеллектуальное превосходство девальвирует по этой же схеме. Высокая скорость распространения информации устраняет прежде всего конкурентные преимущества, основанные на информационном превосходстве (на нехватке информации у конкурентов)» [89, с. 25].

В работе с информацией растут не только объемы и временность информации. Растет число информационных работников, а значит конкурентов. В связи с этим заявлять об информационном преимуществе становится все сложнее. Сегодня, когда в руках специалиста оказывается едва ли не весь мировой фонд знаний, «знать все о немногом и понемногу обо всем» становится невозможным.

«Не хватает ресурсов не только на освоение ценных теоретических знаний, но и на знакомство с самыми необходимыми рабочими инструментами. Вы не знакомы с пакетами программ Microsoft Word и Excel? Вы уже неполноценный офисный клерк. Вы не знакомы с Microsoft Power Point? Вы уже неполноценный торговый агент. Вы не знакомы с методиками управления временем, проектами и персоналом? Вы уже неполноценный менеджер проектов. А грамотный руководитель должен (в идеале) знать весь перечисленный инструментарий» [89, с. 31].

Е.С. Коноплев обращает внимание на то, что информационные навыки, которыми должен обладать «информационный работник», пока еще не прописаны четко ни в одном наборе требований.

«Управленцы-практики, бизнесмены и предприниматели уже давно живут в особой реальности – реальности не физических, а управленческих и информационных войн. *Информационное преимущество* – вот что отделяет подчиненного от начальника. Ситуация, когда можно проиграть или выиграть новую (информационную) войну, – противостояние, в которое втягивается сегодня практически каждый гражданин информационного общества.

Условия для решения этой задачи противостояния понятны – они отнюдь не новы. Мы, как обычно, ограничены в наших возможностях, данных нам от природы. У каждого из нас есть конечные (ограниченные) психофизиологические ресурсы, при помощи которых нам приходится обрабатывать почти бесконечный (неограниченный) объем доступной информации. Помочь в решении этой непростой задачи нам могут технологии. Под технологией в данном случае мы понимаем регламентированную последовательность действий, с большой степенью вероятности приводящую к желаемому результату. Это могут быть и интеллектуальные технологии, рационализирующие хаос в голове мыслящего субъекта, и технологии эффективного использования современных электронных устройств. В информационном обществе наиболее востребованными становятся соответствующие (информационные) технологии – методы, приемы, знания, алгоритмы, инструменты, повышающие эффективность отбора, структурирования, переработки и хранения информации» [89].

Что из себя представляет интеллектуальный фильтр в работе информационными объектами? Выделяют следующие составляющие в его осмыслении:

– ограниченность собственных психофизиологических ресурсов позволяет человеку познакомиться лишь с мизерной частью информации, накопленной человечеством. Это важно всегда иметь в виду;

– сознательный и профессиональный выбор ограниченного набора сведений из объёмного информационного фонда повышает ценность отобранных данных;

– детерминировать принципы и критерии отбора информации – значит повысить ценность получаемой информации, а также производительность и эффективность;

– информацию необходимо сжимать и регистрировать;

– все непрофильные фильтры необходимо отправлять на аутсорс (в том числе бизнес-план). Проводить периодический контроль информации по первоисточникам. Причём цепочка «первоисточник–источник» должна быть максимально короткой;

– предпочтительно стремиться диктовать свои правила информационному агенту. Если этой возможности нет, стремиться прояснить структуру фильтра издания, предлагающего информацию, и сравнивать с конкурентами и первоисточниками;

– фильтр должен быть двунаправленным и использоваться при создании контента [387]. Вот к таким элементарным особенностям и правилам работы с информацией мы обратились в заключение исследования.

Знание особенностей современной информационной среды, правил и методов работы с информацией вкупе со знанием информационных угроз, в том числе в киберпространстве, являются важнейшим условием в обеспечении интересов и информационной безопасности.

Выводы по третьей главе

В результате в третьей главе диссертационного исследования были решены задачи – восьмая и девятая:

С целью выявления и анализа сетевых практик информационной безопасности автор предложил концептуализацию сетевого коммуникативного киберпространства как макросистемы мобильностей и как необходимого очага накопления и ускорения девиации/инновации.

Были проанализированы особенности сетевых практик обеспечения информационной безопасности в условиях киберпространства и предложена типологизация угроз безопасности субъекта в условиях киберпространства.

Интернет позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации, выраженные для субъекта в информации, тем самым являясь мощным фактором инновационного развития и роста информационных угроз. Общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации). С другой стороны, Интернет интерпретируется как макросистема мобильностей, культивирующая возможности субъектов и являющая метатехнологию в обеспечении информационной безопасности.

Существование киберпространства Интернета в ближайшее время сохраняет баланс безопасности интересов «частного» и «общего». Через призму заданной концептуализации автор утверждает, что национальная безопасность выступает как совокупность практик по защите интересов «частного» и «общего». Это и защита права на девиацию/инновацию и защита нормы, закона как ограничения практики, гаранта безопасности, целостности, упорядоченности и стабильности. Государственная безопасность – прежде всего защита целостности и порядка.

Сетевые практики информационной безопасности определяются функциональным значением, а не местом, в котором находятся акторы, и подвержены многофакторному регулированию. Нормой практик становится формирование персональных микросетей. Культивирование «темпоральных разрывов» и/или «преодоление разрывов» в защите информации и защите от информации, «свобода риска» и «комфортабельная аномия» также составляют особенности обеспечения безопасности в Сети. Состояние «комфортабельной аномии» актора ведет к информационной избыточности и к усилению «разлома» между виртуальным и актуальным, что сказывается на

росте условности сетевых практик безопасности. С ростом масштаба и влияния циркуляции информационных потоков сетевые практики безопасности становятся «бременем мобильности» для субъекта.

В работе были выделены основные типы (группы) угроз информационной безопасности в киберпространстве. Автор обратил внимание на необходимость формирования общих и профессиональных компетенций в области работы в сетевом коммуникативном пространстве, и в целом в информационной среде современного общества, как на важнейшую группу методов обеспечения информационной безопасности.

В ситуации информационной войны, информационного противоборства, когда можно проиграть или выиграть, сегодня втягивается практически каждый. Статусы от власти уступают место статусам информированности. В обеспечении информационной безопасности наиболее востребованными становятся соответствующие информационные технологии – методы, приемы, знания, алгоритмы, инструменты, повышающие эффективность отбора, структурирования, переработки и хранения информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«На полях саммита G20 в Мексике в 2012 году президенты Владимир Путин и Барак Обама могли подписать двустороннее соглашение о сотрудничестве в киберпространстве и мерах доверия. Однако договоренности сорвались из-за одного слова. Чтобы уйти от спора – “международная информационная безопасность” или “кибербезопасность”, – стороны выработали компромиссную формулировку “безопасность в сфере использования информационно-коммуникационных технологий”. Однако в последний момент Вашингтон потребовал убрать из этой конструкции слово “использования”, делая упор лишь на физической защите систем. Но для Москвы этот вопрос оказался принципиальным – она-то как раз считает, что дело не только в защите сетей и ресурсов, но и в том, кем, как и с какой целью информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы (иными словами, не будут ли они оружием для психологических войн и пропаганды). Консультации по этой теме продолжаются» [315].

Рост интенсивности информационных потоков, проблема устаревания информации, принципиальное изменение значения информации, в целом, глубоко трансформируют структуры современности и заставляют жить и видеть вещи по-новому. Необходимо отметить, что осмысление проблемы обеспечения информационной безопасности продолжает находиться в становлении как на практике, так и в теории.

В настоящем исследовании была предложена возможность увидеть проблемы обеспечения информационной безопасности в общем методологическом ключе социально-философской теории: не как набор норм и правил различного уровня и различных социально-нормативных систем, что довольно уже распространено в научной литературе, но как совокупность социальных практик, ориентированных на постоянный мониторинг социального информационного пространства, и связанных с защитой

информации субъекта и защитой его от информации, оказывающей негативное воздействие. В диссертации впервые ставится и решается вопрос о широком понимании социального аспекта обеспечения информационной безопасности субъекта.

В исследовании автор пришел к выводам о том, что обеспечение информационной безопасности составляет комплекс социальных практик, обусловленных ростом интенсивности коммуникации. В основаниях проблемы информационной безопасности лежит обострение противоречия между устойчивостью конституционных оснований социального субъекта и ростом вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. В том числе, это противоречие выражено в «колонизации» общего (как общественного интереса) со стороны частного. Сущность феномена информационной безопасности состоит в разрешении этого противоречия социальным субъектом. Обеспечение информационной безопасности заключается в ориентации субъекта в информационном пространстве при условии защиты его информации и его защиты от информации. Практики безопасности осуществляются в условиях актуальной и виртуальной социальной реальности.

В работе был задан подход к пониманию безопасности общества как мере устойчивости социального порядка в условиях роста интенсивности коммуникаций, выраженной в девиации/инновации (Н. Луман). Утверждается, что рост интенсивности коммуникации связан с ростом интенсивности «различения различения» системой (социальным субъектом) или с ростом информации. С ростом интенсивности коммуникации/информации связывается изменение понимания проблемы устойчивости социального порядка. В теоретическом мышлении сегодня устойчивость и системность социального порядка заменяются понятиями «рестабилизации» (Н. Луман) и «структуризации/реструктуризации» (Э. Гидденс) порядка.

Исследование практик информационной безопасности исходит из утверждения, что социальный порядок современного общества является упорядоченностью системы, пребывающей на высоком уровне накопления и ускорения самореференции/инореференции (различения различения или информации) социальной системы. Подобное утверждение автор обосновывает в ходе анализа теории социальной эволюции Н. Лумана, который рассматривал социальную эволюцию как рост дифференциации социальной коммуникации, выраженный, в том числе, в росте интенсивности коммуникации, где всякая коммуникация предполагает операцию «различение различения».

Информация была проинтерпретирована не столько как сведения, но как событие, которое меняет состояние системы. Также информация рассматривалась как результат наблюдения второго порядка, составляющий содержание-сообщение (message) коммуникации. В этом смысле информация наполняет вариативность коммуникации, ее девиантный/инновационный характер.

Автор исходил из того, что информация (релевантные для системы состояния и события) суть внутрисистемные достижения, приобретаемые с помощью техники различений. Иначе говоря, информация – это моменты становления тождества. Внешний мир – это абсолютное Все, которое в этом статусе непрозрачно и недоступно. Система способна «видеть», то есть выбирать свое и оставлять без внимания (в ранге возможности) другое. То, что «видит» система, и есть ее коммуникации, которые необходимо отличны от мира самого по себе. Другими словами, система (и психическая, и социальная) пребывает в состоянии самоотражения себя (фрагмент известного определения информации), в состоянии единства тождества и различия (В.И. Кашперский), в условиях структурного соответствия и подобия, в информационном взаимодействии.

Информация становится информацией только при ее запросе. Таким образом, информационное общество в структурном и операциональном

отношении состоит из результатов запросов, место накопления которых невозможно указать и которые теряют характер информации после осуществления коммуникации (А.В. Назарчук). Подобная оптика оказалась принципиально важной для понимания существа авторского представления об информации как условии обеспечения интересов и безопасности субъекта.

Рост информации, выраженный в росте многообразия и скорости социального взаимодействия систем (напомним, информация – это результат запроса системы – «различение различения») ведет к изменению социального порядка. Логика этого изменения была выражена следующим образом: от стабильности порядка к его постоянному состоянию рестабиллизации; или от структуры порядка к постоянному состоянию реструктуризации как характерного состояния социальной системы общества. Вариативность коммуникации, выраженная, в том числе, в новой информации, и есть девиация/инновация для психической и социальной системы. Вариативность эта вызвана к жизни условиями меняющейся окружающей среды, с которой система взаимодействует. Отклонение (вариативность) коммуникации от должного, общепринятого возрастает с отбором из известного или неизвестного репертуара возможностей, при котором должно присутствовать несоответствие с утвердившимся пониманием (интерпретацией) чего-либо. В этом смысле инновационность и девиантность являются двумя сторонами одной медали – вариативности коммуникаций.

Рост вариативности коммуникации (девиации/инновации) служит условием развития социального порядка, но, с другой стороны, составляет основную угрозу распада социальной системы и многие иные угрозы для социального субъекта. Автор отдельно остановился на мысли Н. Лумана о том, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключалась в создании дополнительных структур ускорения и накопления девиаций. Сегодня важным является понимание того, что всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации/девиации

опасность распада упорядоченности системы общества приближается, а количество рисков и угроз для социального субъекта возрастает. Такие ценности современности, как индивидуальная свобода, самореализация личности, творчество, инновационная деятельность являются не чем иным как воплощением требований логики эволюции социального мира: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом». Социальный мир пребывает в опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации/инновации). Дальнейший рост информационных потоков является глобальной опасностью для современного социума. Н. Луман ставит и завещает нам проблему «формулы спасения» для системы общества.

Плотность коммуникаций или частота информационных импульсов были рассмотрены автором как своего рода переменные, относительно которых можно судить о состоянии и ресурсах общества. Плотность коммуникаций и частота информации понимаются как одно явление. Для исследования это замечание носит принципиальный характер, поскольку именно такая концептуализация взаимосвязи вариативности коммуникации (девиации/инновации) и феномена информации позволило увидеть взаимосвязь безопасности как состояния устойчивости социальной и психической структуры субъекта и информации как нарушения этой устойчивости. Учет циркулярного характера усиления девиантности позволил выявить ведущее противоречие, актуализирующее социальную информационную природу безопасности субъекта. С точки зрения автора, оно заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. Обществу угрожает «коллапс различения стабильности и вариативности» (Н. Луман).

С ростом интенсивности коммуникации/информации (нарастания гипертрофии варьирования коммуникации) автор связывает появление нового средства накопления и ускорения девиации/инновации – Сети как киберпространства, которое в дальнейшем развивает виртуальную социальную реальность. «Формула спасения» (Н. Луман) общества найдена. На сегодня она заключается в развитии киберпространства. Современная социальная реальность представлена актуальным/виртуальным действием (В.И. Игнатъев), которое порождает две модальности социальной реальности: актуальная и виртуальная. Дальнейшее развитие социальной виртуальной реальности позволяет социуму сохранять самое себя как целостность.

Автор предложил развить традиционное понимание информационной безопасности. Были проанализированы существующие подходы к определению информационной безопасности и сделан вывод о том, что социальный субъект, обеспечивающий информационную безопасность, с одной стороны, осуществляет защиту информации и защиту от информации, с другой стороны, развивает ориентацию во внешней информационной среде, поскольку его ресурсы в условиях подвижности социальной среды должны всякий раз обновляться. При этом обновление информационных ресурсов субъекта происходит с нарастающей интенсивностью, сообразно нарастанию интенсивности информационных потоков, что, в свою очередь, ведет к росту устаревания информации. Субъект обеспечения безопасности специально не конкретизировался. Под ним подразумевается как личность (психическая система), так и социальная система.

Важным, с точки зрения автора, является понимание того, что само общество в лице социальных субъектов в условиях роста интенсивности информационных потоков вырабатывает не только в сети Интернета (киберпространстве), но и в обычном мире «актуальной реальности» новые социальные практики, которые можно считать и практиками обеспечения безопасности субъектов. Обеспечение информационной безопасности было рассмотрено в широком и узком смысле слова: информационная

безопасность в условиях современного общества (актуальной социальной реальности) и информационная безопасность в условиях киберпространства (виртуальной социальной реальности). В первом случае речь шла о социальных практиках, адекватных скорости и многообразию современных коммуникаций, во втором случае – о сетевых практиках, адекватных изменчивому виртуальному пространству сетей и потоков. Второй тип практик обеспечения информационной безопасности составляет частный случай первого.

И первый, и второй тип социальных практик сводятся к содержанию защиты информации и защиты от информации при условии ориентации в информационной среде. В рамках подхода было предложено определение обеспечения информационной безопасности как совокупности социальных практик безопасности субъекта в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Практики обеспечения информационной безопасности субъекта (и первый тип, и второй тип социальных практик) сводятся, к содержанию: 1. защиты субъектом своей информации и защиты от внешней информации; 2. к ориентации в информационном пространстве, поскольку ресурсы в условиях роста устаревания информации должны всякий раз пересматриваться и обновляться.

В заключении к настоящему исследованию выделим идеи, которые, на наш взгляд, являются векторами будущих исследовательских практик в изучении социальных аспектов обеспечения информационной безопасности.

Автор отмечает, что устаревание информации происходит тогда, когда понимание сообщения уже состоялось, система отреагировала на информацию – отклонила или приняла, осталась прежней или изменилась. В связи с принятием решения необходимость в новом понимании и сообщении становится неактуальной. Устаревшая информация – это та информация, которая «уже была», которая уже изменила или не изменила состояние структуры. Всегда есть одни, которые утверждают, что информация новая, и

другие, которые настаивают на том, что она устарела. Можно отметить, что те субъекты, для которых информация устарела (то есть ее функциональность состоялась – очередная вариативность или принята системой или отклонена), находятся в более выигрышном положении относительно тех, для кого комплексность системы находится только на этапе данного «различения различения» или кто, в принципе далек от возможности данного «различения различения».

Устаревшая информация – та информация (информационная технология), которая утрачивает или утратила свою востребованность или функциональность в данном социальном пространстве. Устаревание информации связано с цифровым неравенством индивидов, групп, государств, других институтов. Оно различно для обладателей различных информационных ресурсов. Одна система получает информацию, которую другая система уже получила. Для одной системы событие происходит и ведет к изменению системы. В это же время для другой системы событие/изменение уже произошло и стало элементом памяти. Можно сказать, что память составляет «устаревшая информация».

Возникают вопросы о дальнейшей разработке концепта устаревшей информации. Каким образом и в результате чего такая информация становится вновь функциональной и актуальной? Является ли устаревшая информация угрозой для системы и в какой мере? Что означает рост устаревшей информации для безопасности субъекта? Рост устаревшей информации ведет к замедлению в развитии и к стагнации социальной смысловой системы, если мы берем во внимание то, что система находится во взаимодействии со средой других систем, обладающих новым различением различения, а соответственно более высокой комплексностью и конкурентоспособностью. Опасность устаревания информации носит относительный характер. Необходимо постоянно отслеживать среду других систем на предмет того, есть ли важная для системы информация у других или нет. Соответственно система необходимым образом выделяет из своих

ресурсов более ценную информацию и с ней работает: закрывает или засекречивает ее, и в то же время ищет ее аналоги в других системах.

Рассматривая общие практики обеспечения информационной безопасности, во второй главе автор обращается к понятию «новые социальные мобильности» (Дж. Урри), под которым подразумевает новые устойчивые особенности деятельности социальных субъектов, обусловленные нарастанием информационных потоков и сетей. «Новые социальные мобильности» характеризуются различными техниками-практиками. Представляется, что выявление и характеристика техник-практик новых социальных мобильностей составят дальнейшее развитие в осмыслении общих практик информационной безопасности субъекта.

Автор указал на важность того, чтобы новые практики мобильности, позволяющие процветать в условиях хаоса и неопределенности, начали осмысливаться и использоваться как практики обеспечения информационной безопасности национальных сил в условиях глобализации. Проблема осмысления и использования практик новых мобильностей для соответствующих структур, обеспечивающих национальную безопасность, также составляет важнейший вектор для будущих исследований.

Прямое отношение к обеспечению информационной безопасности, на взгляд автора, имеют темпоральные характеристики социальной практики. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Высокая интенсивность коммуникаций в обеспечении безопасности становится возможной благодаря такому феномену, как приватизация безопасности (Мери Калдор, А.Ю. Полтораков и др.). Приватизация безопасности, которая выражается в росте многообразия частных структур обеспечения безопасности, также является особенностью современных практик и структур обеспечения информационной безопасности. Мобильность практик обеспечения безопасности и

приватизация безопасности связаны тесным образом. Проблема приватизации безопасности и ее последствия для безопасности государства и мира в целом с позиции заданных концептуализаций также является весьма актуальным вопросом для последующих исследований.

В третьей главе была проанализирована проблема информационной безопасности в узком смысле этого слова – защита информации и защита от информации (социальные практики) в условиях киберпространства Интернета. Автор интерпретирует киберпространство как систему мобильностей и как новую структуру или очаг накопления и ускорения девиации/инновации (информации). В контексте заявленного подхода сетевые коммуникации рассматриваются как новый очаг аномии, необходимый и функциональный для устойчивости социального порядка общества. Отмечается, что киберпространство (современный Интернет) в качестве сетевого коммуникативного пространства позволяет «локализовывать» и одновременно накапливать и ускорять девиации/инновации (новые социальные практики), тем самым являясь мощным новым фактором инновационного развития. Общество сохраняет целостность и упорядоченность, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации). Появляется все большее количество угроз информационного характера, связанных с защитой информации и защитой от информации. Коммуникация, обретая среду киберпространства, развивает информационный аспект традиционных угроз обществу, государству и личности. Появляются новые информационные угрозы, обусловленные виртуализацией социальных процессов.

Автор считает, что сеть Интернет как структура накопления и ускорения девиации/инновации в ближайшее время сохранит баланс безопасности интересов частного и общего. Частное продолжает колонизировать общественное, но в большей мере это происходит в киберпространстве сетей и потоков. Система общества сохраняет

целостность, общность (государственность, национальное единство), относительную устойчивость основных социальных институтов, выстраивая параллельное виртуальное сетевое пространство, которое «оттягивает на себя» интенсивность вариативности коммуникации (девиации/инновации), реализующей интересы частного (отдельных социальных групп, социальных организаций, субкультур, отдельных индивидов). Там самым разрешается противоречие, которое заключается в разнонаправленности устойчивости конституционных оснований субъекта (личности, общества, государства) и вариативности коммуникаций (девиаций/инноваций), образующих современное информационное пространство. «Рост частоты информационных импульсов» (Н. Луман), выраженный в усилении девиантности становится, по сути, оборотной стороной колонизации «частного» «общественным» (З. Бауман). Эта «колонизация» в большей мере происходит в Сети, позволяя тем самым сохранять статус «общественного», традиционного социального в актуальной действительности общества. Возникает еще одна перспектива для исследования, связанная с ответом на вопрос: насколько эффективно и насколько длительно Интернет будет выполнять подобные функции «формулы спасения»?

В исследовании был сделан вывод о том, что суть проблемы конструирования понятия национальной безопасности состоит в поиске защищенности баланса интересов частного (личности, социальной группы) и целого (нации, государства). Национальная безопасность проинтерпретирована автором как совокупность практик по защите интересов и частного, и целого: это и защита права на девиацию/инновацию, и защита нормы, закона как ограничения коммуникации/практики, гаранта безопасности целостности и упорядоченности, стабильности. Государственная безопасность предполагает иное – прежде всего защита целостности и порядка. В этом смысле система государственной безопасности по природе своей противостоит девиации/инновации как вариативности коммуникации (вариативности социальных практик),

нарушающей порядок. Автор считает, что проблема соотношения понятий национальной и государственной безопасности в контексте предлагаемого вектора исследования также имеет серьезную перспективу.

В работе было сформулировано еще одно направление концептуализации киберпространства. Автор предложил подойти к пониманию Сети, в частности, к Интернету, как к макросистеме мобильностей. Если представлять морфологию современности как совокупность сетей и потоков, то современное киберпространство или Интернет можно рассматривать как Метасеть, которая является родовым началом такого представления об обществе. Киберпространство становится основным инструментом в реализации целей, в защите интересов, соответственно в обеспечении информационной безопасности. Его возможно представить как конгломерацию магистралей и маршрутов. Маршруты определяют различные узлы циркуляции потоков (Дж. Урри). Эти узлы, в свою очередь, определяются сетевым социальным капиталом, которым обладают акторы. Отмечается, что социальный капитал в сети является и капиталом мобильности.

В контексте идеи разделения социального капитала в Сети на капитал высокой сетевой плотности и капитал, относительно свободный от связей (Г. В. Градосельская), было сделано предположение о том, что сетевые практики обеспечения информационной безопасности реализуются в условиях «плотных сетей», в том числе, для решения проблемы избыточной и устаревшей информации, а также в условиях «сетей слабых связей» для решения несколько иных задач – ориентации в информационном пространстве на предмет поиска источников новых ресурсов. Такое различие функций между «плотными сетями» и «сетями слабых связей» также заслуживает дальнейшего анализа и концептуализации, как и в общем, сама интерпретация Интернета как макросистемы мобильностей. В целом свое дальнейшее развитие должен получить анализ сетевых практик информационной безопасности.

В работе автор отметил такую особенность сетевых практик как «бремя мобильности». Сетевые практики обеспечения информационной безопасности сегодня – это необходимость, которая становится атрибутом современной жизни любого социального субъекта, требующая неустанной работы с информацией, включающей в себя взаимодействие с различными экспертными системами, делокализацию действия, «бремя» свободы и риска. Возможно предположить, что избыток информации провоцирует гипертрофию практики информационной безопасности. Последнее является проблемой будущего и также вектором в последующих исследованиях.

Анализируя характер сетевых практик информационной безопасности, автор затрагивает более широкую и важную для осмысления современного социального пространства тему. Отмечается, что появляются новые формы нормирования в Сети. О них можно косвенно судить через призму анализа потоковых структур, предложенного Д.В. Ивановым. Автор поддерживает мысль о том, что различные типы социальных структур определяются направленностью, плотностью и интенсивностью коммуникаций, выраженных в информационных потоках (вещей, людей, сообщений). Этот процесс задает различные формы координации в социуме, которые существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности: на фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей потоки предстают как феномены антисоциальные или альтерсоциальные. Сделано предположение, что под «абсолютной» социальностью понимается «абсолютная», обязательная устойчивая нормированность практик (речь идет об институциональных практиках). В работе было предложено различение нескольких социальных пространств, соседствующих в сети Интернета и организованных различными способами нормирования: 1. институциональное пространство, 2. пространство частной и ситуативной интеракции, 3. пространство социальной сети с характеристиками «относительной социальности» и 4. пространство потоков, представленных

«антисоциальностью». «Антисоциальность» понимается как полное отсутствие нормы. Четыре типа социального пространства в Интернете составляют четыре различные формы социальных ограничений, которым соответствуют различные практики обеспечения безопасности. Интересной перспективой исследования явится более детальный анализ характерных особенностей этих четырех пространств и выявление соответствующих практик защиты интересов и безопасности социальных субъектов.

Автор отдельно останавливается на значимости скоростных режимов времени в обеспечении интересов субъектов и их информационной безопасности. Делается вывод о том, что прямое отношение к обеспечению информационной безопасности имеют темпоральные характеристики социальной практики. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих интересов в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Лестница субъектов действия (В.Н. Муравьев); люди прошлого, настоящего, будущего (Э. Тоффлер); человек пространства и человек времени (З. Бауман) – являются метафорами различения субъектов по их возможностям в плане интенсивности информационного взаимодействия с миром. Чем выше уровень интенсивности (скорости и разнообразия) коммуникаций, осуществляемых субъектом, тем в большей безопасности он пребывает в смысле защищенности своих практик в условиях роста информационных потоков и устаревания информации. Виды социальности (Д.И. Иванов) – абсолютная (институты), относительная (сети), ситуативная и частная (отдельные интеракции), альтерсоциальность (пространство потоков) – также возможно рассматривать как различные в темпоральном отношении способы социального информационного взаимодействия или как техники обеспечения информационной безопасности.

В условиях современности темп жизни оказывается решающим при определении жизнедеятельности, конкурентоспособности,

производительности труда, а следовательно, процветания общества. Конкурентными преимуществами начинают обладать не те страны, которые располагают ресурсом территориального характера, а те, которые способны организовывать социальное время: влиять на интенсивность и направленность информационных потоков, увеличивать темпы жизни и производительность. Критерием успеха становится умение реализовывать разные темпы, а не придерживаться одного.

Методологически плодотворным, на взгляд автора, явилась бы дальнейшая разработка такого концепта, как использование «временных разрывов» в обеспечении информационной безопасности. Временные разрывы в социальном пространстве были всегда, но в глобализирующемся обществе они все чаще появляются и следом начинают преодолеваться. В большинстве случаев временные разрывы порождаются разными жизненными темпами разных слоев общества. «Поскольку общество роста ориентировано на максимизацию изменений, в нем заложено присутствие как передовиков, так и отстающих, т.е. в нем заложен эффект увеличения расстояния между первыми и последними. Если это расстояние столь велико, что участие в «гонке» теряет смысл, ее участники могут выпадать из единого времени, в котором их объединяет «гонка». Для тех, кто решает в ней не участвовать, темп времени радикально меняется, движение участников гонки представляется им хаотической суетой, не более. Временная неопределенность дестабилизирует бытие, хаотизирует весь жизненный ритм, порождая социальную аномию» (В.Н. Назарчук).

Автор отмечает, что подобные наблюдения значения времени и ритма практик имеют прямое отношение к выводам об особенностях осуществления сетевых практик информационной безопасности относительно различных идентификаций и темпоральных возможностей субъектов и в целом отдельных сетевых ресурсов (мобильных капиталов). Очередная вариативность практики одновременно является и инновацией, и девиацией, и угрозой. Вопрос – для кого и для какого общества? В работе

отмечается, что как минимум различают общества с высоким уровнем циркуляции потоков и общества с низким уровнем циркуляции потоков. Соответственно существуют как минимум две модели обеспечения социальной безопасности. Практики обеспечения информационной безопасности задаются таким критерием, как уровень интенсивности коммуникации. Обеспечение информационной безопасности, прежде всего в Интернете, – это практики культивирования темпоральных разрывов или практики преодоления разрывов в защите информации и защите от информации. Практики преодоления разрывов осуществляются в целях ориентации в общем информационном пространстве на предмет контроля за информацией.

Наконец, в диссертации была предложена типологизация угроз информационной безопасности в условиях Интернета. Следом автор отмечает, что в перспективе необходима выработка критериев классификации типов (групп) угроз, формирование классификаций групп угроз, отвечающих различным профессиональным задачам специалистов, занимающихся проблемами безопасности.

В итоге, в диссертационном исследовании был задан социально-философский подход к обеспечению информационной безопасности как совокупности социальных практик в условиях роста интенсивности информационных потоков и устаревания информации. Как подобный подход соотносится с определением безопасности, заданным в первой главе – мера устойчивости социального порядка в условиях роста девиации? Полагаем, что мера устойчивости и безопасность (которые носят относительный характер) обеспечиваются защитой собственной информации и защитой от неприемлемой для субъекта информации в условиях продолжающейся селекции новых вариаций коммуникации. Должен выдерживаться «коридор» движения (деятельности) социального субъекта. С ходом социального времени, с нарастанием информационных потоков этот «коридор» безопасности «сужается».

В предлагаемом подходе к обеспечению информационной безопасности на второй (внутренний) план уходит утверждение о защите информации и защите от информации. Видимый (внешний) контур предмета фиксируется в формулировке «социальные практики обеспечения информационной безопасности в условиях нарастания информационных потоков и устаревания информации». Автор предлагает концептуализацию проблемы обеспечения информационной безопасности в условиях роста интенсивности и устаревания «различения различения», которое происходит в двух неравнозначных социальных мирах актуальной и виртуальной реальности. Неравнозначность этих миров наполнена драматизмом. Естественная человеческая коммуникация все более зависит от искусственной, настоящая – от симуляции.

Считаем, что подобный фокус зрения на проблему обеспечения информационной безопасности должен стать важнейшим ключом к жизни и деятельности в условиях нарастания турбулентности современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы и нормативные правовые акты

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. N Пр-1895). [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru/182535/> (дата обращения: 26.08.2013).
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru> (дата обращения: 26.08.2013).
3. Национальный стандарт РФ «Методы и средства обеспечения безопасности. Часть 1. Концепция и модели менеджмента безопасности информационных и телекоммуникационных технологий» (ГОСТ Р ИСО/МЭК 13335-1-2006). [Электронный ресурс]. – http://rfcmd.ru/sphider/docs/InfoSec/GOST-R_ISO_IEC_13335-1-2006.htm. (дата обращения: 26.08.2013).
4. Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (Утверждена Исполняющим обязанности Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации, председателя научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации 7 марта 2008 г.) [Электронный ресурс] – <http://www.scrf.gov.ru/documents/93.html> (дата обращения: 26.08.2013).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: (утв. Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. № 683) ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. — <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/688504/#ixzz3xPZQ0NDH> (дата обращения: 16.01.2016).
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В. Путиным 7 февраля 2008 г., № Пр-212). [Электронный ресурс]. – <http://www.scrf.gov.ru/documents/90.html> (дата обращения 21.03.2014)

7. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru/12181538/> (дата обращения: 26.08.2013).
8. Федеральный закон от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» (с изменениями и дополнениями) (утратил силу). [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru/10136200/> (дата обращения: 26.08.2013).
9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – <http://base.garant.ru/12148555/> (дата обращения 21.03.2014).
10. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. N 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». [Электронный ресурс]. – Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70393024/#block_111 (дата обращения 21.03.2014)

Монографии, книги, учебные пособия

11. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994.
12. Антоновский, А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем / А. Ю. Антоновский. – М.: ИФ-РАН, 2007. – 143 с.
13. Астахова, Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход / Л. В. Астахова. – Москва: РАН, 2010. – 185 с.
14. Артамонова, Я. С. От кризиса к социальной стабильности: влияние информационной безопасности на формирование института доверия / Я. С. Артамонова, Е. Н. Васильева. – Балашиха: Воен.-техн. ун-т при Спецстрое России, 2010. – 220 с.

15. Аршинов, В. И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации / В. И. Аршинов, Ю. А. Данилов, В. В. Тарасенко // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997. – С. 101–118.
16. Барт, А. НЕТОкратия Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Барт, Я. Зондерквист; пер. с англ. В. Мишучкова. – СПб.: Стокгольм. шк. в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
17. Бауман, З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / З. Бауман; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
18. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
19. Бачинин, В. А. Социология: академический курс / В. А. Бачинин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2004. – 871 с.
20. Бачило, И. Л. Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 789 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А.Ю. Антоновского [и др.]. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – 248 с.
23. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
24. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. – 783 с.
25. Бондаренко, С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ / С. В. Бондаренко. - Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 2004. – 320 с.
26. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 2001. – 233 с.
27. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

28. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Библион: Русская книга, 2003. – 272 с.
29. Будье, П. Начала. Choses dites / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
30. Будье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Будье. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2005. – 576 с.
31. Бухарин, С.Н. Методы и технологии информационных войн / С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов. – М.: Академический Проект, 2007. – 382 с.
32. Ваганов, А. Краткая феноменология Всемирной Паутины / А. Ваганов // Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / под общ. ред. А. П. Королевой; Ин-т философии РАН. – М.: Традиция, 2000. – 280 с. – С. 42–53.
33. Валлерстайн, Э. Конец знакомого мира: Социология XXI века: пер. с англ. / Э. Валлерстайн ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
34. Василенко, Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы / Л. А. Василенко // Синергетическая парадигма. – М.: Проспект – традиция, 2009. – 688 с.
35. Василенко, И. А. Политическая философия: учебное пособие / И. А. Василенко. – М.: Гардарики. 2004. – 240 с.
36. Василенко, И. А. Геополитика современного мира: учебник для бакалавров / И. А. Василенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 420 с.
37. Вахштайн, В. С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. С. Вахштайн // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. С. Вахштайн. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 392 с. – С. 7–42.
38. Вершинин, М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М. С. Вершинин. – СПб., 2001. – 252 с.
39. Викторов, А. Ш. Введение в социологию безопасности. Курс лекций / А. Ш. Викторов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 568 с.

40. Вилирио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вилирио; пер. с фр. И. Окуневой. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры»: Гнозис, 2002. – 101 с.
41. Владимирова, Т. В. Социальное взаимодействие как информационный процесс // Социальная система как информационное взаимодействие / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова, А. Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – Раздел 1. – С. 47–152.
42. Владимирова, Т. В. Государственная и национальная безопасность России: к вопросу инновационного развития // Новая парадигма управления социально-экономическим развитием регионов России / М. В. Васильева, Т. В. Владимирова, Е. В. Романенко, В. П. Часовской; под общ. ред. М. В. Васильевой // АНО содействия развитию современной отечественной науки Изд. дом «Научное обозрение». – М.: Планета, 2013. – 212 с. – Гл. 4. – С. 130–158.
43. Владимирова, Т. В. Социальная природа информационной безопасности / Т. В. Владимирова. – М.: АНО Изд. дом «Научное обозрение», 2014. – 239 с.
44. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб. : Питер, 2007. – 335 с.
45. Гибсон, Дж. А. Империализм / Дж. А. Гибсон. – М.: Кн. дом «Либроком», 2010. – 288 с.
46. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
47. Гидденс, Э. Девять тезисов о будущем социологии / Э. Гидденс // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. М.: Зима. Т. 1. Вып. 1. 1993. – С. 57–82.
48. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
49. Гишинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я. И. Гишинский. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. – 322 с.

50. Гиляревский, Р. С. Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией / Р. С. Гиляревский. – СПб.: Профессия, 2009. – 304 с.
51. Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии: учебное пособие / Г. В. Градосельская. – М.: Феникс, 2004. – 184 с.
52. Гусаим, В. Г. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие / В. Г. Гусаим, А. И. Поздняков, В. С. Шевцов; под общ. ред. А. И. Позднякова. – Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2013. – 212 с.
53. Гухман, В. Б. Философия информационного подхода / В. Б. Гухман; Твер. гос. техн. ун-т. – Тверь: Изд-во ТГТУ, 2000. – 167 с.
54. Давыдов, Ю. Н. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса (метасоциологические итоги социологии XX века) / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М.: Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – Т. 4. – С. 597–625.
55. Давыдов, Ю. Н. Постмодернизм: вызов стабилизационному сознанию в социологии? Ранний предвестник или инициатор нового кризиса? / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии: в 4 т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М.: Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – Т. 4. – С. 689–699.
56. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: Логос-Радек, 2000. – 184 с.
57. Дзलिएв, М. И. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты / М. И. Дзलिएв, А. Л. Романович, А. Д. Урсул. – М.: МГУК, 2001. – 163 с.
58. Донцов, А. И. Социальная стабильность: от психологии до политики: монография / А. И. Донцов, Е. Б. Перельгина. – М.: Эксмо, 2011. – 544 с.
59. Друкер, П. Классические работы по менеджменту / П. Друкер. – М.: Моск. шк. управления «Сколково»: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 992 с.
60. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда: пер. с англ. / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1996. – 431 с.
61. Дюркгейм, Э. Социология, ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

62. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности: (Современные буржуазные теории) / Б. С. Никифоров (ред.). – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44.
63. Зарубина, Н. Н. Социологические проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобализации / Н. Н. Зарубина // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: учебное пособие / В. С. Глаголев, Н. И. Бирюков [и др.]; под ред. проф. В. С. Глаголева. – М.: Проспект, 2010. – 214 с. – Разд. 2.
64. Зеленков, М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М. Ю. Зеленков. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – 196 с.
65. Иванов, Д. В. Общество как виртуальная реальность / Д. В. Иванов // Информационное общество: сборник. – СПб.; М.: Изд-во АСТ, 2000. – С. 355–442.
66. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. - СПб: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.
67. Иванов, Д. В. Глэмкапитализм / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. – 76 с.
68. Игнатъев, В. И. Социальная система как информационное взаимодействие / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова, А. Н. Степанова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 308 с.
69. Игнатъев, В. И. Системно-генетическая динамика социума / В. И. Игнатъев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007. – 296 с.
70. Иззатдуст, Э. С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение / Э. С. Иззатдуст. – М.: Academia, 2010. – 255 с.
71. Илюшенко, В. Н. Информационная безопасность общества : учеб. пособие для ВУЗов / В. Н. Илюшенко. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998. – 64 с.

72. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
73. Интернет-СМИ: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 348 с.
74. Информационная цивилизация: пространство, культура, человек / Сарат. регион. отд-ние Рос. филос. о-ва, Саратов. гос. ун-т, Саратов. гос. акад. права ; под. ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Поволж. межрегион. учеб. центр, 2000. – 167 с.
75. Информационное общество: сборник. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 507 с.
76. Информационное общество: экономика, власть, культура: хрестоматия в 2 т. / сост. В. И. Игнатъев, Е. А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 360 с.
77. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 335 с.
78. Йоас, Ханс Креативность действия: пер. с нем. / Ханс Йоас. – СПб. : Алетейя, 2005. – 320 с.
79. Карсавин, Л. П. Религиозно-философские сочинения: в 2 т. / Л. П. Карсавин; сост. и авт. вступ. ст. С. С. Хоружего. – М.: Ренессанс 1992. – Т. 1. – 325 с.
80. Карделан, К. Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых: пер. с фр. / К. Карделан, Г. Грезийон. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 272 с.
81. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: Гос. ун-т Высш. шк. Экономики, 2000. – 606 с.
82. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 324 с.

83. Кемеров, В. Е. Введение в социальную философию / В. Е. Кемеров. – М.: Академ. проект, 2001. – 314 с.
84. Кемеров, В. Е. Общество, социальность, полисубъектность / В. Е. Кемеров. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
85. Кнорр-Цетина, К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // Социология вещей. Сборник статей. - М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 267–307.
86. Кнорр-Цетина, К. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках / К. Кнорр-Цетина, У. Брюггер // Социология вещей. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 307–342.
87. Князева, Е. Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М., 2007. – 272 с.
88. Кравченко, С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. – М.: «Анкил», 2009. – 220 с.
89. Коноплев Е. С. Info-драйвер: Как выжить в море информации / Е. С. Коноплев. – СПб.: Питер, 2009. – 240 с.
90. Колин, К. К. Социальная информатика / К. К. Колин. – М.: Фонд мира: Академ. проект, 2003. – 428 с.
91. Котелкин, А. И. Матрицы влияния. Теория и практика экономического управления / А. И. Котелкин, М. М. Мусин. – М.: Лето, 2003. – 296 с.
92. Кузнецов, В. Н. Социология безопасности / В. Н. Кузнецов. - М.: Книга и бизнес. – 2003. – 880 с.
93. Кузнецова, Ю. М. Психология жителей интернета / Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
94. Кудашов, В. И. Экология сознания в информационной культуре / В. И. Кудашов: М-во внутр. дел Российской Федерации, Сиб. юрид. ин-т. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т, 2006. – 255 с.
95. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.

96. Кудрявцев, В. Н. Нормы права как социальная информация / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.
97. Лосев, А. Ф. Вещь и имя / А. Ф. Лосев // Бытие–имя–космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 958 с. – С. 802–880.
98. Луман, Н. Власть / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Практис, 2001. – 250 с.
99. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
100. Луман, Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.
101. Луман, Н. Медиа коммуникации: пер. с нем. / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
102. Луман, Н. Эволюция / Н. Луман, пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
103. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман; пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
104. Маклюэн, М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. - М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007. – 281 с.
105. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях / А.В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
106. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. - М.: Горячая линия – Телеком, 2012. – 542 с.
107. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М.: Норма, 2007. – 800 с.
108. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. с англ. А. А. Юдина. – М.: АСТ: Москва, 2009. – 331 с.
109. Мелик-Гайказян, И. В. Информация и самоорганизация: методологический анализ / И. В. Мелик-Гайказян; Том. политехн. ун-т. – Томск, 1995. – 180 с.

110. Мелик-Гайказян, И. В. Информационные процессы и реальность / И. В. Мелик-Гайказян. – М.: Наука: Физматлит, 1997. – 208 с.
111. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
112. Морутана, У. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Морутана, Ф. Варела. – М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 224 с.
113. Муравьев, В. Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / В. Н. Муравьев. – М.: РОСПЭН, 1998. – 320 с.
114. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М.: Кн. дом. «Ун-т»: Высш. шк., 1997. – 445 с.
115. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека / Л. Мэмфорд // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – 453 с. – С. 225–239.
116. Мелюхин, И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции / И. С. Мелюхин. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – 208 с.
117. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 880 с.
118. Михайлов, В. В. Социальные ограничения: Структура и механика подавления человека / В. В. Михайлов. – 3-е Изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.
119. Моисеев, Н. Н. Универсум. Информация. Общество / Н. Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 199 с.
120. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм / Н. Н. Моисеев. – М.: МГВП КОКС, 1995. – 76 с.
121. Моисеев, Н. Н. Восхождение к разуму: лекции по университетскому эволюционизму / Н. Н. Моисеев. – М.; 1993. – 175 с.
122. Моккий, В. С. Краткое введение в информологию / В. С. Моккий, А. О. Жамборова, О. Е. Шегай. – М.; 1999. – 150 с.
123. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной

- истории (Синергетика–психология–прогнозирование) / А. П. Назаретян. – М.: Мир, 2004. – 267 с.
124. Назарчук, А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации / А. В. Назарчук. – М.: Весь мир, 2012. – 248 с.
125. Новоженина, О. В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации / О. В. Новоженина // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 195–215.
126. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. В. З. Мильнера. – М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1997. – 180 с.
127. Общество сетевых структур: монография / М. В. Ромм [и др.]; под ред. М. В. Ромма, И. А. Вальдмана; Новосиб. гос. техн. ун-т, фак-т гуманитар. образования. – Новосибирск: Наука: Изд-во НГТУ, 2011. – 327 с.
128. Опалев А. В. Национальная безопасность / А. В. Опалев, В. С. Пирумов. – М.: Оружие и технологии, 2010. – 232 с.
129. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир, 1997. С. 164–232.
130. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Социология: хрестоматия / сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. – М.: Гардарики, 2003. – С. 92–123.
131. Парсонс, Т. О структуре социального действия: пер. с англ. / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Б. Чесноковой, С. А. Белоновского. – М.: Академ. проект, 2000. – 879 с.
132. Паршин, С. А. Кибервойны – реальная угроза национальной безопасности? / С. А. Паршин, Ю. Е. Горбачев, Ю. А. Кожанов. – М.: КРАСАНД, 2011. – 96 с.
133. Перфильев, Ю. Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура / Ю. Ю. Перфильев. – М.: Гардарики, 2003. – 272 с.
134. Пирумов, В. С. Информационное противоборство. Четвертое измерение противостояния / В. С. Пирумов. – М.: Оружие и технологии, 2010. – 256 с.

135. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов: учебн. пособие для вузов / Ю. М. Плотинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
136. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
137. Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. – 4-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2008. – 528 с.
138. Пронина, Е. Е. Психология журналистского искусства / Е. Е. Пронина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 320 с.
139. Прохожев, А. А. Теория развития и безопасности человека и общества / А. А. Прохожев. – М.: Ин-октаво, 2006. – 288 с.
140. Пушкин, В. Г. Информатика, кибернетика, интеллект. Философские очерки / В. Г. Пушкин, А. Д. Урсул; АН МССР, Комис. по науке и технике, Отд. философии и права. – Кишинев: Штиинца, 1989. – 295 с.
141. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
142. Расторгуев, С. П. Основы информационной безопасности: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / С. П. Расторгуев. – 2-е изд., стер. – М.: Изд. центр «Академия», 2009. – 192 с.
143. Расторгуев, С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2003. – 496 с.
144. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
145. Романов, О. В. Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей / О. В. Романов. – Самара: Перспектива, 2003. – 173 с.
146. Романович, А. Л. Перспективы развития и обеспечение безопасности: философско-методологические проблемы / А. Л. Романович. – М.: Изд-во МГУК: Изд. дом «Друг», 2002. – 320 с.
147. Рыбалкин, Н. Н. Философия безопасности / Н. Н. Рыбалкин. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. – 296 с.

148. Смирнов, А. А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза / А. А. Смирнов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 159 с.
149. Смолян, Г. Л. Интернет в России. Перспективы развития / Г. Л. Смолян, В. Н. Цыгичко, Д. Д. Хан-Магомедов. – М.: Едиториал УРСС, 2004, – 200 с.
150. Современная социологическая теория: Будье, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие / сост., переводчик и автор вступ. ст. А. В. Леденева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – 120 с.
151. Соколова, И. В. Социальная информатика: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Перспектива; Изд-во РГСУ, 2008. – 271 с.
152. Соколова, И. В. Социальная информатика: Новый образовательный стандарт: курс лекций: учеб. пособие в обл. соц. работы. – М.: Изд-во МГСУ, 2002. – 251 с.
153. Соколов, А. В. Метатеория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб.: Изд-во РНБ, 2001. – 352 с.
154. Стрельцов, А. А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / А. А. Стрельцов; под ред. В. А. Садовниченко и В. П. Шерстюка. – М.: МЦНМО, 2002. – 86 с.
155. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер. – М., 1985. – 472 с.
156. Ткаченко, С. В. Информационная война против России / С. В. Ткаченко. – СПб.: Питер, 2011. – 224 с.
157. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – 560 с.
158. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 1990. – 781 с.
159. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
160. Урсул, А. Д. Ускорение, интенсификация, экология (Философские методологические аспекты) / А. Д. Урсул; АН МССР, Отд-ние филос. и права. – Кишинев: Штиинца, 1988. – 279 с.

161. Урсул, А. Д. Отражение и информация (Философия и естествознание) / А. Д. Урсул. – М.: Мысль, 1973. – 231 с.
162. Урсул, А. Д. Универсальный эволюционизм (концепции, подходы, принципы, перспективы) : учеб. пособие / А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М.: РАГС, 2007. – 316 с.
163. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. – 336 с.
164. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри; пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.
165. Фукуяма, Ф. Великий разрыв : пер. с англ. / Ф. Фукуяма; под общ. ред. А. В. Александровой. – М.: Изд. АСТ, 2003. – 476 с.
166. Фостер, Р. Созидательное разрушение / Р. Фостер, С. Каплан. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 378 с.
167. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
168. Хесус Лау Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни /Лау Хесус; пер. с англ. / Guidelines on Information Literacy for Lifelong Learning, 2006. – 45 с.
169. Цыганов, В. В. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология / В. В. Цыганов, С. Н. Бухарин. – М.: Академический проект. 2007. – 324 с.
170. Чапля, Т. В. Аксиология информационного взаимодействия: теоретико-методологический анализ / Т. В. Чапля. – Новосибирск: Наука, 2006. – 243 с.
171. Черных, А. И. Социология массовых коммуникаций / А. И. Черных. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. – 273 с.
172. Чупров, В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2001. – 230 с.

173. Шакин, Д. Н. Информационная безопасность / Д. Н. Шакин, Е. Г. Бунев, С. М. Доценко, А. П. Ильин, П. С. Марголин, В. С. Пирумов, С. И. Тынянкин. – М.: Оружие и технологии, 2009. – 256 с.
174. Шеховцев, А. Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / А. Ю. Шеховцев; под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 176 с.
175. Шеховцев, А. Ю. Информационные аспекты познавательных и коммуникативных процессов / А. Ю. Шеховцев; под ред. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 169 с.
176. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Эрик Шмидт, Джарел Коэн; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
177. Штомпка, П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / П. Штомпка; под ред. В. М. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
178. Шульц, В. Л. Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством / В. Л. Шульц, В. В. Кульба, А. Б. Шелков, И. В. Чернов; Центр исследования проблем безопасности РАН. – М.: Наука, 2015. – 542 с.
179. Шульц, В. Л. Безопасность социально-экономических систем / В. Л. Шульц, В. В. Цыганов, Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Терехова. – М.: Наука, 2009. – 272 с.
180. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
181. Щербина, В. Н. Сетевые сообщества в ракурсе социологического анализа / В. Н. Щербина. – Бердянск: Бердянский гос. пед. ин-т, 2001. – 130 с.
182. Щютц, А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии: пер. с англ. / А. Щютц. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. – 334 с.
183. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна / М. Эпштейн // Информационное общество: экономика, власть, культура:

- хрестоматия: в 2 ч. / сост. В. И. Игнатъев, Е. А. Салихова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Ч. 2. – С. 183–195.
184. Эриксен, Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации / Т. Х. Эриксен; пер. с. норвеж. - М.: Весь мир, 2003. – 208 с.
185. Янсен, Ф. Эпоха инноваций / Ф. Янсен. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 308 с.
186. Яновский, Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. – М.: Academia, 1999. – 358 с.
187. Яценко, М. П. Глобализация как форма организации исторического процесса / М. П. Яценко. – Красноярск: ИПК СФУ, 2008. – 338 с.

Статьи

188. Артюхин, В. В. Веб 2.0 как источник неконструктивной активности в Интернете / В. В. Артюхин // Образовательные технологии и общество. – 2010. – № 2. – С. 327–344.
189. Акопов, А. И. Электронные сети как новый вид СМИ / А. И. Акопов // Филологический вестник РГУ. – 1998. – № 3. – С. 29–34.
190. Акопов, Г. Л. Политическая Интернет-модернизация: некоторые теоретические предпосылки к исследованию / Г. Л. Акопов // Политика и общество. – 2011. – № 8. – С. 4–8.
191. Акопов, Г. Л. Влияние интернет-сетевого сообщества на процессы демократизации в современной России / Г. Л. Акопов // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 21–27.
192. Акопов, Г. Л. Политико-правовые угрозы распространения социально-ориентированных интернет-технологий / Г. Л. Акопов // Национальная безопасность – Nota bene. – 2012. – № 2. – С. 60–67.
193. Аносов, В. Д. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности / В. Д. Аносов, В. Е. Лепский, А. А. Стрельцов // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. – С. 43–47.

194. Арсентьев, М. В. К вопросу о понятии об информационной безопасности / М. В. Арсентьев // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. – С. 48–50.
195. Атаманов, Е. Г. Информационная безопасность: сущность и содержание / Е. Г. Атаманов // Бизнес и безопасность в России. – 2007. – № 47. – С. 104–109.
196. Балахонский, В. В. Системно-информационные и синергетические основания философского осмысления феномена социальной безопасности / В. В. Балахонский // Философия права. – 2011. – № 1 (44). – С.19–23.
197. Батаева, Е. В. Этнометодологический анализ онлайн-коммуникаций: кризисный эксперимент в чатах / Е. В. Батаева // Социс. – 2011. – № 12. – С. 88–98.
198. Батаева, Е. В. Социальная феноменология киберкоммуникации / Е. В. Батаева // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2011. – № 1. – С. 22–31.
199. Бахтин, С. А. Интернет-экономика – новый вызов национальной экономической безопасности: общая характеристика / С. А. Бахтин // Национальная безопасность – Nota bene. – 2012. – № 6 (23). – С. 118–122.
200. Букреев, И. Н. Социальные аспекты информационной безопасности / И. Н. Букреев // Информационное общество. – 1998. – № 1. – С.42–43.
201. Бусыгина, И. М. Политические условия и ограничения инновационного развития России / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Вестник Института Кеннана в России. – 2010. – Вып. 18. – С. 22–30.
202. Бороноев, А. О. О понятиях «общество» и «социальное» / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов // Социс. – 2003. – № 8. – С. 3–11.
203. Брандман, Э. М. Информационная безопасность российского общества в современных условиях / Э. М. Брандман // Власть. – 2007. – № 5. – С. 68–71.
204. Вахштайн, В. С. «Практика» vs. «Фрейм»: альтернативные подходы к исследованию социального мира / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1 – С. 65–95.
205. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. Пространства, сети, потоки в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн // Социологическая теория:

- история, современность, перспективы / Под ред. А. Ф. Филиппова. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 489–523.
206. Вахштайн, В. С. Социология гибридного мира: фреймы, сети, актанты / В. С. Вахштайн // «Современность/Post. Альманах социокультурных исследований». – 2006. – №1.
207. Виноградов, В. А. Информация и глобальные проблемы современности / В. А. Виноградов // Вопросы философии. – 1983. – № 12. – С. 95–98.
208. Владимирова, Т. В. Информационные основания самореференции личности / Т. В. Владимирова // Философия образования. – 2006. – № 2 (16). – С. 337–343.
209. Владимирова, Т. В. Универсальное и особенное в представлении об информационной безопасности в условиях войны и мира / Т. В. Владимирова // Армия и общество: Научно-информационный журнал. – 2015. – № 1. – С. 110–113.
210. Владимирова, Т. В. Интенсивность социального информационного взаимодействия как критерий дифференциации современной личности / Т. В. Владимирова // Социальная политика и социология. – 2007. – № 2. – С. 200–207.
211. Владимирова, Т. В. Рост интенсивности социального информационного взаимодействия и особенности современных социальных практик / Т. В. Владимирова // Философия и культура. – 2015. – № 2. – С. 230–242.
212. Владимирова, Т. В. Сетевые практики обеспечения информационной безопасности // Политика и Общество. — 2015. – № 2. – С. 250–261.
213. Владимирова, Т. В. Социологическое знание и безопасность в сетевом пространстве / Т. В. Владимирова // Философия образования. – 2010. – № 3 (32). – С. 50–56.
214. Владимирова, Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз / Т. В. Владимирова // Социологические исследования. – 2011. – № 5. – С. 123–129.

215. Владимирова, Т. В. Социальная безопасность: к социологической перспективе / Т. В. Владимирова // Идеи и идеалы: научный журнал. – 2011. – № 1 (7), т. 2. – С. 78–85.
216. Владимирова, Т. В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества / Т. В. Владимирова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV, № 2. – С. 129–146.
217. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: к методологическим основаниям анализа вопроса / Т. В. Владимирова // Информационное общество. – 2012. – № 5. – С. 47–52.
218. Владимирова, Т. В. Безопасность как устойчивость социального порядка в условиях возрастания девиации / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность — Nota bene. – 2013. – № 1 (24). – С. 12–19.
219. Владимирова, Т. В. Сетевые коммуникации как новая «формула спасения» социального порядка / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность — Nota bene. – 2013. – № 2 (25). – С. 371–378.
220. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социологическая перспектива понятия / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность — Nota bene. – 2013. – № 4 (27). – С. 597–604.
221. Владимирова, Т. В. Уровень интенсивности коммуникаций как критерий обеспечения информационной безопасности / Т. В. Владимирова // Политика и Общество. — 2014. – № 4. – С.461–469.
222. Владимирова, Т. В. О необходимом знании для идентификации угроз государственной безопасности / Т. В. Владимирова // Армия и общество: Научно-информационный журнал. – 2014. – № 2 (39). – С. 34–40.
223. Владимирова, Т. В. Взгляд на практики обеспечения информационной безопасности / Т. В. Владимирова // Информационные войны. – 2014. – № 1(29). – С. 82–87.
224. Владимирова, Т. В. Информационная безопасность: социальные практики и структуры / Т. В. Владимирова // Национальная безопасность – Nota bene. – 2014. – № 4 (112). – С. 461–469.

225. Говорунов, А. В. Человек в ситуации виртуальной реальности / А. В. Говорунов // Информационное общество. – 2001. – № 1. – С. 22–24.
226. Гревцов, В. Е. Развитие социальных связей и отношений в виртуальных сообществах / В. Е. Гревцов // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 59–61.
227. Гуменский, А. Интернет и порядок: рулить, но не грести / А. Гуменский // Международные процессы. – 2009. – №1. – С. 154–157.
228. Давыдов, А. А. Компьютационная теория социальных систем / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 14–24.
229. Давыдов, А. А. О компьютерной теории социальных агентов / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 19–28.
230. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 27–30.
231. Делёз, Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна: сб. пер. и реф. / сост. А. Р. Усманова. – Минск: Красико-Принт, 1996. – С. 6–31.
232. Диев, В. С. Роль философии в изучении проблем безопасности / В. С. Диев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1. – С. 43–45.
233. Диев, В. С. Некоторые концептуальные подходы к определению понятия «безопасность» / В. С. Диев // Вестник НГУ. Серия: Философия. - 2007. – Т. 5, вып.1. – С. 65–68.
234. Дугин, А. Г. Теоретические основы сетевых войн / А. Г. Дугин // Информационные войны. – 2008. – №1 (5). – С. 2–9.
235. Дугин, А. Г. Сетецентричные войны / А. Г. Дугин // Информационные войны. – 2008. – № 1 (5). – С. 10–16.
236. Еляков, А. Д. Кибербезопасность – острейшая проблема современности / А. Д. Еляков // Свободная мысль. – 2011. – № 7 – 8 (1626). – С. 233–244.
237. Еляков, А. Д. Проблемы информационной безопасности в использовании электронных компьютерных технологий / А. Д. Еляков // Социс. – 2013. – № 10. – С. 120–128.

238. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.
239. Емельянов, Г. В. Проблемы обеспечения безопасности информационного общества / Г. В. Емельянов, А. А. Стрельцов // Информационное общество. – 1999. – № 2. – С. 15–17.
240. Зеленков, М. Ю. О проблемах фундаментальных категорий теории обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / М. Ю. Зеленков // Национальная безопасность – Nota bene. – 2014. – № 6. – С. 997–1005.
241. Зеленков, М. Ю. Структурно-функциональный подход к системе национальной безопасности Российской Федерации / М. Ю. Зеленков // Национальная безопасность. – Nota bene. – 2015. – № 2 (37). – С. 177–196.
242. Землянова, Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура / Л. М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 1999. – № 2. – С. 58–69.
243. Зуев, А. Общество. «Виртуальная демократия» в опасности / А. Зуев // Свободная мысль. – XXI. – 2004. – № 5. – С. 76–81.
244. Зуев, А. Онлайн-сообщества в «новой экономике» / А. Зуев, Л. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11. – С. 15–22.
245. Иванов, Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема / Д. В. Иванов // Проблемы теоретической социологии. – 2000. – Вып. 3. – С. 270–299.
246. Иванов, Д. В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин / Д. В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 2–3. – С. 21–51. С. 51–65.
247. Ивахненко, Е. Н. Аутопойезис информационных объектов / Е. Н. Ивахненко // Информационное общество. – 2009. – №1. – С. 23–31.

248. Игнатъев, В. И. Информационный резонанс в социальной системе / В. И. Игнатъев // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3 (13), т. 1. – С. 92–103.
249. Игнатъев, В. И. Современность в информационном потоке: социальная реальность vs социальная действительность / В. И. Игнатъев // Идеи и идеалы. – 2013. – № 4 (18), т. 1. – С. 106–119.
250. Игнатъев, В. И. Виртуализация социального пространства и трансформация повседневных практик / В. И. Игнатъев, А. Н. Степанова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. – № 3. – С. 91–104.
251. Игнатъев, В. И. Модели информационного взаимодействия / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова // Социально-гуманитарные исследования: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 64–79.
252. Игнатъев, В. И. К онтологии социального информационного взаимодействия / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова // Социально-гуманитарные исследования: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. – Вып. 2. – С. 79–87.
253. Игнатъев, В. И. Индивидуализированное общество с позиции «Другого» / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова // Сибирский социологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 171–175.
254. Игнатъев, В. И. Социальное информационное взаимодействие: интенсивность и трансформации / В. И. Игнатъев, Т. В. Владимирова // Сибирский социологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 95–110.
255. Интервью с первым заместителем председателя комитета по безопасности Государственной Думы РФ М. И. Гришанковым // ФСБ «за» и «против». – 2009. – № 2.
256. Кемеров, В. Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 59–67.
257. Кемеров, В. Е. Концепция радикальной социальности / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 3–13.

258. Кнорр-Цетина, К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 22–47.
259. Коноплицкий, С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа / С. Коноплицкий // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – №3. – С. 167–178.
260. Корбут, А. М. На что можно указать пальцем? Фрейм, практика, вещь / А. М. Корбут // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 1. – С. 71–85.
261. Корытникова, Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества / Н. В. Корытникова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 85–93.
262. Кравченко, С. А. Социология и вызовы современной социокультурной динамики / С.А. Кравченко, В.Л. Романов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 3–11.
263. Кудашов, В. И. Роль когнитивных технологий в обществе знания / В. И. Кудашов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1. – С. 92–97.
264. Кудашов, В. И. Глобальное будущее 2045: проблемы социальных и культурных преобразований / В. И. Кудашов // Философские науки. – 2014. – № 8. – С. 152–157.
265. Кульба, В. В. Планирование и реализация информационного управления / В. В. Кульба, Д. А. Кононов, С. А. Косяченко, В. В. Цыганов, И. В. Чернов // Информационные войны. – 2010. – №3. – С.59–69.
266. Кульба, В. В. Информационное управление. Часть 1. Концептуальные основы / В. В. Кульба, В. Л. Шульц, А. Б. Шелков // Национальная безопасность - Nota bene. – 2009. – № 3. – С. 4–14.
267. Луман, Н. Глоссарий / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 125–128.
268. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.

269. Мальцева, Д. В. О современных сетевых теориях в социологии / Д. В. Мальцева, Н. В. Романовский // Социс. – 2011. – № 8. – С. 28–37.
270. Манойло, А. В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов / А. В. Манойло // Вестник МГИМО – Университета. – 2014. – № 6(39). – С. 61–67.
271. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 2. – С. 89–105.
272. Миронов, Б. Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации / Б. Н. Миронов // Социс. – 2013. – № 10. – С. 29–39.
273. Морозов, И. Л. Информационная безопасность политической системы / И. Л. Морозов // Полис. – 2002. – № 5. – С. 134–144.
274. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
275. Назарчук, А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56–66.
276. Наоми, С. Барон. Люди, в которых мы превращаемся: цена постоянного нахождения на связи / С. Барон Наоми // Информационное общество. – 2010. – № 5. – С. 18 – 29.
277. Нежданов, И. Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в Интернете / И. Ю. Нежданов // Информационные войны. – 2014. – № 2 (30). – С. 18–20.
278. Норт, Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Нортон // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 6–12.
279. Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса / К. Н. Обухов // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – № 3. – С. 107–110.
280. Осипов, В. Ю. Проблемы противодействия информационному экстремизму, криминалу и вандализму / В. Ю. Осипов, Р. М. Юсупов // Национальная безопасность. – nota bene. – 2009. – № 5/6. – С. 80–85.

281. Патрушев, Н. П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России / Н. П. Патрушев // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 3–12.
282. Подвойский, Д. Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему / Д. Г. Подвойский // Социс. – 2013. – № 10. – С. 3–12.
283. Полтораков, А. Ю. Политико-системные аспекты безопасности постиндустриального общества / А. Ю. Полтораков // Национальная безопасность – Nota bene. – 2009. – № 2. – С. 18–23.
284. Полтораков, А. Ю. Приватизация насилия: социополитический контекст / А. Ю. Полтораков // Политика и Общество. – 2009. – № 10. – С. 45–52.
285. Пономарева, Е. Г. Инновация как научная и политическая проблема / Е. Г. Пономарева, А. Э. Никифорова // Свободная мысль. – 2011. – № 1. – С. 29–44.
286. Ревич, Ю. Реалии виртуальности. Нужен ли России специальный закон об Интернете? / Ю. Ревич // ФСБ «за» и «против». – 2009. – № 2. – С. 27–30.
287. Романовский, Н. В. Интерфейсы социологии и киберпространства / Н. В. Романовский // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 16–23.
288. Русаков, А. Ю. Социальные конфликты постиндустриального общества / А. Ю. Русаков // Свободная мысль. – 2008. – № 5. – С. 97–107.
289. Русаков, А. Ю. Проблема социальной обусловленности классических и симуляционных информационно-коммуникативных технологий / А. Ю. Русаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. – 2008. – Март. Вып. 1. – С. 188–195.
290. Сацута, А. А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма // Вестник Военного университета. – 2007. – № 3.
291. Серебрянников, В. В. Социальная безопасность как исследовательская проблема / В. В. Серебрянников, Р. Г. Яновский // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. – С. 291–304.
292. Сивиринов, Б. С. Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? / Б. С. Сивиринов // Социологические исследования. – 2003. – №1. – С. 39–44.

293. Скуратов, А. Б. «Пассивные» пользователи в системе информационной стратификации локального интернет-сообщества / А. Б. Скуратов // Вестн. Бурятского гос. ун-та. – 2010. – № 14. – С. 206–207.
294. Скуратов, А. Б. Сетевая структура и ризоморфность локальных интернет-сообществ крупных российских городов / А. Б. Скуратов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2008. – № 33. – С. 8–13.
295. Смирнова, А. Г. Угрозы безопасности как предмет социологического исследования / А. Г. Смирнова // Социология власти. – 2010. – № 5. – С. 81–89.
296. Смолян, Г. Л. Политико-идеологическая составляющая информационно-психологической безопасности / Г. Л. Смолян, Г. М. Зараковский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 29–36.
297. Соколов, Б. В. Теория информации: эволюция взглядов и подходов, современные проблемы и возможные пути развития / Б. В. Соколов, Б. В. Алексеев // Проблемы информатизации. – 2001. – Вып. 3. – С. 26–29.
298. Станчик, С. С. Роль Интернета в современных переворотах / С. С. Станчик // Национальная безопасность – Nota bene. – 2012. – № 5 (22). – С. 67–72.
299. Сундиев, И. Ю. Информационные технологии в экстремисткой деятельности молодежных объединений / И. Ю. Сундиев // Научный портал МВД России. – 2010. – № 2. – С. 11–21.
300. Суворов, А. А. Интернет: масс-медийные характеристики / А. А. Суворов // Известия Саратовского ун-та. – 2009. – № 3. – С. 64–70.
301. Тарасенко, В. В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» / В. В. Тарасенко // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 111–120.
302. Тихонова, С. В. Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть / С. В. Тихонова // Политические исследования. – 2007. – № 3. – С. 53–64.
303. Трахтенберг, А. Д. В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиа / А. Д. Трахтенберг // Социальная философия и социология. – 2010. – С. 28–38.

304. Тюгашев, Е. А. Криминология и синергетика / Е. А. Тюгашев // Вестник НГУ. 2008. Т.4, вып. 2. – С. 29–36.
305. Урсул, А. Д. Взаимосвязь безопасности и развития в контексте универсального эволюционизма / А. Д. Урсул // Национальная безопасность – Nota bene. – 2009. – № 5/6. – С. 20–31.
306. Урсул, А. Д. Проблемы безопасности и синергетика / А. Д. Урсул // Национальная безопасность – Nota bene. – 2011. – №2.
307. Урсул, А. Д. Природа безопасности / А. Д. Урсул // Безопасность Евразии. – 2008. – № 1. – С. 7–36.
308. Урсул, А. Д. Информатизация партии: необходимость концепции и принципы ее разработки / А. Д. Урсул // Кадры партии. – 1990. – № 2. – С. 71–80.
309. Урсул, А. Д. Информационное пространство и безопасность предпринимательской деятельности / А. Д. Урсул, М. И. Дзлиев // Безопасность Евразии. – 2001. – № 3.
310. Филиппов, А. Ф. Ясность, беспокойство и рефлексия: к социологической характеристике современности / А. Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1998. – № 8. – С. 38–58.
311. Филиппов, А. Ф. Луман Н. Наблюдение современности / А. Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 185–189.
312. Цыганов, В. В. Информационное управление, как решение проблемы социально-экономического застоя при ограничениях глобального роста / В. В. Цыганов // Информационные войны – 2012. – № 3. – С. 59–69.
313. Цыганов, В. В., Механизмы изменения сознания в информационном противоборстве / В. В. Цыганов, Ю. Г. Бочкарева // Информационные войны. – 2012. – № 3 (23). – С. 2–10.
314. Цыганов, В. В. Высокие гуманитарные технологии в политической системе общества / В. В. Цыганов, В. Л. Шульц // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 85–93.

315. Черненко, Е. В. Холодная война 2.0? Киберпространство как новая арена противостояния / Е. В. Черненко // Россия в глобальной политике. – 2013. – Том 11, № 1. – С. 162–170.
316. Шерстюк, В. П. Угроза международной информационной безопасности в условиях формирования глобального информационного общества и направления сотрудничества / В. П. Шерстюк // Право и безопасность. – 2010. – № 4 (37). – С. 24–27.
317. Шматко, Н. А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё / Н. А. Шматко // Бурдьё, П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 7–26.
318. Шульц, В. Л. Информационное управление в условиях глобализации и геополитическое противоборство / В. Л. Шульц, В. В. Кульба, А. Б. Шелков, И. В. Чернов // Национальная безопасность – Nota bene. – 2015. – № 2 (37). – С. 202–243.
319. Шульц, В. Л. Современные проблемы общей теории безопасности / В. Л. Шульц // Геополитика и безопасность. – 2013. - № 2 (22) . – С. 16–18.
320. Шульц, В. Л. Сценарный анализ в управлении социальной безопасностью / В. Л. Шульц // Национальная безопасность – Nota bene. – 2012. – № 6 (23). – С. 4–21.
321. Шульц, В. Л. Сценарный анализ эффективности управления региональной безопасностью / В. Л. Шульц, В. В. Кульба, А. Б. Шелков, И. В. Чернов // Национальная безопасность – Nota bene. – 2014. – № 2. – С. 188–206.
322. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS. – 1993. – Т. 1, – вып. 2. – С. 123–136.
323. Юсупов, Р. М. Информационное обеспечение национальной безопасности / Р. М. Юсупов // Национальная безопасность – Nota bene. – 2010. – № 7/8.

Справочная литература

324. Современный философский словарь / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. – М., 2004. — 864 с.
325. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2 т.: пер. с англ. / Дж. Дэвид, Дж. Дэвид. – М.: Вече: АСТ, 1999. – Т. 2. – 528 с.
326. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. / В. И. Даль. – М., 1981. – 699 с.
327. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994. – 575 с.
328. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1981.
329. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. И. Шведова. – М.: Рус. яз., 1995. – 816 с.
330. Оксфордский словарь. [Электронный ресурс]. – <http://oxforddictionaries.com/definition/english/security?q=security> (дата обращения 26.08.2013).
331. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – М.; Бишкек; Екатеринбург: Одиссей, 1996. – 806 с.
332. Философский энциклопедический словарь / Редкол. С. С. Аверинцев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
333. URL: <http://my-dictionary.ru/> (дата обращения 22.03.2014).
334. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко, 2003. [Электронный ресурс]. – <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/bezopasnost> (дата обращения 22.03.2014).
335. Энциклопедический словарь А. Ф. Брокгауза, И. А. Эфрона. [Электронный ресурс]. – http://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения 22.03.2014).

336. Энциклопедия «Британика». [Электронный ресурс]. – <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/551402/social-security>. (дата обращения 26.08.2013).

Авторефераты и диссертации

337. Антюшин, С. С. Техничко-технологическая безопасность современной России (Социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. С. Антюшин. – М., 2013. – 22 с.
338. Атаманов, Г. А. Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Атаманов. – Волгоград, 2006. – 24 с.
339. Барышев, Р. А. Киберпространство и проблема отчуждения: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. А. Барышев. – Красноярск, 2009. – 24 с.
340. Баженов, С. В. Трансформация российской идентичности в процессе информационного противоборства в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. В. Баженов. – Ростов-н/Д, 2010. – 25 с.
341. Богдаков, Д. В. Типология социально-коммуникативной сферы современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. В. Богдаков. – Н. Новгород, 2013. – 22 с.
342. Богданова, М. А. Теоретические аспекты совершенствования государственной политики развития информационного пространства и обеспечения информационной безопасности России в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. А. Богданова. – М., 2006. – 20 с.
343. Бородин, А. С. Информационная безопасность в современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук / А. С. Бородин. – СПб., 2009. – 24 с.
344. Брун, О. Е. Развитие теории социальных сетей: от локального к глобальному социуму: автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. Е. Брун. – М., 2012. – 25 с.

345. Владимирова, Т. В. Социальное взаимодействие как информационный процесс: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. В. Владимирова. Новосибирск, 2007. – 20 с.
346. Возжеников, А. В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дис. ... д-ра полит., наук / А. В. Возжеников. – М., 2002. – 53 с.
347. Груздев А. А. Причины и способы развития системы социальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. А. Груздев. – Красноярск, 2015. – 24 с.
348. Гугуева, Д. И. Процессы дифференциации в сообществах глобальной сети интернет: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. И. Гугуева. – Р/нД., 2013. – 31 с.
349. Гухман, В. Б. Философская сущность информационного подхода: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. Б. Гухман. – М., 2001. – 46 с.
350. Дьяков, А. А. Социально-философский анализ коммуникативных оснований социальной практики: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. А. Дьяков. – Саратов, 2012. – 20 с.
351. Жабина, В. В. Риски инновационного развития общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. В. Жабина. – Саратов, 2013. – 20 с.
352. Журавлева, Е. Ю. Глобальная информационная компьютерная сеть Интернет: проблемы становления и развития (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук / Е. Ю. Журавлева. – Вологда, 2002. – 143 с.
353. Зотов, В. В. Информационно-коммуникативные основы институциональных изменений современного российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В. В. Зотов. – М., 2009.
354. Иванов, Д. В. Эволюция критической теории общества: дис. ... канд. социол. наук / Д. В. Иванов. – СПб, 1998. – 159 с.

355. Иншаков, М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. В. Иншаков. – М., 2007. – 24 с.
356. Кашперский, В. И. Специфика объективного содержания информационных явлений: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. И. Кашперский. – Киев, 1977. – 24 с.
357. Коноплев, Е. С. Информационные практики в современном обществе: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук / Е. С. Коноплев. – М., 2007. – 168 с.
358. Кузнецов, П. У. Теоретические основания информационного права: дис. ... д-ра юрид. наук / П. У. Кузнецов. – Екатеринбург, 2005. – 263 с.
359. Кульминская, А. В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. В. Кульминская. – Екатеринбург, 2013. – 20 с.
360. Кутюгин, Д. И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. И. Кутюгин. – М., 2009.
361. Лавренчук, Е. А. Аутопойесис социальных сетей в Интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Лавренчук. – М., 2011. – 178 с.
362. Левин, А. А. Приоритетные направления деятельности государства по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук / А. А. Левин. – М., 2004. – 24 с.
363. Логинова, М. А. Сетевые процессы в социальном взаимодействии: дис. ... канд. филос. наук / М. А. Логинова. – Новосибирск, 2011. – 151 с.
364. Лопатина, Н. В. Теоретико-методологические основания управления информатизацией в России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Н. В. Лопатина. – М., 2008. – 52 с.

365. Лысенко, В. А. Структурно-функциональные изменения информационно-коммуникационной среды российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. А. Лысенко. – М., 2011. – 24 с.
366. Мандрыка, С. М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. М. Мандрыка. – М., 2008. – 24 с.
367. Манжуева, О. М. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности: дис. ... д-ра. филос. наук / М. О. Манжуева. – Улан-Удэ, 2015. – 383 с. URL: <http://www.bsu.ru/content/disser/189/dissertaciya-manzhuevoi.pdf> (дата обращения 22.10.2015).
368. Моздаков, А. Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности: дис. ... канд. филос. наук / А. Ю. Моздаков. – Великий Новгород, 2008. – 149 с.
369. Немыкина, О. И. Глобализация виртуальной реальности и информационная безопасность: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. И. Немыкина. – Саранск, 2011. – 24 с.
370. Невесенко, Е. Д. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети Интернет на развитие социальной активности молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. Д. Невесенко. – СПб., 2014. – 24 с.
371. Орехов, С. И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ: дис. ... д-ра филос. наук / С. И. Орехов. – Омск, 2002. – 159 с.
372. Поликарпов, А. В. Социально-философские аспекты информационной безопасности России: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Поликарпов. — Ростов н/Д., 2000. – 18 с.
373. Поправко, В. Н. Интернет-сообщества: специфика и роль в формировании социального пространства: автореф. дис. ... канд. философ. наук / В. Н. Поправко. – Томск, 2011. – 24 с.

374. Путилова, Е. А. Интернет как фактор формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Путилова. – Тюмень, 2004. – 27 с.
375. Радкевич, А. Л. Социальные интернет-практики россиян в условиях формирования информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. Л. Радкевич. – М., 2009. – 24 с.
376. Роин, О. А. Информационная безопасность как форма социального взаимодействия: автореф. дис. ... канд. социол. наук / О. А. Роин. – Сочи, 2011. – 24 с.
377. Романович, А. Л. Развитие и безопасность социоприродных систем: Философско-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. Л. Романович. – М., 2003. – 45 с.
378. Седов, Е. А. Философский анализ информационно-энтропийных процессов развития: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е. А. Седов. – М., 1983. – 45 с.
379. Семигин, Г. Ю. Политическая стабильность общества в условиях реформ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Г. Ю. Семигин. – М., 1996. – 52 с.
380. Соколова, А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук / А. М. Соколова. – Красноярск, 2007. – 174 с.
381. Струк, Е. Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е. Н. Струк. – Красноярск, 2013. – 42 с.
382. Судоргин, О. А. Императивы и приоритеты политики обеспечения информационной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук / О. А. Судоргин. – М., 2005. – 21 с.
383. Черных, С. И. Изменение образовательного пространства в информационную эпоху: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. И. Черных. – Новосибирск, 2012. – 28 с.

384. Триняк, В. Ю. Информационная безопасность как социально-культурный феномен (Социально-философское исследование): автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.Ю. Триняк. – Днепропетровск, 2009. – 29 с.

Электронные ресурсы

385. Акопян, О. А. Ведущие мировые фабрики мысли сегодня: новые смыслы на службе государства. Электронная публикация / О.А. Акопян. Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2760>. (дата обращения 27.08.2015).
386. Ашманов, И. Цифровой суверенитет – новая реальность / И. Ашманов. – URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf> (дата обращения 27.08.2015).
387. Белинская, Е. П. Человек в информационном мире // Блог «Киберпсихология». URL: <http://cyberpsy.ru/2011/02/belinskaya-e-p-chelovek-v-informacionnom-mire/> (дата обращения 03.12.2010)
388. URL: <http://sokolovskiy.net/e-konoplev-info-drayver-kak-vyizhit-v-mire-informatsii/> (дата обращения 27.08.2015)
389. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/1020.html> (дата обращения 01.02.2016)
390. Володенков, С. В. Новые формы массовой коммуникации в киберпространстве и современное политическое управление / С. В. Володенков // Журнал Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Выпуск № 2 / том 11 / 2011. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novye-formy-politicheskogo-upravleniya-v-kiberprostranstve-xxi-veka-vyzovu-i-ugrozy> (дата обращения 27.08.2015)
391. Владимирова, Т. В. Интенсивность коммуникаций практик новых мобильностей и информационная безопасность / Т. В. Владимирова // Социодинамика. – 2014. – № 1. – С. 89–111. – URL: http://enotabene.ru/pr/article_10918.html

392. Владимирова, Т. В. О значении новых мобильностей для безопасности / Т. В. Владимирова // Вопросы безопасности. — 2014. — № 1. — С. 9–23. — URL: http://e-notabene.ru/nb/article_11164.html
393. Гриняев, С. Н. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства / С. Н. Гриняев // Зарубежное военное обозрение. — 2001. — № 8. — URL: <http://psyfactor.org/infowar1.htm>: (дата обращения 23.08.2013).
394. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер. — URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205035/ecsoc_t3_n3.pdf#page=44 (дата обращения 23.08.2013).
395. Давыдов, А. А. Развитие Интернет-технологий – вызов современной российской социологии / А. А. Давыдов; Ин-т социологии РАН. — URL: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=957> (дата обращения: 16.09.2010).
396. Дугин, А. Г. Сетевые войны / А. Г. Дугин. Доклады Изборгского клуба. — URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2319/> (дата обращения 23.08.2013).
397. Жичкина, А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Е. Жичкина. — URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy> (дата обращения 23.08.2013).
398. Зуев, А. Г. Нетократия / А. Г. Зуев, Л. А. Мясникова. — URL: <http://compucity.narod.ru/netocratia.htm> (дата обращения 23.08.2013).
399. Иванченко, Д. А. Интерпретация Интернет-пространства в дискурсе социологии / Д. А. Иванченко. — URL: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=3080> (дата обращения 23.08.2013).
400. Канке, В. А. Фисофия / В. А. Канке — URL: <http://eurasianland.ru/txt/kanke/105.htm> 08.11.15 (дата обращения 08.11.2015).
401. Кудашов, В. И. Эпистемологические проблемы понятия «знание» / В. И. Кудашов, М. А. Петров. — URL: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/29.html (дата обращения 23.08.2013).

402. Луман, Н. Решения в «информационном обществе» / Н. Луман. – URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_i.html (дата обращения 23.08.2013).
403. Мелюхин, И. С. Информационное общество и баланс интересов государства и личности / И. С. Мелюхин // Информационное общество. – 1997. – № 4–6. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/23d97560ce093100c32575bc002dfc6c> (дата обращения 17. 03. 2014).
404. Нестеров, В. Ю. К вопросу о динамике сетевых сообществ / В. Ю. Нестеров // Русский Гуманитарный Интернет-Университет. – URL: <http://www.i-u.ru>. (дата обращения 23.08.2013).
405. Нестеров, В. Ю. Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов. – URL: [http:// flogiston.ru/articles/netpsy](http://flogiston.ru/articles/netpsy) (дата обращения 23.08.2013).
406. Паринов, С. И. Онлайн-сообщества: методы исследования и практическое конструирование: автореф. дис. ... д-ра техн. наук / С. И. Паринов. – Новосибирск, 2000. – URL: <http://nsk.socionet.ru/~parinov/autoref.htm> (дата обращения 23.08.2013).
407. Пережогин, Л. О. Интернет-аддикция в подростковой среде / Л. О. Пережогин. – URL: www.rusmedsery.com/psychsex (дата обращения 23.08.2013).
408. Попов И. М. Нетрадиционные войны будущего / И. М. Попов. – URL: <http://futurewarfare.narod.ru/Chapter4.pdf> (дата обращения 22.08.2015).
409. Тираспольский, Л. К вопросу жанра виртуальной конференции / Л. Тираспольский // Компьютерра ONLINE. – URL: www.computerra.ru/offline/2000/362/4482/ (дата обращения 3.06.2014).
410. Урсул А. Д., Цырдя Т. (Ф). Н. Информационная безопасность. Сущность, содержание и принципы ее обеспечения / А. Д. Урсул, Т. (Ф). Н. Цырдя [Электронный ресурс]. – URL: <http://security.ase.md/publ/ru/pubru22.html> (дата обращения 12.06.2014).

411. Филиппов В.А. Аналитические центры – стратегический интеллектуальный ресурс. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 104 с. URL: http://arhidoka.ru/materials/analit_center (дата обращения 22.08.2015).
412. Чеботарева, Н. Д. Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы / Н. Д. Чеботарева. – URL: www.library.by/portalus/modules/psychology (дата обращения 22.07.2014).
413. Шугальский, С. С. Социальные практики: интерпретация понятия / С. С. Шугальский // Знание. Понимание. Умение. – № 2. – 2012. – С. 276–280. – URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/2/Shugalskiy_Social-Practices/45_2012_2.pdf (дата обращения 08.11.2015).

Источники на иностранном языке

414. Bourdieu, P. The forms of capital / P. Bourdieu // Handbook of theory and research for the sociology of education / Ed. by J. G. Richardson. – N. Y: Greenwood , 1985. P. 241–258.
415. Burt, R. The Social Capital of Social Holes / R. Burt // New Directions in economic Sociology: Russell Sage Foundation / M. Guillen, R. Collins, P. England. – N. Y., 2001. – P. 201–247.
416. Castells, M. The Rise of the Network Society. Second Edition / M. Castells. Oxford: Blackwell Publishing, 2000. – 597 p.
417. Castells, M. The Informational Age : Economy, Society and Culture: 3 volumes / M. Castells. – Vol. 1: The Rise of Network Society. – 2nd Edition. – 2000. – 656 p.; Vol. 2: The Power of Identity. – 1997. – 584 p.; Vol. 3: End of Millenium. – 2nd Edition. – 2000. – 488 p.
418. Crook, S. Postmodernisation: change in advanced society / S. Crook, J. Pakulsky, M. Waters. – L.: SAGE Publications, 1992. – 223 p.
419. Coleman, J. S. Foundations of social theory / J. S. Coleman. – Cambridge: The Bellhop Press of Harvard College, 1994. – 993 p.

420. Dziebel, G. On Anthony Giddens Concept of Ontological Security, the Problem of Human Motivational Grounds and the Paradoxes of Consciousness / G. Dziebel. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.kinshipstudies.org/MAsociology/CEU.OntologicalSecurityPaper.pdf>. – Title from screen.
421. Eisenstadt, S. Tradition, change and modernity / S. Eisenstadt. – N. Y.: John Wiley & Sons, 1973. – 367 p.
422. Etzioni, A. The active society: a theory of societal and political processes / A. Etzioni. – L.: Collier-Macmillan; N. Y.: Free Press, 1968. – 698 p.
423. Featherstone, M. Global Culture: An Introduction / M. Featherstone // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. – L. : SAGE Publications, 1990. – 416 p.
424. Gates, B. The Road Ahead / B. Gates. – N. Y.: Viking Pr., 1995. – 304 p.
425. Giddens, A. Modernity and self-identity / A. Giddens. – Stanford (Cal.) Stanford: univ. press, 1991. – VII. – 256 p.
426. Giddens, A. Fate, Risk and Security / A. Giddens // Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge, 1991. – 264 p.
427. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness / Mark Granovetter // American Journal of Sociology (November 1985). – Vol. 91. – P. 48–510.
428. Heim, M. The metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / M. Heim. – Westport; London, 1991. – P. 27–33.
429. Huntington, S. P. Political Order in Changing Societies / S. P. Huntington. – Princeton: Yale University Press, 1968. – 263 p.
430. Kaldor, Mary Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control / Mary Kaldor // Social Science Research Council. – 2001. – P. 16–31.
431. Kroker, A. Data trash. The theory of the virtual class / A. Kroker, M. Weinstein. – N. Y.: St. Martin Press, 1994. – 160 p.

432. Knorr-Cetina, K. *The Manufacture of Knowledge* / K. Knorr-Cetina. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – 189 p.
433. Lash, S. *Critique of Information* / S. Lash. – L.: SAGE Publications, 2002. – 256 p.
434. Lash, S. *Sociology of Postmodernism*. – L.: Routledge, 1990. – 300 p.
435. Lash, S. *Economies of Signs and Spaces* / S. Lash, G. Urry. – L. : Sage, 1994. – 368 p.
436. Luhmann, N. *Closure and openness: On reality in the world of law* / N. Luhmann // *Autopoietic law: A new approach to law and society* / Ed. by G. Teubner. – Berlin: de Gruyter, 1988. – P. 335–348.
437. Luhmann, N. *Law as a social system* / N. Luhmann. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 498 p.
438. Luhmann, N. *Protest: System the one und Soziale Bewegungen* / N. Luhmann. – Frankfurt a/M.: Suhrkamp Verlag, 1996. – 216 p.
439. Masuda, J. *The Information Society as Post-Industrial Society* / J. Masuda. – Washington, D. C.: World Future Society, 1981. – 171 p.
440. McLuhan, M. *Understanding Media: The Extensions of Man* / M. McLuhan. – Cambridge: MIT Press, 1994. – 392 p.
441. Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture* / R. Robertson. – L.: Sage, 1992. – 567 p.
442. Shanon, C. E., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication* / C. E. Shanon, W. Weaver. – Urbana: University of Illinois Press, 1971. – 144 p.
443. Urry, I. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century* / I. Urry. – L., and N. Y.: Routledge, 2000.